

ИНСТИТУТ • ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО •

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование»

Редакционный совет:

*В.И. Бахмин, Я.М. Бергер, Е.Ю. Гениева, Г.Г. Дилигенский, В.Д.
Шадриков*

ИНСТИТУТ
ОТКРЫТОЕ
общество

ЦЫГАНКОВ П.А.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Политология», «Социология», специальностям «Политология», «Социология», «Международные отношения».

Москва
«Новая школа»
1996

ББК 60.56 я 73 Ц
96 УД К 316 : 327

Автор *П.А. Цыганков*, доктор философских наук,
профессор.

Цыганков П.А.

Ц 96 Международные отношения: Учебное пособие. — М.:
Новая школа, 1996. — 320 с. ISBN
5-7301-0281-10

Главная цель пособия — обобщить и систематизировать наиболее устоявшиеся положения и выводы, имеющиеся в мировой научной и учебно-методической литературе о международных отношениях; помочь в формировании первичного представления о современном уровне разработки этой дисциплины у нас и за рубежом.

Пособие адресовано студентам и аспирантам по специальностям: «Международные отношения», «Политология», «Социология», — а также всем изучающим общественные науки и интересующимся проблемами международных отношений.

ББК 60.56 я 73

ISBN 5-7301-0281-10

© Цыганков, 1996 © Издательство
«Новая школа», 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	<-
<hr/>	
Глава I. Теоретические истоки и концептуальные основания международных отношений	11
1. Международные отношения в истории социально-политической мысли.....	п
2. Современные теории международных отношений	17
3. Французская социологическая школа.....	32
Примечания.....	49
<hr/>	
Глава II. Объект и предмет Международных отношений	44
1. Понятие и критерии международных отношений.....	46
2. Мировая политика.....	53
3. Взаимосвязь внутренней и внешней политики.....	55
4. Предмет Международных отношений	
Примечания.....	•••-..... 0->
<hr/>	
Глава III. Проблема метода в Международных отношениях	74
1. Значение проблемы метода	75
2. Методы анализа ситуации	7Q
3. Экспликативные методы.....	09
4. Прогностические методы.....	07
5. Анализ процесса принятия решений.....	QQ
Примечания.....	-••-.....
<hr/>	
Глава IV. Закономерности Международных отношений.....	107
1. О характере законов в сфере международных отношений.....	
2. Содержание закономерностей международных отношений.....	
3. Универсальные закономерности Международных отношений.....	Ј р д л
Примечания ••.....	—.....

Глава V. Международная система	126
1. Особенности и основные направления системного подхода к анализу международных отношений.....	.129
2. Типы и структуры международных систем.....	.135
3. Законы функционирования и трансформации международных систем139
Примечания.....	.146
	.147
Глава VI. Среда системы международных отношений148
1. Особенности среды международных отношений	
2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации.....	.150
3. Внесоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях.....	.157
Примечания.....	.166
	.168
Глава VII. Участники международных отношений	
1. Сущность и роль государства как участника международных отношений.....	.171
2. Негосударственные участники международных отношений178
Примечания.....	.189
Глава VIII. Цели и средства участников международных отношений191
1. Цели и интересы в международных отношениях192
2. Средства и стратегии участников международных отношений.....	.197
3. Особенности силы как средства международных акторов.....	.200
Примечания.....	.207
Глава IX. Проблема правового регулирования международных отношений209
1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права.....	.210
2. Основные принципы международного права.....	.215
3. Взаимодействие права и морали в международных отношениях220
Примечания.....	.224

Глава X. Этическое измерение международных отношений.....

1. Многообразие трактовок международной морали.....
2. Основные императивы международной морали
3. О действенности моральных норм в международных отношениях

Примечания.....

Глава XI. Конфликты и сотрудничество в международных отношениях

1. Основные подходы к исследованию международных конфликтов.....
2. Содержание и формы международного сотрудничества.....

Примечания.....

Глава XII. Международный порядок.....

1. Понятие международного порядка.....
2. Исторические типы международного порядка.....
3. Послевоенный международный порядок.....
4. Особенности современного этапа международного порядка.....

Примечания.....

Приложение (тесты).....

**ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Учебное пособие

Редактор В. И. Михалевская Корректор Н.В. Козлова Компьютерная
верстка А.М. Быковской

Лицензия ЛР № 061967 от 28.12.92. Подписано к печати 21.10.96. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 10000
экз. Заказ 1733.

Издательство «Новая школа» 123308, Москва, Проспект Маршала Жукова, 2

Отпечатано с готового оригинал-макета в АООТ «Ярославский
полиграфкомбинат». 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международные отношения издавна занимали существенное место в жизни любого государства, общества и отдельного человека. Происхождение наций, образование межгосударственных границ, формирование и изменение политических режимов, становление различных социальных институтов, обогащение культур, развитие искусства, науки, технического прогресса и эффективной экономики тесно связаны с торговыми, финансовыми, культурными и иными обменов, межгосударственными союзами, дипломатическими контактами и иными обменов, межгосударственными союзами, дипломатическими контактами и военными конфликтами — или, иначе говоря, с международными отношениями. Их значение возрастает еще больше в наши дни, когда все страны вплетены в плотную, разветвленную сеть многообразных взаимодействий, влияющих на объемы и характер производства, виды создаваемых товаров и цены на них, на стандарты потребления, на ценности и идеалы людей.

Окончание «холодной войны» и распад «мировой социалистической системы», выход на международную арену бывших советских республик в качестве самостоятельных государств, поиски новой Россией своего места в мире, определение ее внешнеполитических приоритетов, переформулирование национальных интересов — все эти и многие другие обстоятельства международной жизни оказывают непосредственное влияние на повседневное существование людей и судьбы россиян, на настоящее и будущее нашей страны, ее ближайшее окружение и, в известном смысле, на судьбы человечества в целом.

В свете сказанного становится понятно, что в наши дни резко возрастает объективная необходимость в теоретическом осмыслении международных отношений, в анализе происходящих здесь изменений и их последствий и, не в последнюю очередь, в рас-

ширении и углублении соответствующей тематики в общегуманитарной подготовке студентов.

Как учебная дисциплина «Международные отношения»¹ впервые появляется в университетах США и Великобритании после Первой мировой войны, когда возникают первые исследовательские центры и университетские кафедры. Тогда же появляются и первые программы соответствующих учебных курсов, в которых обобщаются и излагаются результаты нового научного направления. Новый импульс в своем развитии Международные отношения получили после Второй мировой войны. Лидирующие позиции США на мировой арене, убежденность политической элиты страны в ответственности Америки за судьбы международного порядка вызвали в ней потребность осмыслить глубинные корни разрушительных международных конфликтов с целью их недопущения в будущем, найти пути мирного разрешения спорных вопросов в отношениях между государствами, повысить роль межправительственных организаций в достижении коллективной безопасности и, конечно, надежно защитить свои национальные интересы в условиях быстро меняющегося международного окружения. В такой обстановке крупные средства, выделяемые на изучение международных проблем, в сочетании с гибкой университетской системой превратили США в крупнейший научный центр по исследованию мировой политики и международных отношений. Благодаря работам таких ученых как Эдвард Карр, Николае Спайкмен, Рейнхольд Нибур и особенно Ганс Морген-тау (который в 1948 г. издал свой главный труд «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир»), в социальных науках прочно утверждается относительно самостоятельное направление, изучающее международные реалии. Сегодня, по различным оценкам, от 80 до 85% всей мировой литературы по Международным отношениям издается в США², что отчасти дает основание квалифицировать эту дисциплину как «*as American as an apple pie*»³. Вместе с тем, в последнее время Международные отношения достаточно интенсивно развиваются и в Европе, в

¹ Здесь и далее под «Международными отношениями» понимается соответствующая наука и учебная дисциплина. В свою очередь, для обозначения объекта данной науки и учебной дисциплины используется термин «международные отношения».

² Это не означает, что все авторы публикуемых в США работ — американские граждане. Здесь ситуация полностью соответствует тому положению, которое существует в политической науке в целом (см. об этом: Хрусталева М.А. Теория политики и политический анализ. Учебное пособие. М., МГИМО, 1992, с. 3—4).

³ См. *Korani B. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donees.* Montreal, 1987, p. X.

частности в Англии, где эта дисциплина имеет прочные традиции, во Франции и других странах.

В нашей стране судьба Международных отношений, как и социальных наук в целом, была достаточно сложной. С одной стороны, учитывая потребность государства опираться на научные подходы при планировании международно-политических акций и принятии соответствующих решений, власть была вынуждена создать и терпеть существование в рамках Академии наук специализированных исследовательских центров — таких, как, например, Институт мировой экономики и международных отношений или Институт экономики мировой системы социализма. С другой стороны, бдительный контроль за «идеологической чистотой» научного поиска и стремление «оградить» граждан от «опасности проникновения буржуазного влияния» зачастую фактически сводили этот поиск на нет. Основным жанром, в рамках которого результаты научных исследований находили свой выход, были «аналитические записки в инстанции», а также закрытые публикации системы Институты, существовавших при ЦК КПСС, КГБ и т.п. Что касается Международных отношений как учебной дисциплины, то ее преподавание велось только в полужакрытых «ведомственных» институтах типа МГИМО.

С 90-х годов положение начинает меняться. Коренные социально-политические изменения в стране породили настоятельный «социальный заказ» на разработку научной базы в решении таких задач, как эффективная политическая социализация общества, повышение уровня политической культуры и политического участия граждан. Появляются как переводные, так и отечественные труды по проблемам политической науки, переориентируются многие из ранее существовавших периодических изданий по общественным наукам, возникают новые научные и публицистические журналы политологического профиля. Введение политологии в программы высших учебных заведений стимулировало подготовку соответствующих учебников и учебных пособий. И пусть не во всем это проходило гладко, в целом можно сказать, что за короткий промежуток времени появляются признаки зарождения вполне состоятельной дифференцирующейся отечественной политологической школы, интегрирующейся в международное научное сообщество, отражающей как достижения мировой научной мысли, так и российские политические проблемы и задачи.

В то же время сказанное относится в большей мере к такому разделу политологии, который изучает «внутриполитические» реалии. Что же касается Международных отношений, то здесь сложилось несколько иное положение. В настоящее время в стране

существует множество центров международно-политических исследований. Однако их разобщенные усилия в большинстве своем направлены на выполнение сиюминутных заказов и прогнозов конъюнктурного характера и, чаще всего, далеки от разработки фундаментальных проблем Международных отношений. Синтеза результатов подобных исследований, их теоретического обобщения не происходит еще и потому, что в большинстве отечественных вузов, в отличие от университетов «дальнего зарубежья», Международные отношения не стали самостоятельным предметом изучения, что, безусловно, сужает рынок соответствующей научной и, особенно, учебной литературы по Международным отношениям. Одновременно, несмотря на требования Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по политологии, включающего в качестве самостоятельного раздела «Мировая политика и международные отношения», в существующей учебной литературе по политологии Международные отношения либо «блистательно отсутствуют», либо наличествуют чисто формально, в виде необязательного дописка, зачастую во многом диссонирующего или же слабо коррелирующего с основным содержанием учебников. Существующие же попытки «вписать» Международные отношения в общий контекст политической науки носят изолированный характер и решают совершенно иные задачи.

В этой связи основная цель предлагаемого вниманию читателя учебного пособия состоит в том, чтобы отчасти заполнить тот пробел, который существует в данной области учебно-методической литературы по политической науке. Представляя собой переработанное издание «Политической социологии международных отношений», оно призвано способствовать решению тех же задач: обобщению и систематизации наиболее устоявшихся положений и выводов, имеющих в мировой теоретической и учебно-методической литературе о международных отношениях; ознакомлению студентов как с основными понятиями Международных отношений, так и с наиболее известными теоретическими направлениями этой дисциплины и их представителями; оказанию помощи в формировании первичного представления о современном уровне разработки этой дисциплины в нашей стране и за рубежом; освещению ее наиболее заметных достижений и проблем. В итоге студент должен получить тот теоретический инструментарий, используя который, он сможет самостоятельно разбираться в сложных переплетениях взаимодействий государств и их союзов, межправительственных и неправительственных ор

ганизаций, многообразных частных субъектов; научиться вырабатывать обоснованное представление о потенциале участников международных отношений, их целях, средствах, стратегиях и т.п. В свою очередь, это позволит ему лучше понять место России в современном мире, ориентироваться в ее национальных интересах, оценивать международно-политическую деятельность различных институциональных и неинституциональных социальных общностей.

Вместе с тем в работу внесен ряд существенных изменений и дополнений. Они касаются прежде всего приближения ее содержания к Государственному образовательному стандарту по политологии. Поэтому книга адресуется всем, изучающим политическую науку как общеобразовательную дисциплину. Одновременно она будет полезна и студентам, специализирующимся в области Международных отношений. В настоящее время это не только студенты МГИМО, но и факультетов, отделений и кафедр международных отношений Санкт-Петербургского, Казанского, Томского, Московского и ряда других университетов.

Структурно работа построена следующим образом. Первая глава носит вводный характер и призвана познакомить с основными парадигмами и теоретическими школами в науке о международных отношениях. Следующие три главы дают представление о методологических основаниях Международных отношений. В V—VIII главах раскрываются структурные, а в IX—XI — функциональные аспекты международных отношений. Заключительная глава посвящена рассмотрению проблем международного порядка.

Наконец, в Приложении предлагаются тесты, охватывающие все основные темы учебника. Они могут использоваться как студентами — для самопроверки в ходе работы над учебником, так и преподавателями — для контроля знаний студентов. Будучи распечатанными и розданными студентам, тесты могут быть заполнены ими за 15—20 минут не только в процессе семинарского занятия, но, при необходимости, и во время лекции. Имеющийся в этом отношении опыт убеждает, что они являются эффективным методом не только контроля знаний студентов, но и преподавания. В то же время следует подчеркнуть, что тесты имеют по меньшей мере два существенных ограничения. Во-первых, они (за небольшим исключением) требуют от студентов знания материалов учебника и не рассчитаны на выявление их эрудиции и компетентности, выходящих за эти рамки. Во-вторых, как и при всякой формализации, ряд вопросов построен таким образом, что оценка ответов (так же формальных) на них может быть весьма

приблизительной¹. Думается, однако, что эти ограничения, которые, разумеется, могут рассматриваться как недостатки тестов, не являются препятствием для их использования. Их основное преимущество состоит в том, что уже сам процесс ответа на поставленные в них вопросы, — в ходе которого даже слабоподготовленный студент встречается с основными понятиями Международных отношений, с тем контекстом в котором они поставлены и т.п., — представляет собой самостоятельный элемент обучения, дополняющий традиционные лекции и семинарские занятия. С другой стороны, преподаватель может усовершенствовать предлагаемые тесты или же придумать на их основе новые.

Автор выражает искреннюю благодарность профессору Ивану Георгиевичу Тюлину, профессору Александру Сергеевичу Парину, профессору Валерию Ивановичу Коваленко, замечания которых помогли при доработке настоящего издания.

¹ Шкалу оценок преподаватель выбирает по своему усмотрению. 10

Глава

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения — составная часть науки, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин, которые изучают различные аспекты единого для них объекта. Особое значение имеет для нее «теория международных отношений», под которой, в данном случае, мы понимаем совокупность множественных концептуальных обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины. В этом смысле «теория международных отношений», как подчеркивает Стэнли Хоффманн (1), является одновременно и очень старой, и очень молодой. Уже в древние времена политическая философия и история ставили вопросы о причинах конфликтов и войн, о средствах и способах достижения порядка и мира между народами, о правилах их взаимодействия и т.п., — и поэтому она является старой. Но в то же время она является и молодой — как систематическое изучение наблюдаемых феноменов, призванное выявить основные детерминанты, объяснить поведение, раскрыть типичное, повторяющееся во взаимодействии международных акторов. Такое изучение относится, главным образом, к межвоенному периоду. И лишь после 1945 года «теория международных отношений» начинает действительно освобождаться от «удушения» историей и от «задавленности» юридической наукой. Фактически, в этот же период появляются и первые попытки ее «социологизации», которые впоследствии (в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов) привели к ста-

новлению (впрочем продолжающемуся и в наши дни) социологии международных отношений как относительно самостоятельной дисциплины.

Исходя из сказанного, осмысление теоретических источников и концептуальных оснований Международных отношений предполагает обращение к взглядам предшественников современной международно-политической науки, рассмотрение наиболее влиятельных сегодня теоретических школ и направлений, а также анализ нынешнего состояния социологии международных отношений.

1. Международные отношения в истории социально-политической мысли

Одним из первых письменных источников, содержащих глубокий анализ отношений между суверенными политическими единицами, стала написанная более двух тысяч лет назад Фукидидом (471—401 до н.э.) «История Пелопонесской войны в восьми книгах». Многие положения и выводы древнегреческого историка не утратили своего значения до наших дней", подтвердив тем самым его слова о том, что составленный им труд — «не столько предмет состязания для временных слушателей, сколько достояние на веки» (2). Задавшись вопросом о причинах многолетней и изнурительной войны между афинянами и лакедемонянами, историк обращает внимание на то, что это были наиболее могущественные и процветающие народы, каждый из которых главенствовал над своими союзниками. При этом он подчеркивал, что «...со времени мидийских войн и до последней они не переставали то мириться, то воевать между собою или с отпадавшими союзниками, причем совершенствовались в военном деле, изощрялись среди опасностей и становились искуснее» (см.: там же, с. 18). Поскольку оба могущественных государства превратились в своего рода империи, постольку усиление одного из них как бы обрекало их на продолжение этого пути, подталкивая к стремлению подчинить себе все свое окружение, с тем, чтобы поддержать свой престиж и влияние. В свою очередь, другая «империя», так же как и менее крупные города-государства, испытывая растущие страх и беспокойство перед таким усилением, принимает меры к укреплению своей обороны, втягиваясь тем самым в конфликтный цикл, который в конечном итоге неизбежно выливается в войну. Вот почему фукидид с самого начала отде-

ляет причины Пелопонесской войны от многообразных поводов к ней: «Причина самая действительная, хотя на словах наиболее сокрытая, состоит по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением внушали страх лакедемонянам и тем привели их к войне» (см.: там же, с. 24).

Фукидид говорит не только о господстве силы в отношениях между суверенными политическими единицами. В его работе можно найти упоминание и об интересах государства, а также о приоритетности этих интересов над интересами отдельной личности (см.: там же, с. 91; Т. II, 60). Тем самым он стал, в известном смысле, родоначальником одного из наиболее влиятельных направлений в более поздних представлениях и в современной науке о международных отношениях.

В дальнейшем это направление, получившее название **классического или традиционного**, было представлено во взглядах Николло Макиавелли (1469—1527), Томаса Гоббса (1588—1679), Эмерика де Ваттеля (1714—1767) и других мыслителей, приобретя наиболее законченную форму в работе немецкого генерала Карла фон Клаузевица (1780—1831).

Так, Т. Гоббс исходит из того, что человек по своей природе — существо эгоистическое. В нем скрыто непреходящее желание власти. Поскольку же люди от природы не равны в своих способностях, постольку их соперничество, взаимное недоверие, стремление к обладанию материальными благами, престижем или славой ведут к постоянной «войне всех против всех и каждого против каждого», которая представляет собой *естественное состояние* человеческих взаимоотношений. Для того, чтобы избежать взаимного истребления в этой войне, люди приходят к необходимости заключения общественного договора, результатом которого становится государство—Левиафан. Это происходит путем добровольной передачи людьми государству своих прав и свобод в обмен на гарантии общественного порядка, мира и безопасности. Однако, если отношения между отдельными людьми вводятся, таким образом, в русло, пусть искусственного и относительного, но все же *гражданского состояния*, то отношения между государствами продолжают пребывать в естественном состоянии. Будучи независимыми, государства не связаны никакими ограничениями. Каждому из них принадлежит то, что оно в состоянии захватить, и до тех пор, пока оно способно удерживать захваченное. Единственным «регулятором» межгосударственных отношений является, таким образом, сила, а сами участники этих отношений находятся в положении гладиаторов, держащих наготове оружие и настроенно следящих за поведением друг друга.

Разновидностью этой парадигмы является и *теория политического равновесия*, которой придерживались, например, голландский мыслитель Барух Спиноза (1632—1677), английский философ Дэвид Юм (1711—1776), а также уже упоминавшийся выше швейцарский юрист Эмерик де Ваттель. Так, взгляд де Ваттеля на существо межгосударственных отношений не столь мрачен, как взгляд Гоббса. Мир изменился, считает он, и, по крайней мере, «Европа представляет собой политическую систему, некоторое целое, в котором все связано с отношениями и различными интересами наций, живущих в этой части света. Она не является, как некогда была, беспорядочным нагромождением отдельных частиц, каждая из которых считала себя мало заинтересованной в судьбе других и редко заботилась о том, что не касалось ее непосредственно». Постоянное внимание суверенов ко всему, что происходит в Европе, постоянное пребывание посольств, постоянные переговоры способствуют формированию у независимых европейских государств, наряду с национальными, еще и общих интересов — интересов поддержания в ней порядка и свободы. «Именно это, — подчеркивает де Ваттель, — породило знаменитую идею политического равновесия, равновесия власти. Под этим понимаем такой порядок вещей, при котором ни одна держава не в состоянии абсолютно преобладать над другими и устанавливать для них законы» (3).

В то же время Э. де Ваттель, в полном соответствии с классической традицией, считал, что интересы частных лиц вторичны по сравнению с интересами нации (государства). В свою очередь, «если речь идет о спасении государства, то нельзя быть излишне предусмотрительным», когда есть основания считать, что усиление соседнего государства угрожает безопасности вашего. «Если так легко верят в угрозу опасности, то виноват в этом сосед, показывающий разные признаки своих честолюбивых намерений» (см.: там же, с. 448). Это означает, что превентивная война против опасно возвышающегося соседа законна и справедлива. Но как быть, если силы этого соседа намного превосходят силы других государств? В этом случае, отвечает де Ваттель, «проще, удобнее и правильнее прибегать к ...образованию коалиций, которые могли бы противостоять самому могущественному государству и препятствовать ему диктовать свою волю. Так поступают в настоящее время суверены Европы. Они присоединяются к слабейшей из двух главных держав, которые являются естественными соперниками, предназначенными сдерживать друг друга, в качестве довесков на менее нагруженную чашу весов, чтобы удержать ее в равновесии с другой чашей» (см.: там же, с. 451).

Параллельно с традиционным развивается и другое направление, возникновение которого в Европе связывают с философией стоиков, развитием христианства, взглядами испанского теолога доминиканца Франциско де Витториа (1480—1546), голландского юриста Гуго Греция (1583—1645), представителя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724—1804) и др. мыслителей. В его основе лежит идея о моральном и политическом единстве человеческого рода, а также о неотъемлемых, естественных правах человека. В различные эпохи во взглядах разных мыслителей эта идея принимала неодинаковые формы.

Так, в трактовке Ф. Виттории (4) приоритет в отношениях человека с государством принадлежит человеку, государство же — не более, чем простая необходимость, облегчающая проблему выживания человека. С другой стороны, единство человеческого рода делает, в конечном счете, вторичным и искусственным любое разделение его на отдельные государства. Поэтому нормальным, естественным правом человека является его право на свободное передвижение. Иначе говоря, естественные права человека Витториа ставит выше прерогатив государства, превосходящая и даже опережая современную либерально-демократическую трактовку данного вопроса.

Рассматриваемое направление всегда сопровождала убежденность в возможности достижения вечного мира между людьми — либо путем правового и морального регулирования международных отношений, либо иными путями, связанными с самореализацией исторической необходимости. По Канту, например, подобно тому, как основанные на противоречиях и корысти отношения между отдельными людьми в конечном счете неизбежно приведут к установлению правового общества, так и отношения между государствами должны смениться в будущем состоянием вечного, гармонически регулируемого мира (5). Поскольку же представители этого направления апеллируют не столько к сущему, сколько к должному, и, кроме того, опираются на соответствующие философские идеи, постольку за ним закрепилось название **идеалистического**.

Возникновение в середине XIX в. **марксизма** возвестило о появлении еще одной парадигмы во взглядах на международные отношения, которая не сводится ни к традиционному, ни к идеалистическому направлению. Согласно К. Марксу, всемирная история начинается с капитализмом, ибо основой капиталистического способа производства является крупная промышленность, создающая единый мировой рынок, развитие средств связи и тран-

спорта. Буржуазия путем эксплуатации мирового рынка превращает производство и потребление всех стран в космополитическое и становится господствующим классом не только в отдельных капиталистических государствах, но и в масштабах всего мира. В свою очередь, «в той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, развивается и пролетариат» (6). Международные отношения в экономическом плане становятся отношениями эксплуатации. В плане же политическом они становятся отношениями господства и подчинения и, как следствие — отношениями классовой борьбы и революций. Тем самым национальный суверенитет, государственные интересы вторичны, ибо объективные законы способствуют становлению всемирного общества, в котором господствует капиталистическая экономика и движущей силой которого является классовая борьба и всемирно-историческая миссия пролетариата. «Национальная обособленность и противоположность народов, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни» (см.: там же, с. 444).

В свою очередь, В.И. Ленин подчеркивал, что капитализм, вступив в государственно-монополистическую стадию своего развития, трансформировался в империализм. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (7) он пишет, что с завершением эпохи политического раздела мира между империалистическими государствами на передний план выступает проблема его экономического раздела между монополиями. Монополии сталкиваются с постоянно обостряющейся проблемой рынков и необходимостью экспорта капитала в менее развитые страны с более высокой нормой прибыли. Поскольку же они сталкиваются при этом в жестокой конкуренции друг с другом, постольку указанная необходимость становится источником мировых политических кризисов, войн и революций.

Рассмотренные основные теоретические парадигмы в науке о международных отношениях — классическая, идеалистическая и марксистская — в целом остаются актуальными и сегодня. В то же время следует отметить, что конституирование указанной науки в относительно самостоятельную область знания повлекло за собой и значительное увеличение многообразия теоретических подходов и методов изучения, исследовательских школ и концептуальных направлений. Остановимся на них несколько подробнее.

2. Современные теории международных отношений

Указанное выше многообразие намного осложнило и *проблему классификации* современных теорий международных отношений, которая сама по себе становится проблемой научного исследования.

Существует множество классификаций современных течений в науке о международных отношениях, что объясняется различиями в критериях, которые используются теми или иными авторами.

Так, одни из них исходят из географических критериев, выделяя англо-саксонские концепции, советское и китайское понимание международных отношений, а также подход к их изучению авторов, представляющих «третий мир» (8).

Другие строят свою типологию на основе степени общности рассматриваемых теорий, различая, например, глобальные экспликативные теории (такие, как политический реализм и философия истории) и частные гипотезы и методы (к которым относят бихевиористскую школу) (9). В рамках подобной типологии швейцарский автор Филипп Брайар относит к общим теориям политический реализм, историческую социологию и марксистско-ленинскую концепцию международных отношений. Что касается частных теорий, то среди них называются: теория международных акторов (Багат Корани); теория взаимодействий в рамках международных систем (Джордж Модельски, Самир Амин; Карл Кайзер); теории стратегии, конфликтов и исследования мира (Люсь-ен Пуарье, Дэвид Сингер, Йохан Галтуиг); теории интеграции (Амитаи Этциони; Карл Дойч); теории международной организации (Инис Клод; Жан Сиотис; Эрнст Хаас) (10).

Третьи считают, что главной линией водораздела является метод, используемый теми или иными исследователями, и, с этой точки зрения, основное внимание уделяют полемике между представителями традиционного и «научного» подходов к анализу международных отношений (11,12).

Четвертые основываются на выделении центральных проблем, характерных для той или иной теории, выделяя магистральные и переломные линии в развитии науки (13).

Наконец, пятые опираются на комплексные критерии. Так, канадский ученый Багат Корани выстраивает типологию теорий международных отношений на основе используемых ими методов («классические» и «модернистские») и концептуального видения мира («либерально-плюралистическое» и «материалисти-

ческо-структуралистское»). В итоге он выделяет такие направления как политический реализм (Г. Моргентау; Р. Арон; Х. Бал), бихевиоризм (Д. Сингер; М. Каплан), классический марксизм (К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин) и неомарксизм (или школа «зависимости»: И. Валлерстейн; С. Амин; А. Франк; Ф. Кардозо) (14). Подобным же образом Даниель Коляр останавливает внимание на классической теории «естественного состояния» (т.е. политическом реализме); теории «международного сообщества» (или политическом идеализме); марксистском идеологическом течении и его многочисленных интерпретациях; доктринальном англо-саксонском течении, а также на французской школе международных отношений (15). Марсель Мерль считает, что основные направления в современной науке о международных отношениях представлены традиционалистами — наследниками классической школы (Ганс Моргентау; Стэнли Хоффманн; Генри Киссинджер); англо-саксонскими социологическими концепциями бихевиоризма и функционализма (Роберт Кокс; Дэвид Сингер; Мортон Каплан; Дэвид Истон); марксистским и неомарксистскими (Пол Баран; Пол Суизи; Самир Амин) течениями (16).

Примеры различных классификаций современных теорий международных отношений можно было бы продолжать. Важно однако отметить по крайней мере три существенных обстоятельства. Во-первых, любая из таких классификаций носит условный характер и не в состоянии исчерпать многообразия теоретических взглядов и методологических подходов к анализу международных отношений¹. Во-вторых, указанное многообразие не означает, что современным теориям удалось преодолеть свое «кровное родство» с рассмотренными выше тремя основными парадигмами. Наконец, в-третьих, вопреки все еще встречающемуся и сегодня противоположному мнению, есть все основания говорить о наметившемся синтезе, взаимообогащении, взаимном «компромиссе» между непримиримыми ранее направлениями.

Исходя из сказанного, ограничимся кратким рассмотрением таких направлений (и их разновидностей), **как политический идеализм, политический реализм, модернизм, транснационализм и неомарксизм.**

¹ Впрочем, они и не ставят перед собой подобную цель. Их цель в другом — осмысление состояния и теоретического уровня, достигнутого наукой о международных отношениях, путем обобщения имеющихся концептуальных подходов и сопоставления их с тем, что было сделано ранее.

Наследие Фукидиды, Макиавелли, Гоббса, де Ватгеля и Клаузевица, с одной стороны, Витория, Греция, Канта, — с другой, нашло свое непосредственное отражение в той крупной научной дискуссии, которая возникла в США в период между двумя мировыми войнами, дискуссии между реалистами и идеалистами. ИгИдеализм в современной науке о международных отношениях имеет и более близкие идейно-теоретические истоки, в качестве которых выступают утопический социализм, либерализм и пацифизм XIX в. Его основная посылка — убеждение в необходимости и возможности покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений, распространения на них норм нравственности и справедливости. Согласно данному направлению, мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении со стороны общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между его членами конфликты мирным путем, методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из его приоритетных тем — это создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики. В политической практике идеализм нашел свое воплощение в разработанной после первой мировой войны американским президентом Вудро Вильсоном программы создания Лиги Наций (17), в Пакте Бриана-Келлога (1928 г.), предусматривающем отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, а также в доктрине Стаймсона (1932 г.), по которой США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы. В послевоенные годы идеалистическая традиция нашла определенное воплощение в деятельности таких американских политиков как госсекретарь Джон Ф. Даллес и госсекретарь Збигнев Бжезинский (представляющий, впрочем, не только политическую, но и академическую элиту своей страны), президент Джимми Картер (1976—1980) и президент Джордж Буш (1988—1992). В научной литературе она была представлена, в частности, книгой таких американских авторов как Р. Кларк и Л.Б. Сон «Достижение мира через мировое право». В книге предложен проект поэтапно-

¹ Иногда это направление квалифицируется как *утопизм* (см., например: СаггЕ.Н. The Twenty Years of Crisis, 1919-1939. London. 1956.

го разоружения и создания системы коллективной безопасности для всего мира за период 1960—1980 гг. Основным инструментом преодоления войн и достижения вечного мира между народами должно стать мировое правительство, руководимое ООН и действующее на основе детально разработанной мировой конституции (18). Сходные идеи высказываются в ряде работ европейских авторов (19). Идея мирового правительства высказывалась и в папских энцикликах: Иоанна XXIII — «Pacem in ternis» от 16.04.63, Павла VI — «Populorum progressio» от 26.03.67, а также Иоанна-Павла II — от 2.12.80, который и сегодня выступает за создание «политической власти, наделенной универсальной компетенцией».

Таким образом, идеалистическая парадигма, сопровождавшая историю международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние на умы и в наши дни. Более того, можно сказать, что в последние годы ее влияние на некоторые аспекты теоретического анализа и прогнозирования в области международных отношений даже возросло, став основой практических шагов, предпринимаемых мировым сообществом по демократизации и гуманизации этих отношений, а также попыток формирования нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

В то же время следует отметить, что идеализм в течение длительного времени (а в некотором отношении — и по сей день¹) считался утратившим всякое влияние и уж во всяком случае — безнадежно отставшим от требований современности. И действительно, лежащий в его основе нормативистский подход оказался глубоко подорванным вследствие нарастания напряженности в Европе 30-х годов, агрессивной политики фашизма и краха Лиги Наций, развязывания мирового конфликта 1939—1945 гг. и «холодной войны» в последующие годы. Результатом стало возрождение на американской почве европейской классической традиции с присущим ей выдвиганием на передний план в анализе международных отношений таких понятий, как «сила» и «баланс сил», «национальный интерес» и «конфликт».

Политический реализм не только подверг идеализм сокрушительной критике, — указав, в частности, на то обстоятельство, что идеалистические иллюзии государственных деятелей того вре-

¹ В большинстве изданных на Западе учебников по международным отношениям идеализм как самостоятельное теоретическое направление либо не рассматривается, либо служит не более, чем "критическим фоном" при анализе политического реализма и других теоретических направлений.

мени в немалой степени способствовали развязыванию второй мировой войны, — но и предложил достаточно стройную теорию. Ее наиболее известные представители — Рейнхольд Нибур, Фредерик Шуман, Джордж Кеннан, Джордж Шварценбергер, Кеннет Томпсон, Генри Киссинджер, Эдвард Карр, Арнольд Уол-ферс и др. — надолго определили пути науки о международных отношениях. Бесспорными лидерами этого направления стали Ганс Моргентау и Реймон Арон.

1 Работа Г. Моргентау «Политические отношения между наци-ями. Борьба за власть», первое издание которой увидело свет в 1948 году, стала своего рода «библией» для многих поколений дипломатов-политологов как в самих США, так и в других странах. С точки зрения Г. Моргентау международные отношения представляют собой арену острого противоборства государств. В основе всей международной деятельности последних лежит их стремление к увеличению своей власти, или силы (power) и уменьшению власти других. При этом термин «власть» понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть, и одновременно два взаимодополняющих аспекта его внешней политики — это военная стратегия и дипломатия. Первая из них трактуется в духе Клаузевица: как продолжение политики насильственными средствами. Дипломатия же, напротив, есть мирная борьба за власть. В современную эпоху, говорит Г. Моргентау, государства выражают свою потребность во власти в терминах «национального интереса». Результатом стремления каждого из государств к максимальному удовлетворению своих национальных интересов является установление на мировой арене определенного равновесия (баланса) власти (силы), которое является единственным реалистическим способом обеспечить и сохранить мир. Собственно, состояние мира — это и есть состояние равновесия сил между государствами.

Согласно Моргентау, есть два фактора, которые способны удерживать стремления государств к власти в каких-то рамках — это международное право и мораль. Однако слишком доверяться им в стремлении обеспечить мир между государствами — означало бы впадать в непростительные иллюзии идеалистической школы. Проблема войны и мира не имеет никаких шансов на решение при помощи механизмов коллективной безопасности или по-

средством ООН. Утопичны и проекты гармонизации национальных интересов путем создания мирового сообщества или же мирового государства. Единственный путь, позволяющий надеяться избежать мировой ядерной войны — обновление дипломатии.

В своей концепции Г. Моргентау исходит из шести принципов политического реализма, которые он обосновывает уже в самом начале своей книги (20). В кратком изложении они выглядят следующим образом.

1. Политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, корни которых находятся в вечной и неизменной человеческой природе. Поэтому существует возможность создания рациональной теории, которая в состоянии отражать эти законы — хотя лишь относительно и частично. Такая теория позволяет отделять объективную истину в международной политике от субъективных суждений о ней.

2. Главный показатель политического реализма — «понятие интереса, выраженного в терминах власти». Оно обеспечивает связь между разумом, стремящимся понять международную политику, и фактами, подлежащими познанию. Оно позволяет понять политику как самостоятельную сферу человеческой жизнедеятельности, не сводимую к этической, эстетической, экономической или религиозной сферам. Тем самым указанное понятие позволяет избежать двух ошибок. Во-первых, суждения об интересе политического деятеля на основе мотивов, а не на основе его поведения. И, во-вторых, выведения интереса политического деятеля из его идеологических или моральных предпочтений, а не из его «официальных обязанностей».

Политический реализм включает не только теоретический, но и нормативный элемент: он настаивает на необходимости рациональной политики. Рациональная политика — это правильная политика, ибо она минимизирует риски и максимизирует выгоды. В то же время рациональность политики зависит и от ее моральных и практических целей.

3. Содержание понятия «интерес, выраженный в терминах власти» не является неизменным. Оно зависит от того политического и культурного контекста, в котором происходит формирование международной политики государства. Это относится и к понятиям «сила» (power) и «политическое равновесие», а также к такому исходному понятию, обозначающему главное действующее лицо международной политики, как «государство-нация».

Политический реализм отличается от всех других теоретических школ прежде всего в коренном вопросе о том, как изменить

современный мир. Он убежден в том, что такое изменение может быть осуществлено только при помощи умелого использования объективных законов, которые действовали в прошлом и будут действовать в будущем, а не путем подчинения политической реальности некоему абстрактному идеалу, который отказывается признавать такие законы.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Но одновременно он осознает и существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованиями успешного политического действия. Главные моральные требования не могут быть применены к деятельности государства как абстрактные и универсальные нормы. Они должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени. Государство не может сказать: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!». Оно не может позволить себе самоубийство. Поэтому высшая моральная добродетель в международной политике — это умеренность и осторожность.

5. Политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами. Одно дело — знать, что нации подчиняются моральному закону в своей политике, и совсем другое — претендовать на знание того, что хорошо и что плохо в международных отношениях.

6. Теория политического реализма исходит из плюралистической концепции природы человека. Реальный человек — это и «экономический человек», и «моральный человек», и «религиозный человек» и т. д. Только «политический человек» подобен животному, ибо у него нет «моральных тормозов». Только «моральный человек» — глупец, т.к. он лишен осторожности. Только человек может быть лишь святой, поскольку у него инстинктов.

Признавая это, политический реализм отстаивает относительную автономность указанных аспектов и настаивает на том, что познание каждого из них требует абстрагирования от других и происходит в собственных терминах.

Как мы увидим из дальнейшего изложения, не все из вышеприведенных принципов, сформулированных основателем теории политического реализма Г. Моргентау, безоговорочно разделяются другими приверженцами — и, тем более, противниками — данного направления. В то же время его концептуальная стройность, стремление опираться на объективные законы общественного развития, стремление к беспристрастному и строгому ана-

лизу международной действительности, отличающейся от абстрактных идеалов и основанных на них бесплодных и опасных иллюзиях, — все это способствовало расширению влияния и авторитета политического реализма как в академической среде, так и в кругах государственных деятелей различных стран.

Однако и политический реализм не стал безраздельно господствующей парадигмой в науке о международных отношениях. Превращению его в центральное звено, цементирующее начало некоей единой теории с самого начала мешали его серьезные недостатки.

Дело в том, что, исходя из понимания международных отношений как «естественного состояния» силового противоборства за обладание властью, политический реализм, по существу, сводит эти отношения к межгосударственным, что значительно обедняет их понимание. Более того, внутренняя и внешняя политика государства в трактовке политических реалистов выглядят как не связанные друг с другом, а сами государства — как своего рода взаимозаменяемые механические тела, с идентичной реакцией на внешние воздействия. Разница лишь в том, что одни государства являются сильными, а другие — слабыми. Недаром один из влиятельных приверженцев политического реализма А. Уолферс строил картину международных отношений, сравнивая взаимодействие государств на мировой арене со столкновением шаров на бильярдном столе (21). Абсолютизация роли силы и недооценка значения других факторов, — например таких, как духовные ценности, социокультурные реальности и т.п., — значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности. Это тем более верно, что содержание таких ключевых для теории политического реализма понятий, как «сила» и «национальный интерес», остается в ней достаточно расплывчатым, давая повод для дискуссий и многозначного толкования. Наконец, в своем стремлении опираться на вечные и неизменные объективные законы международного взаимодействия политический реализм стал, по сути дела, заложником собственного подхода. Им не были учтены весьма важные тенденции и уже произошедшие изменения, которые все в большей степени определяют характер современных международных отношений от тех, которые господствовали на международной арене вплоть до начала XX века. Одновременно было упущено еще одно обстоятельство: то, что указанные изменения требуют применения, наряду с традиционными, и новых методов и средств научного анализа международных отношений. Все это вызвало критику в ад-

рее политического реализма со стороны приверженцев иных подходов, и, прежде всего, со стороны представителей так называемого модернистского направления и многообразных теорий взаимозависимости и интеграции. Не будет преувеличением сказать, что эта полемика, фактически сопровождавшая теорию политического реализма с ее первых шагов, способствовала все большему осознанию необходимости дополнить политический анализ международных реалий социологическим.

Представители *«модернизма»*, или *«научного» направления* в анализе международных отношений, чаще всего не затрагивая исходные постулаты политического реализма, подвергали резкой критике его приверженность традиционным методам, основанным, главным образом, на интуиции и теоретической интерпретации. Poleмика между «модернистами» и «традиционалистами» достигает особого накала, начиная с 60-х гг., получив в научной литературе название «нового большого спора» (см., например: 12 и 22). Источником этого спора стало настойчивое стремление ряда исследователей нового поколения (Куинси Райт, Мортон Кап-лан, Карл Дойч, Дэвид Сингер, Калеви Холсти, Эрнст Хаас и мн. др.) преодолеть недостатки классического подхода и придать изучению международных отношений подлинно научный статус. Отсюда повышенное внимание к использованию средств математики, формализации, к моделированию, сбору и обработке данных, к эмпирической верификации результатов, а также других исследовательских процедур, заимствованных из точных дисциплин и противопоставляемых традиционным методам, основанным на интуиции исследователя, суждениях по аналогии и т.п. Такой подход, возникший в США, коснулся исследований не только международных отношений, но и других сфер социальной действительности, явившись выражением проникновения в общественные науки более широкой тенденции позитивизма, возникшей на европейской почве еще в XIX в.

Действительно, еще Сеи-Симон и О. Конт предприняли попытку применить к изучению социальных феноменов строгие научные методы. Наличие солидной эмпирической традиции, методик, уже апробированных в таких дисциплинах как социология или психология, соответствующей технической базы, дающей исследователям новые средства анализа, побудило американских ученых, начиная с К. Райта, к стремлению использовать весь этот багаж при изучении международных отношений. Подобное стремление сопровождалось отказом от априорных суждений относительно влияния тех или иных факторов на характер меж-

дународных отношений, отрицанием как любых «метафизических предрассудков», так и выводов, основывающихся, подобно марксизму, на детерминистских гипотезах. Однако, как подчеркивает М. Мерль (см.: 16, р. 91—92), такой подход не означает, что можно обойтись без глобальной объяснительной гипотезы. Исследование же природных явлений выработало две противоположных модели, между которыми колеблются и специалисты в области социальных наук. С одной стороны, это учение Ч. Дарвина о безжалостной борьбе видов и законе естественного отбора и его марксистская интерпретация. С другой — органическая философия Г. Спенсера, в основу которой положена концепция постоянства и стабильности биологических и социальных явлений. Позитивизм в США пошел по второму пути — пути уподобления общества живому организму, жизнь которого основана на дифференциации и координации его различных функций. С этой точки зрения, изучение международных отношений, как и любого иного вида общественных отношений, должно начинаться с анализа функций, выполняемых их участниками, с переходом затем к исследованию взаимодействий между их носителями и, наконец, — к проблемам, связанным с адаптацией социального организма к своему окружению. В наследии органицизма, считает М. Мерль, можно выделить два течения. Одно из них уделяет главное внимание изучению поведения действующих лиц, другое — артикуляции различных типов такого поведения. Соответственно, первое дало начало бихевиоризму, а второе — функционализму и системному подходу в науке о международных отношениях (см.: там же, р. 93).

Явившись реакцией на недостатки традиционных методов изучения международных отношений, применяемых в теории политического реализма, модернизм не стал сколь-либо однородным течением — ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Общим для него является, главным образом, приверженность междисциплинарному подходу, стремление к применению строгих научных методов и процедур, к увеличению числа поддающихся проверке эмпирических данных. Его недостатки состоят в фактическом отрицании специфики международных отношений, фрагментарности конкретных исследовательских объектов, обуславливающей фактическое отсутствие целостной картины международных отношений, в неспособности избежать субъективизма. Тем не менее многие исследования приверженцев модернистского направления оказались весьма плодотворными, обогатив науку не только новыми методиками, но и весьма значи-

мыми выводами, сделанными на их основе. Важно отметить и то обстоятельство, что они открыли перспективу микросоциологической парадигмы в изучении международных отношений.

Если полемика между приверженцами модернизма и политического реализма касалась, главным образом, методов исследования международных отношений, то представители *транснационализма* (Роберт О. Коохейн, Джозеф Най), *теорий интеграции* (Дэвид Митрани) и *взаимозависимости* (Эрнст Хаас, Дэвид Мо-урс) подвергли критике сами концептуальные основы классической школы. В центре нового «большого спора», разгоревшегося в конце 60-х — начале 70-х гг., оказалась роль государства как участника международных отношений, значение национального интереса и силы для понимания сути происходящего на мировой арене.

Сторонники различных теоретических течений, которые могут быть условно названы «транснационалистами», выдвинули общую идею, согласно которой политический реализм и свойственная ему этатистская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений и потому должны быть отброшены. Международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Государство, как международный актор, лишается своей монополии. Помимо государств, в международных отношениях принимают участие индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения. Многообразие участников, видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены и т.п.) и «каналов» (партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями и т.п.) взаимодействия между ними, вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «*интернационального*» (т.е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «*транснациональное**» (т.е. осуществляющееся помимо и без участия государства). «Неприятие преобладающего межправительственного подхода и стремление выйти за рамки межгосударственных взаимодействий привело нас к размышлениям в терминах транснациональных отношений», — пишут в предисловии к своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» американские ученые Дж. Най и Р. Коохейн.

Революционные изменения в технологии средств связи и транспорта, трансформация ситуации на мировых рынках, рост числа

и значения транснациональных корпораций стимулировали возникновение новых тенденций на мировой арене. Преобладающими среди них становятся: опережающий рост мировой торговли по сравнению с мировым производством, проникновение процессов модернизации, урбанизации и развития средств коммуникации в развивающиеся страны, усиление международной роли малых государств и частных субъектов, наконец, сокращение возможностей великих держав контролировать состояние окружающей среды. Обобщающим последствием и выражением всех этих процессов является возрастание взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях (23). Сторонники транснационализма¹ часто склонны рассматривать сферу транснациональных отношений как своего рода международное общество, к анализу которого применимы те же методы, которые позволяют понять и объяснить процессы, происходящие в любом общественном организме. Таким образом, по существу, речь идет о макросоциологической парадигме в подходе к изучению международных отношений.

Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками и в 90-е гг. (24). Вместе с тем, на него наложило свой отпечаток его несомненное идейное родство с классическим идеализмом с присутствующими ему склонностями переоценивать действительное значение наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений. Заметным является и некоторое сходство положений, выдвигаемых транснационализмом, с рядом положений, которые отстаивает неомарксистское течение в науке о международных отношениях.

Представителей *неомарксизма* (Пол Баран, Пол Суизи, Самир Амин, Арджири Имманюель, Иммануил Валлерстайн и др.) — течения столь же неоднородного, как и транснационализм, также объединяет идея о целостности мирового сообщества и определенная утопичность в оценке его будущего. Вместе с тем исходным пунктом и основой их концептуальных построений выступает мысль о несимметричности взаимозависимости современ-

¹ Среди них можно назвать не только многих ученых США, Европы, других регионов мира, но и известных политических деятелей — например таких, как бывший президент Франции В. Жискара д'Эстэн, влиятельные неправительственные политические организации и исследовательские центры — например. Комиссия Пальме, Комиссия Брандта, Римский клуб и др.

ного мира и более того — о реальной зависимости экономически слаборазвитых стран от индустриальных государств, об эксплуатации и ограблении первых последними. Основываясь на некоторых тезисах классического марксизма, неомарксисты представляют пространство международных отношений в виде глобальной империи, периферия которой остается под гнетом центра и после обретения ранее колониальными странами своей политической независимости. Это проявляется в неравенстве экономических обменов и неравномерном развитии (25).

Так например, «центр», в рамках которого осуществляется около 80% всех мировых экономических сделок, зависит в своем развитии от сырья и ресурсов «периферии». В свою очередь, страны периферии являются потребителями промышленной и иной продукции, производимой вне их. Тем самым они попадают в зависимость центра, становясь жертвами неравного экономического обмена, колебаний в мировых ценах на сырье и экономической помощи со стороны развитых государств. Поэтому, в конечном итоге, «экономический рост, основанный на интеграции в мировой рынок, есть развитие слаборазвитое™» (26).

В семидесятые годы подобный подход к рассмотрению международных отношений стал для стран «третьего мира» основой идеи о необходимости установления нового мирового экономического порядка. Под давлением этих стран, составляющих большинство стран — членов Организации Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея ООН в апреле 1974 года приняла соответствующую декларацию и программу действий, а в декабре того же года — Хартию об экономических правах и обязанностях государств.

Таким образом, каждое из рассмотренных теоретических течений имеет свои сильные стороны и свои недостатки, каждое отражает определенные аспекты реальности и находит то или иное проявление в практике международных отношений. Полемика между ними способствовала их взаимообогащению, а следовательно, и обогащению науки о международных отношениях в целом. В то же время, нельзя отрицать, что указанная полемика не убедила научное сообщество в превосходстве какого-либо одного над остальными, как не привела и к их синтезу. Оба этих вывода могут быть проиллюстрированы на примере концепции *неореализма*.

Сам этот термин отражает стремление ряда американских ученых (Кеннет Уолц, Роберт Гилпин, Джозеф Грейко и др.) к сохранению преимуществ классической традиции и одновре-

менно — к обогащению ее, с учетом новых международных реалий и достижений других теоретических течений. Показательно, что один из наиболее давних сторонников транснационализма, Коохейн, в 80-е гг. приходит к выводу о том, что центральные понятия политического реализма «сила», «национальный интерес», рациональное поведение и др. — остаются важным средством и условием плодотворного анализа международных отношений (27). С другой стороны, К. Уолц говорит о потребности обогащения реалистического подхода за счет той научной строгости данных и эмпирической верифицируемости выводов, необходимость которой сторонниками традиционного взгляда, как правило, отвергалась.

Возникновение школы неореализма в Международных отношениях связывают с публикацией книги К. Уолца «Теория международной политики», первое издание которой увидело свет в 1979 году (28). Отстаивая основные положения политического реализма («естественное состояние» международных отношений, рациональность в действиях основных акторов, национальный интерес как их основной мотив, стремление к обладанию силой), ее автор в то же время подвергает своих предшественников критике за провал попыток в создании теории международной политики как автономной дисциплины. Ганса Моргентау он критикует за отождествление внешней политики с международной политикой, а Раймона Арона — за его скептицизм в вопросе о возможности создания Международных отношений как самостоятельной теории.

Настаивая на том, что любая теория международных отношений должна основываться не на частностях, а на целостности мира, принимать за свой отправной пункт существование глобальной системы, а не государств, которые являются ее элементами, Уолц делает определенный шаг к сближению и с транснационалистами.

При этом системный характер международных отношений обусловлен, по мнению К. Уолца, не взаимодействующими здесь акторами, не присущими им основными особенностями (связанными с географическим положением, демографическим потенциалом, социо-культурной спецификой и т.п.), а свойствами *структуры* международной системы. (В этой связи неореализм нередко квалифицируют как *структурный реализм* или просто *структурализм*.) Являясь следствием взаимодействий международных акторов, структура международной системы в то же время не сводится к простой сумме таких взаимодействий, а представляет

собой самостоятельный феномен, способный навязать государствам те или иные ограничения, или же, напротив, предложить им благоприятные возможности на мировой арене.

Следует подчеркнуть, что, согласно неореализму, структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, являясь результатом взаимодействий между великими державами. Это означает, что именно им и свойственно «естественное состояние» международных отношений. Что же касается взаимодействий между великими державами и другими государствами, то они уже не могут быть охарактеризованы как анархические, ибо приобретают иные формы, которые чаще всего зависят от воли великих держав.

Один из последователей структурализма, Барри Базан, развил его основные положения применительно к региональным системам, которые он рассматривает как промежуточные между глобальной международной и государственной системами (29). Наиболее важной особенностью региональных систем является, с его точки зрения, комплекс безопасности. Речь идет о том, что государства-соседи оказываются столь тесно связанными друг с другом в вопросах безопасности, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности других. Основу структуры всякой региональной подсистемы составляют два фактора, подробно рассматриваемые автором: распределение возможностей между имеющимися акторами и отношения дружественности или враждебности между ними. При этом как то, так и другое, показывает Б. Базан, подвержено манипулированию со стороны великих держав.

Воспользовавшись предложенной таким образом методологией, датский исследователь М. Мозаффари положил ее в основу анализа структурных изменений, которые произошли в Персидском заливе в результате иракской агрессии против Кувейта и последовавшего затем разгрома Ирака союзническими (а по существу — американскими) войсками (30). В итоге он пришел к выводу об операциональности структурализма, о его преимуществах по сравнению с другими теоретическими направлениями. В то же время Мозаффари показывает и слабости, присущие неореализму, среди которых он называет положения о вечности и неизменности таких характеристик международной системы, как ее «естественное состояние», баланс сил, как способ стабилизации, присущая ей статичность (см.: там же, р. 81).

Действительно, как подчеркивают другие авторы, возрождение реализма как теоретического направления гораздо меньше

объясняется его собственными преимуществами, чем разнородностью и слабостью любой другой теории. А стремление к сохранению максимальной преемственности с классической школой означает, что уделом неореализма остается и большинство свойств ее недостатков (см.: 14, р. 300, 302). Еще более суровый приговор выносят французские авторы М.-К. Смуи и Б. Бади, по мнению которых теории международных отношений, оставаясь в плену западнцентричного подхода, оказались неспособными отразить радикальные изменения, происходящие в мировой системе, как и «предсказать ни ускоренную деколонизацию в послевоенный период, ни вспышки религиозного фундаментализма, ни окончания холодной войны, ни распада советской империи. Короче, ничего из того, что относится к грешной социальной действительности» (31).

Неудовлетворенность состоянием и возможностями науки о международных отношениях стала одним из главных побудительных мотивов к созданию и совершенствованию относительно автономной дисциплины — социологии международных отношений. Наиболее последовательные усилия в этом направлении были предприняты французскими учеными.

3. Французская социологическая школа

Большинство издающихся в мире работ, посвященных исследованию международных отношений, еще и сегодня несет на себе несомненную печать преобладания американских традиций. В то же время бесспорным является и то, что уже с начала 80-х годов в данной области все ощутимее становится влияние европейской теоретической мысли, и в частности французской школы. Один из известных ученых, профессор Сорбонны М. Мерль в 1983 году отмечал, что во Франции, несмотря на относительно молодость дисциплины, изучающей международные отношения, сформировались три крупных направления. Одно из них руководствуется «эмпирически-описательным подходом» и представлено работами таких авторов, как Шарль Зоргбиб, Серж Дрейфюс, Филипп Моро-Дефарг и др. Второе вдохновляется марксистскими положениями, на которых основываются Пьер-Франсуа Гонидек, Шарль Шомон и их последователи в Школе Нанси и Реймса. Наконец, отличительной чертой третьего направления является социологический подход, получивший свое наиболее яркое воплощение в трудах Р. Арона (32).

В контексте настоящей работы, особенно интересной представляется одна из наиболее существенных особенностей совре-

менной французской школы в исследовании международных отношений. Дело в том, что каждое из рассмотренных выше теоретических течений — идеализм и политический реализм, модернизм и транснационализм, марксизм и неомарксизм — существуют и во Франции. В то же время они преломляются здесь в принесших наибольшую известность французской школе работах историко-социологического направления, которые наложили свой отпечаток на всю науку о международных отношениях в этой стране. Влияние историко-социологического подхода ощущается в трудах историков и юристов, философов и политологов, экономистов и географов, занимающихся проблемами международных отношений. Как отмечают отечественные специалисты, на формирование основных методологических принципов, характерных для французской теоретической школы международных отношений, оказали влияние учения философской, социологической и исторической мысли Франции конца XIX — начала XX века, и прежде всего позитивизм Конта. Именно в них следует искать такие черты французских теорий международных отношений, как внимание к структуре общественной жизни, определенный историзм, преобладание сравнительно-исторического метода и определенный скептицизм относительно математических приемов исследования (33).

В то же время в работах тех или иных конкретных авторов указанные черты модифицируются в зависимости от сложившихся уже в XX веке двух основных течений социологической мысли. Одно из них опирается на теоретическое наследие Э. Дюркгейма, второе исходит из методологических принципов, сформулированных М. Вебером. Каждый из этих подходов с предельной четкостью формулируется такими крупными представителями двух линий во французской социологии международных отношений, какими являются, например, Раймон Арон и Гастон Бутуль.

«Социология Дюркгейма, — пишет Р. Арон в своих мемуарах, — не затрагивала во мне ни метафизика, которым я стремился стать, ни читателя Пруста, желающего понять трагедию и комедию людей, живущих в обществе» (34). «Неодюркгеймизм», утверждал он, представляет собой нечто вроде марксизма наоборот: если последний описывает классовое общество в терминах всеобщей господствующей идеологии и принижает роль морального авторитета, то первый рассчитывает придать морали утраченное ею превосходство над умами. Однако отрицание наличия в обществе господствующей идеологии — это такая же утопия, как и идеологизация общества. Разные классы не могут разделять

одни и те же ценности, как тоталитарное и либеральное общества не могут иметь одну и ту же теорию (см.: там же, р. 69—70). Вебер же, напротив, привлекал Арона тем, что объективируя социальную действительность, он не «овеществлял» ее, не игнорировал рациональности, которую люди придают своей практической деятельности и своим институтам. Арон указывает на три причины своей приверженности веберовскому подходу: свойственное М. Веберу утверждение об имманентности смысла социальной реальности, близость к политике и забота об эпистемологии, характерная для общественных наук (см.: там же, р. 71). Центральное для веберовской мысли колебание между множеством правдоподобных интерпретаций и единственно верным объяснением того или иного социального феномена стало основой и для ароновского взгляда на действительность, пронизанного скептицизмом и критикой нормативизма в понимании общественных — в том числе и международных — отношений.

Вполне логично поэтому, что Р. Арон рассматривает международные отношения в духе политического реализма — как естественное или предгражданское состояние. В эпоху индустриальной цивилизации и ядерного оружия, подчеркивает он, завоевательные войны становятся и невыгодными, и слишком рискованными. Но это не означает коренного изменения основной особенности международных отношений, состоящей в законности и узаконенности использования силы их участниками. Поэтому, подчеркивает Арон, мир невозможен, но и война невероятна. Отсюда вытекает и специфика социологии международных отношений: ее главные проблемы определяются не минимумом социального консенсуса, который характерен для внутриобщественных отношений, а тем, что они «развертываются в тени войны». Ибо нормальным для международных отношений является именно конфликт, а не его отсутствие. Поэтому главное, что подлежит объяснению — это не состояние мира, а состояние войны.

Р. Арон называет четыре группы основных проблем социологии международных отношений, применимой к условиям традиционной (поиндустриальной) цивилизации. Во-первых, это «выяснение соотношения между используемыми вооружениями и организацией армий, между организацией армии и структурой общества». Во-вторых, «изучение того, какие группы в данном обществе имеют выгоду от завоеваний». В-третьих, исследование «в каждой эпохе, в каждой определенной дипломатической системе той совокупности неписанных правил, более или менее соблюдаемых ценностей, которыми характеризуются войны и по-

ведение самих общностей по отношению друг к другу». Наконец, в четвертых, анализ «неосознаваемых функций, которые выполняют в истории вооруженные конфликты» (35). Конечно, большая часть нынешних проблем международных отношений, подчеркивает Арон, не может быть предметом безупречного социологического исследования в терминах ожиданий, ролей и ценностей. Однако поскольку сущность международных отношений не претерпела принципиальных изменений и в современный период, постольку вышеуказанные проблемы сохраняют свое значение и сегодня. К ним могут быть добавлены и новые, вытекающие из условий международного взаимодействия, характерных для второй половины XX века. Но главное состоит в том, что пока сущность международных отношений будет оставаться прежней, пока ее будет определять плюрализм суверенитетов, центральной проблемой останется изучение процесса принятия решений. Отсюда Арон делает пессимистический вывод, в соответствии с которым характер и состояние международных отношений зависят, главным образом, от тех, кто руководит государствами — от «правителей», «которым можно только советовать и надеяться, что они не будут сумасшедшими». А это означает, что «социология, приложенная к международным отношениям, обнаруживает, так сказать, свои границы» (см.: там же, с. 158).

В то же время Арон не отказывается от стремления определить место социологии в изучении международных отношений. В своей фундаментальной работе «Мир и война между нациями» он выделяет четыре аспекта такого изучения, которые описывает в соответствующих разделах этой книги: «Теория», «Социология», «История» и «Праксеология» (36).

В первом разделе определяются основные правила и концептуальные орудия анализа. Прибегая к своему излюбленному сравнению международных отношений со спортом, Р. Арон показывает, что существует два уровня *теории*. Первый призван ответить на вопросы о том, «какие приемы игроки имеют право применять, а какие нет; каким образом они распределяются на различных линиях игровой площадки; что предпринимают для повышения эффективности своих действий и для разрушений усилий противника». В рамках, отвечающих на подобные вопросы правил, могут возникать многочисленные ситуации, которые могут быть случайными, а могут быть результатом заранее спланированных игроками действий. Поэтому к каждому матчу тренер разрабатывает соответствующий план, уточняющий задачу каждого игрока и его действия в тех или иных типовых ситуациях,

которые могут сложиться на площадке. На этом — втором — уровне теории она определяет рекомендации, описывающие правила эффективного поведения различных участников (например, вратаря, защитника и т.д.) в тех или иных обстоятельствах игры. В разделе в качестве типовых видов поведения участников международных отношений выделяются и анализируются стратегия и дипломатия, рассматриваются совокупность средств и целей, характерных для любой международной ситуации, а также типовые системы международных отношений.

На этой основе строится *социология* международных отношений, предметом которой является прежде всего поведение международных акторов. Социология призвана отвечать на вопрос о том, почему данное государство ведет себя на международной арене именно таким образом, а не как-то иначе. Ее главная задача — изучение *детерминант* и *закономерностей*, материальных и физических, а также социальных и моральных *переменных*, определяющих политику государств и ход международных событий. Здесь анализируются также такие вопросы, как характер влияния на международные отношения политического режима и/или идеологии. Их выяснение позволяет социологу вывести не только определенные правила поведения международных акторов, но и выявить социальные типы международных конфликтов, а также сформулировать законы развития некоторых типичных международных ситуаций. Продолжая сравнение со спортом, на этом этапе исследователь выступает уже не в роли организатора или тренера. Теперь он решает вопросы иного рода. Как разворачиваются матчи не на классной доске, а на игровой площадке? В чем состоят специфические особенности тех приемов, которые используются игроками разных стран? Существует ли латинский, английский, американский футбол? Какая доля в успехе команды принадлежит технической виртуозности, а какая — моральным качествам команды?

Ответить на эти вопросы, продолжает Арон, невозможно, не обращаясь к *историческим исследованиям*: надо следить за ходом конкретных матчей, изменением приемов, многообразием техник и темпераментов. Социолог должен постоянно обращаться и к теории, и к истории. Если он не понимает логики игры, то он напрасно будет следить за действиями игроков и не сможет понять смысла тактического рисунка той или иной игры. В разделе, посвященном истории, Арон описывает характеристики мировой системы и ее подсистем, анализирует различные модели стратегии устрашения в ядерный век, прослеживает эволюцию дипло-

матии между двумя полюсами биполярного мира и в рамках каждого из них.

Наконец, в четвертой части, посвященной *праксеологии*, появляется еще один символический персонаж — арбитр. Как надо интерпретировать положения, записанные в правилах игры? Действительно ли в тех или иных условиях произошло нарушение правил? При этом, если арбитр «судит» игроков, то игроки и зрители, в свою очередь, молча или шумно, неизбежно «судят» самого судью, игроки одной команды «судят» как своих партнеров, так и соперников и т.д. Все эти суждения колеблются между оценкой эффективности («он хорошо сыграл»), оценкой наказания («он поступил согласно правилам») и оценкой спортивной морали («эта команда вела себя в соответствии с духом игры»). Даже в спорте не все, что не запрещено, является морально оправданным. Тем более это относится к международным отношениям. Их анализ так же не может ограничиваться только наблюдением и описанием, но требует суждений и оценок. Какая стратегия может считаться моральной и какая — разумной или рациональной? В чем состоят сильные и слабые стороны стремлений добиться мира путем установления господства закона? Каковы преимущества и недостатки попыток его достижения путем установления империи?

Как уже отмечалось, книга Арона «Мир и Война между нациями» сыграла и продолжает играть заметную роль в становлении и развитии французской научной школы, и в частности — социологии международных отношений. Разумеется, последователи его взглядов (Жан-Пьер Деррьеник, Робер Боек, Жак Унцингер и др.) учитывают, что многие из высказанных Ароном положений принадлежат своему времени. Впрочем, и сам он в своих мемуарах признает, что «наполовину не достиг своей цели», причем в значительной мере эта самокритика касается как раз социологического раздела, и в частности — конкретного приложения закономерностей и детерминант к анализу конкретных проблем (см.: 34, р. 457—459). Однако само его понимание социологии международных отношений, и главное — обоснование необходимости ее развития, во многом сохранило свою актуальность и сегодня.

Разъясняя указанное понимание, Ж.-П. Деррьеник (37) подчеркивает, что поскольку существует два основных подхода к анализу социальных отношений, постольку есть два типа социологии: детерминистская социология, продолжающая традицию Э. Дюрк-гейма, и социология действия, основывающаяся на подходах, разработанных М. Вебером. Разница между ними достаточно условна, т.к. акционализм не отрицает каузальности, а детерми-

низм тоже «субъективен», ибо является формулированием намерения исследователя. Его оправдание — в необходимом недоверии исследователя к суждениям изучаемых им людей. Конкретно же эта разница состоит в том, что социология действия исходит из существования причин особого рода, которые необходимо принимать во внимание. Эти причины — решения, то есть выбор между многими возможными событиями, который делается в зависимости от существующего состояния информации и особых критериев оценки. Социология международных отношений является социологией действия. Она исходит из того, что наиболее существенная черта фактов (вещей, событий) состоит в их наде-ленности значением (что связано с правилами интерпретации) и ценностью (связанной с критериями оценки). То и другое зависит от информации. Таким образом, в центре проблематики социологии международных отношений — понятие «решение». При этом она должна исходить из целей, которые преследуют люди (из их решений), а не из целей, которые они должны преследовать по мнению социолога (т.е. из интересов).

Что же касается второго течения во французской социологии международных отношений, то оно представлено так называемой полемологией, основные положения которой были заложены Гастоном Бутулем и находят отражение в работах таких исследователей, как Жан-Луи Аннекэн, Жак Фройнд, Люсьен Пу-арье и др. В основе полемологии — комплексное изучение войн, конфликтов и других форм «коллективной агрессивности» с привлечением методов демографии, математики, биологии и других точных и естественных наук.

Основой полемологии, пишет Г. Бутуль, является динамическая социология. Последняя есть «часть той науки, которая изучает вариации обществ, формы, которые они принимают, факторы, которые их обуславливают или им соответствуют, а также способы их воспроизводства» (38). Отталкиваясь от положения Э. Дюрк-гейма о том, что социология — это «осмысленная определенным образом история», полемология исходит из того, что, во-первых, именно война породила историю, поскольку последняя началась исключительно как история вооруженных конфликтов. И мало вероятно, что история когда-либо полностью перестанет быть «историей войн». Во-вторых, война является главным фактором той коллективной имитации, или, иначе говоря, диалога и заимствования культур, которая играет такую значительную роль в социальных изменениях. Это, прежде всего, «насильственная имитация»: война не позволяет государствам и народам замы-

каться в автаркии, в самоизоляции, поэтому она является наиболее энергичной и наиболее эффективной формой контакта цивилизаций. Но кроме того, это и «добровольная имитация», связанная с тем, что народы страстно заимствуют друг у друга виды вооружений, способы ведения войн и т.п. — вплоть до моды на военную униформу. В-третьих, войны являются двигателем технического прогресса: так, стимулом к освоению римлянами искусства навигации и кораблестроения стало стремление разрушить Карфаген. И в наши дни все нации продолжают истощать себя в погоне за новыми техническими средствами и методами разрушения, беспардонно копируя в этом друг друга. Наконец, в-четвертых, война представляет собой самую заметную из всех мыслимых переходных форм в социальной жизни. Она является результатом и источником как нарушения, так и восстановления равновесия.

Полемология должна избегать политического и юридического подхода, помня о том, что «полигика — враг социологии», которую она постоянно пытается подчинить себе, сделать ее своей служанкой — наподобие того, как в средние века это делала теология по отношению к философии. Поэтому полемология фактически не может изучать текущие конфликты, и следовательно, главным для нее является исторический подход.

Основная задача полемологии — объективное и научное изучение войн как социального феномена, который поддается наблюдению так же, как и любой другой социальный феномен и который, в то же время, способен объяснить причины глобальных перемен в общественном развитии на протяжении человеческой истории. При этом она должна преодолеть ряд препятствий методологического характера, связанных с псевдоочевидностью войн; с их кажущейся полной зависимостью от воли людей (в то время как речь должна идти об изменениях в характере и соотношении общественных структур); с юридической иллюзорностью, объясняющей причины войн факторами теологического (божественная воля), метафизического (защита или расширение суверенитета) или антропоморфного (уподобление войн ссорам между индивидами) права. Наконец, полемология должна преодолеть симбиоз сакрализации и политизации войн, связанный с соединением линий Гегеля и Клаузевица.

Каковы же основные черты позитивной методологии этой «новой главы в социологии», как называет в своей книге Г. Бутуль полемологическое направление (см.: там же, р. 8)? Прежде всего он подчеркивает, что полемология располагает для своих

целей воистину огромной источниковедческой базой, которая редко имеется в распоряжении других отраслей социологической науки. Поэтому главный вопрос состоит в том, по каким направлениям вести классификацию бесчисленных фактов этого огромного массива документации. Бутуль называет восемь таких направлений: 1) описание материальных фактов по степени их убывающей объективности; 2) описание видов физического поведения, исходя из представлений участников войн об их целях;

3) первый этап объяснения: мнения историков и аналитиков;

4) второй этап объяснения: теологические, метафизические, мо-ралистские и философские "взгляды и доктрины; 5) выборка и группирование фактов и их первичная интерпретация; 6) гипотезы относительно объективных функций войны; 7) гипотезы относительно периодичности войн; 8) социальная типология войн — т.е. зависимость основных характеристик войны от типовых черт того или иного общества (см.: там же, с. 18—25).

Основываясь на указанной методологии, Г. Бутуль выдвигает и, прибегая к использованию методов математики, биологии, психологии и других наук (включая этнологию), стремится обосновать предлагаемую им классификацию причин военных конфликтов. В качестве таковых, по его мнению, выступают следующие факторы (по степени убывающей общности): 1) нарушение взаимного равновесия между общественными структурами (например, между экономикой и демографией); 2) создающиеся в результате такого нарушения политические конъюнктуры (в полном соответствии с подходом Дюркгейма, они должны рассматриваться «как вещи»); 3) случайные причины и мотивы; 4) агрессивность и воинственные импульсы как психологическая проекция психосоматических состояний социальных групп; 5) враждебность и воинственные комплексы.

Последние рассматриваются как механизмы коллективной психологии, представленные тремя главными комплексами. Во-первых, это «Комплекс Абрахама», в соответствии с которым отцы-детоубийцы подчиняются бессознательному желанию принести своих детей в жертву собственному наслаждению. Во-вторых, это «Комплекс Козла Отпущения»: накапливающиеся, вследствие внутренних трудностей, фрустрации, страхи, раздражения и злобность обращаются против внешнего врага, который не всегда рассматривается как непосредственный виновник, но которому приписываются враждебные намерения. Наконец, это «Дамоклов Комплекс», рассматриваемый как наиболее важный с точки зрения

ния своих социополитических последствий: чувство незащищенности, являясь основой непропорциональных реакций страха, агрессивности и насилия, может в любой момент вызвать неконтролируемые феномены паники и «забегания вперед». В то же время в обществе осознание подобной незащищенности способствует внутреннему сплочению государств, которое впрочем никогда не является прочным.

В исследованиях «полемологов» ощущается очевидное влияние американского модернизма, и в частности факторного подхода к анализу международных отношений. Это означает, что для них свойственны и многие из его недостатков, главным из которых является абсолютизация роли «научных методов» в познании такого сложного социального феномена, каким справедливо считается война. Подобный редукционизм неизбежно сопряжен с фрагментацией изучаемого объекта, что вступает в противоречие с декларированной приверженностью полемологии макросоциологической парадигме. Положенный в основу полемологии жесткий детерминизм, стремление изгнать случайности из числа причин вооруженных конфликтов (см., например: 38), влекут за собой разрушительные последствия в том, что касается провозглашаемых ею исследовательских целей и задач. Во-первых, это вызывает недоверие к ее способностям выработки долговременного прогноза относительно возможностей возникновения войн и их характера. А во-вторых, — ведет к фактическому противопоставлению войны, как динамического состояния общества миру как «состоянию порядка и покоя» (39). Соответственно, полемология противопоставляется «иренологии» (социологии мира). Впрочем, по сути, последняя вообще лишается своего предмета, поскольку «изучать мир можно только изучая войну» (см.: 39, р. 535).

В то же время не следует упускать из виду и теоретических достоинств полемологии, ее вклада в разработку проблематики вооруженных конфликтов, исследование их причин и характера. Главное же для нас в данном случае состоит в том, что возникновение полемологии сыграло значительную роль в становлении, легитимизации и дальнейшем развитии социологии международных отношений, которая нашла свое непосредственное, либо опосредованное отражение в работах таких авторов, как Ж.-Б. Дюро-зель и Р. Боек, П. Асснер и П.; М. Галлуа, Ш. Зоргбиб и Ф. Моро-Дефарг, Ж. Унцингер и М. Мерль, А. Самюэль, Б. Бади и М.-К. Смуц и др., к которым мы будем обращаться в последующих главах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hoffmann S.* Theorie et relations internationales. // *Revue française de science politique.* 1961, Vol. XI, pp. 26—27.
2. *Фукидид.* История Пелопонесской войны в восьми книгах. Перевод с греческого Ф.Г. Мищенко с его предисловием, примечаниями и указателем. Том 1. — М., 1987, с. 22.
3. *Эмер де Ваттель.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. — М., 1960, с. 451.
4. См. об этом: Краткий очерк международного гуманитарного права. МККК, 1993, с. 8—9; *Жан Итиссте.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. МККК, с. 27—28; *Huntfinger J.* Introduction aux relations internationales. — П., 1987, р. 30.
5. См. об этом: 5. Философия Канта и современность. — М., 1974, гл. VII.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т.4. М., 1955, с. 430.
7. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. // Поли. собр. соч., т. 27.
8. *Martin P.-M.* Introduction aux relations internationales. — Toulouse, 1982.
9. *Bosc R.* Sociologie de la paix. — Paris, 1965.
10. *Brallard Ph.* Theories des relations internationales. — Paris, 1977.
11. *Bull H.* International Theory: The Case for a Classical Approach. // *World Politics.* 1966. Vol. XVIII.
12. *Kaplan M.* A new Great Debate: Traditionalisme versus Science in International Relations. // *World Politics,* 1966, Vol. XIX.
13. Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. — М., 1976.
14. *Kozany B. et coll.* Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. — Montreal, 1987.
15. *Colard D.* Les relations internationales. — Paris, New York, Barcelone, Milan, Mexico, Sao Paulo, 1987.
16. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. — Paris, 1974.
17. См. об этом: Международные отношения как объект изучения. — М., 1993.
18. *dark G. & Sohn L.B.* World Peace trough World Law. — Cambridge, Massachussets, 1960.
19. *GerarF.* L'Unite federate du monde. — Paris, 1971. *Periller L.* Domain, le gouvernement mondial? — Paris, 1974; *Le Mondialisme.* — Paris, 1977.
20. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. - New York, 1955, p. 4-12.
21. *Wolfers A.* Discord and Colloboration. Essays on International Politics. — Baltimore, 1962.

22. *Bull H.* The Case for a Classical Approach. // *World Politics*. Vol. XVIII, 1966.
23. *Най Дж.С.* (мл.). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика// *Мировая экономика и международные отношения*. 1969. № 12.
24. См., например: *board E.* *International Society*. — London, 1990.
25. *Amin S.* *Le developpement inegal*. — Paris, 1973; *Emmanuel A.* *L'cchage inegal*. — Paris, 1975.
26. *Amin S.* *L'accumulation a l'echelle mondiale*. — Paris, 1970, p.30.
27. *Keohane R.* *Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond*// *Ploitical Science: The State of a Discipline*. — Washington, 1983.
28. *Wolli K.* *Theory of International Politics*. Reading. — Addison-Wes-ley, 1979.
29. См.: *Buzan B.* *Peaple, Fear and State: The national Security Problem in International Relations*. — Great Britan, Wheatsheaf Books Ltd, 1983; *Idem.* *Peaple, State and Fear: An Agenda for International Security Stadies in the Post-Cold War Era*. — London, 1991.
30. См. об этом: *Mowffari M.* *Le neo-reaUsme et les changements struc-turels dans le Golf persique* // *Les relations internationales a l'epreuve de la science politique*. *Melanges Marcel Merle*. — Paris, 1993.
31. *Sadie B., Smouts M.-C.* *Le retouement du monde. Sociologie de la scene intemationale*. — Paris, 1992, p. 146.
32. *Merle M.* *Sur la «problematique» de l'etude des Relations intemationales en France*. // *RFSP*. 1983, № 3.
33. *Тюлин И.Г.* *Внешнеполитическая мысль современной Франции*. — М., 1988, с. 46.
34. *Aron R.* *Memoires. 50 ans de reflexion politique*. — Paris, 1983, p. 69.
35. *Цыганков П.А.* *Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений*// *Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке*. Сборник статей. — М., 1992, с. 154—155.
36. *Aron R.* *Paix et Guerre entre les nations. Avec une presentation incdite de l'auteur*. — Paris, 1984.
37. *Derriennic J.-P.* *Esquisse de problematique pour une Sociologie des relations internationales*. Grenoble. 1977, p. 11—16.
- Работы этого канадского ученого — ученика и последователя Р. Арона (под руководством которого он написал и защитил диссертацию, посвященную проблемам социологии международных отношений) — с полным основанием относят к французской школе (см.: 32, с. 87—88), хотя он и является профессором университета Лаваль в Квебеке.
38. *Boutoul G.* *Traite de polemologie. Sociologie des guerres*. — Paris, 1970. p. 5.
39. *Boutoul G., Carrere R., Annequin J.-L.* *Guerres et civilisations*. — Paris, 1980.

Глава

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Иногда приходится встречаться с мнением, согласно которому разграничение предмета и объекта науки не имеет существенного значения для осознания и понимания ее особенностей, более того, — что такое разграничение носит схоластический характер и способно лишь отвлечь от действительно важных теоретических проблем. Думается, указанное разграничение все же необходимо.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих ее различные стороны научных дисциплин, которые, во-первых, отражают и описывают ее всегда с некоторым «запозданием», а во-вторых, — с определенным «искажением» существа происходящих в ней процессов и явлений. Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука так или иначе выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Ведь если сама действительность, выступающая объектом науки, существует вне и независимо от сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания, выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучаться самыми различными научными дисциплинами.

Международные отношения охватывают собой самые различные сферы общественной жизни — от экономических обменов до спортивных состязаний. Не менее многообразны и их участники, в состав которых входят как государства, так и негосударственные объединения и даже самые обычные индивиды. Что же общего между всеми этими сферами человеческой деятельности, существует ли в них та связующая нить, которая объединяет всех ее участников и нахождение которой позволяет понять ее специфику? В самом первом приближении можно сказать, что такой нитью являются политические отношения.

Как известно, политические отношения могут пониматься двояко: как сфера интересов и деятельности государства и как сфера властных отношений в широком смысле этого термина. В современной науке международные отношения, несмотря на этимологическое содержание этого словосочетания (1), понимаются чаще всего во втором своем значении (хотя, как мы увидим в дальнейшем, все еще нередки и его употребления в первом, более узком смысле). Однако в этой связи возникает целый ряд вопросов. Каковы критерии международных отношений? Что общего и чем отличаются друг от друга международные отношения и международная политика? Существуют ли различия между внутренней и международной политикой государства?

Прежде чем остановиться на этих вопросах более подробно, необходимо сделать два замечания.

Во-первых, было бы неверно абсолютизировать значение определения предмета науки. В этом отношении можно сослаться на то, что и столь древние отрасли знания, какими являются, например, математика или география, и более «молодые», как социология или политология, до сих пор вряд ли можно дефинировать окончательно и однозначно удовлетворительным образом. Это тем более верно, что предмет любой науки претерпевает изменения: меняется как сам ее объект, так и наши знания о нем. Вместе с тем, указанное обстоятельство не отменяет необходимости обозначить круг тех проблем, которые составляют предметную область данной научной дисциплины. Такая потребность особенно актуальна, когда речь идет о молодой научной дисциплине, появляющейся в процессе дифференциации научного знания и сохраняющей в ходе своего становления тесные связи с родственными ей дисциплинами.

Во-вторых, отечественная наука о международных отношениях по известным причинам достаточно длительное время пренебрегала мировыми достижениями в данной области. Такие достижения рассматривались чаще всего как неудачные (или в

лучшем случае, как представляющие лишь частный интерес в некоторых своих положениях) попытки на фоне «единственно научной и единственно правильной» марксистско-ленинской теории международных отношений. В самой же марксистско-ленинской теории международных отношений особое значение придавалось двум, рассматриваемым как «незыблемые», краеугольным положениям: а) рассмотрению международных отношений как «вторичных» и «третичных» — т.е. как продолжающих и отражающих внутриобщественные отношения и экономический базис общества; б) утверждению о том, что суть международных отношений, их «ядро» составляют классовые отношения (классовое противоборство), к которым в конечном итоге и сводится все их многообразие. Изменившаяся обстановка в полной мере показала ограниченность подобного подхода и выявила настоятельную потребность интеграции отечественных исследований в области международных отношений в мировую науку, использования ее достижений и осмысления меняющихся реалий международной жизни на рубеже третьего тысячелетия.

1. Понятие и критерии международных отношений

На первый взгляд, определение понятия «международные отношения» не представляет каких-то особых трудностей: это — «совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, т.е. между народами в самом широком смысле этого слова» (2). Однако сразу же возникает целый ряд вопросов. Относятся ли, например, браки между людьми разных государств к сфере международных отношений? Относятся ли к ней туристические поездки и поездки по частным приглашениям граждан одной страны в другую? Вступает ли человек в международные отношения, покупая иностранный товар в магазине своей страны? Попытка ответить на подобные вопросы обнаруживает зыбкость, условность, а то и просто «неуловимость» границ между внутриобщественными и международными отношениями. С другой стороны, в чем выражается специфика «совокупности связи и взаимоотношений между основными классами, действующими на международной арене», по сравнению с «организациями и движениями»? Что скрывается за терминами «социальные, экономические, политические силы»? Что такое

«международная арена»? Все эти вопросы остаются как бы «за скобками» приведенного определения, которое к тому же явно страдает тавтологичностью.

Не много ясности вносит и попытка более строгого определения международных отношений — как отношений «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств...»(3). По сути, оно лишь более явно, чем предыдущее, сводит совокупность международных отношений к взаимодействию их участников. Главным недостатком подобных определений является то, что, в конечном счете, они неизбежно сводят все многообразие международных отношений к взаимодействию государств.

Попытка выйти за рамки межгосударственных взаимодействий содержится в определении международных отношений как «совокупности интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество» (4). Такое понимание международных отношений, оставляя открытым вопрос об их участниках (или акторах), позволяет избежать недостатка их сведения к межгосударственным отношениям. К его достоинствам может быть отнесено и то, что в нем выделена одна из основных тенденций в эволюции международных отношений. Однако, обладая указанными преимуществами перед приведенными ранее, данное определение имеет тот недостаток, что является слишком широким, стирая, по существу, границы между внутриобщественными и международными отношениями. Делая акцент не на участниках международных отношений, а на их взаимодействии друг с другом, оно, по сути, как бы «теряет» этих участников. Между тем, без правильного понимания основных и второстепенных, закономерных и случайных участников международных отношений, так же как и без рассмотрения иерархии между ними — или, иначе говоря, без выделения главных и неглавных участников — выявить специфику международных отношений достаточно трудно.

Впрочем, предъявлять слишком большие претензии к определениям было бы неверно: ни одна дефиниция не в состоянии полностью раскрыть содержание определяемого объекта. Ее задача — дать лишь первичное представление об этом объекте. Поэтому при анализе международных отношений исследователи стремятся не столько дать «исчерпывающее» определение, сколько выделить основные критерии, на основе которых можно было бы понять их сущность и специфику.

Чаще всего исходным пунктом поисков и одним из существенных элементов специфики международных отношений многие исследователи делают именно выделение их участников. Так,

например, с точки зрения известного французского социолога Р. Арона, «международные отношения — это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики или народные демократии... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры» (5). В свою очередь, межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей — дипломата и солдата. «Два и только два человека, — пишет Р. Арон, — действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного» (там же). Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они основаны на вероятностном характере того и другого и поэтому включают в себя значительный элемент риска.

В целях сделать свое понимание особенностей внешней политики и международных отношений более доступным, Р. Арон прибегает к сравнению их со спортом. При этом он подчеркивает, что, например, «по сравнению с футболом, внешняя политика является еще более неопределенной. Цель действующих лиц здесь не так проста, как забивание гола. Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьбы, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра, степень беспристрастности которого оставляет повод для дискуссии. Если соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил — кэтч...» (см.: там же, р. 22). Поэтому, считает Р. Арон, международные отношения — это «предгражданское» или «естественное» состояние общества (в гоббсовском понимании — как «война всех против всех»). В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынуж-

ден исходить в своем поведении во многом из непредсказуемого поведения других участников (6).

Близкие мысли высказывают и многие другие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, сколь-либо общепринятых социальных правил, гарантируемых юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости.

Однако не все разделяют ту мысль Р. Арона, в соответствии с которой основное содержание международных отношений составляет взаимодействие между государствами. Так, по мнению американского исследователя Д. Капоразо, в настоящее время главными действующими лицами в международных отношениях становятся не государства, а классы, социально-экономические группы и политические силы (7). Д. Сингер, представитель бихевиористской школы в исследовании международных отношений, предложил изучать поведение всех возможных участников международных отношений — от индивида до глобального сообщества, — не забывая об установлении приоритета относительно их роли на мировой арене (8). Другой известный американский специалист в области международных отношений, Дж. Розенау, высказал мнение, что структурные изменения, которые произошли за последние десятилетия в мировой политике и стали основной причиной взаимозависимости народов и обществ, вызвали коренные трансформации в международных отношениях. Их главным действующим лицом становится уже не государство, а конкретные лица, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле. И если для Р. Арона основное содержание международных отношений составляют взаимодействия между государствами, символизируемые в фигурах дипломата и солдата, то Дж. Розенау приходит фактически к противоположному выводу. По его мнению, результатом изменений в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими субъектами которого выступают турист и террорист (9).

В целом же, в многообразии приведенных точек зрения просматриваются попытки либо объединить, либо отдать предпочтение в исследовании международных отношений одному из двух критериев. В одном случае — это специфика участников, в другом — особая природа международных отношений. Каждый

из них, как мы уже убедились, может привести к неоднозначным выводам. Каждый имеет свои преимущества и свои недостатки.

В рамках одного подхода существует возможность свести международные отношения, в конечном счете, либо к взаимодействию между государствами, либо, напротив, к деятельности только негосударственных участников, что тоже неверно. Более подробно вопрос об участниках международных отношений будет рассмотрен в главе VII. Поэтому здесь можно ограничиться лишь замечанием о том, что действительно имеющаяся и набирающая силу тенденция к расширению числа участников международных отношений за счет негосударственных и частных субъектов диктует необходимость внимательного анализа их роли в изменениях, происходящих на мировой арене. В то же время такой анализ должен обязательно сопровождаться сопоставлением удельного веса, который имеют в международных отношениях все их участники, в том числе и такие «традиционные» как государства. Практика показывает, что они и сегодня в большинстве случаев остаются главными и решающими действующими лицами в международных отношениях, хотя абсолютизация их значения как единственных и самодовлеющих неправомерна.

Противоположные выводы, взаимоисключающие крайности допускает и второй подход. Так, понимание природы международных отношений только как «естественного», «предгражданского» состояния не учитывает тенденции к их социализации, игнорирует нарастающие свидетельства преодоления такого состояния и становления нового мирового порядка (эта тема также будет рассмотрена в специально посвященной ей XII главе). С другой стороны, если исходить только из указанной тенденции, то тоже можно прийти к ошибочному выводу, не учитывающему, что, несмотря на возрастающую целостность и взаимозависимость мира, на усиливающиеся процессы международной интеграции и сотрудничества различных государств и народов в экономической, политической, социальной и др. областях, международные отношения и сегодня во многом остаются сферой несовпадающих интересов, соперничества и даже противоборства и насилия. Это уже не «джунгли», не «война всех против всех», но и не единое сообщество, живущее по единым законам и в соответствии с общими, разделяемыми всеми его членами, ценностями и нормами. Это, скорее, переходное состояние, когда усиливающаяся тенденция к становлению мирового сообщества не стала необратимой, когда элементы регулирования и «плюрализм суверенитетов», расширение сотрудничества на основе взаимных интересов и совершенствование средств насилия сосуществуют друг с дру-

гом, то взаимно уравниваясь, то вновь вступая в противоборство (10).

Все это говорит о том, что вышеуказанных критериев по крайней мере недостаточно для определения специфики международных отношений, что они должны быть если не заменены, то дополнены еще одним критерием. Известный французский исследователь М. Мерль, предложивший такой критерий, назвал его «критерием локализации». В соответствии с этим критерием, специфика международных отношений определяется как «совокупность соглашений или потоков, которые пересекают границы, или же имеют тенденцию к пересечению границ» (11). Исходя из факта разделения мира на государства, сохраняющие суверенитет над своими территориальными границами, такое понимание позволяет как учитывать особенности каждого этапа в развитии международных отношений, так и не сводить их к межгосударственным взаимодействиям. В него вполне вписываются и самые различные классификации международных отношений. Обобщая высказанные в этом отношении в научной литературе позиции, можно говорить о различных типах, видах, уровнях и состояниях международных отношений.

Так, до недавнего времени в отечественной и восточноевропейской научной литературе международные отношения подразделялись на основе классового критерия, на отношения господства и подчинения, отношения сотрудничества и взаимопомощи и переходные отношения (12). Соответственно, к первым относили отношения феодального и капиталистического типа, ко вторым — отношения между социалистическими странами, к третьим — отношения между развивающимися государствами, освободившимися от колониальной зависимости.

Поскольку наблюдаемая в действительности картина не укладывалась в такую достаточно искусственную схему, постольку некоторые авторы пытались усложнить саму схему, не выходя, однако, за рамки классового подхода. Так польский автор Ю. Кукулка выделял три типа однородных и три типа переходных международных отношений (13). Реальная международная жизнь и прежде не вписывалась в подобную типологию, которая игнорировала наличие серьезных противоречий и даже вооруженных конфликтов между социалистическими странами, так же как и существование отношений подлинного сотрудничества (хотя и не исключającego противоречий) между капиталистическими государствами. Изменения же, которые произошли в Восточной Европе в начале 90-х годов и которые привели к исчезновению мировой социалистической системы, заставили большинство спе-

циалистов полностью отказаться от классового и перейти к «обществоцивилизационному» критерию в классификации международных отношений. В соответствии с последним в отечественной литературе была сделана попытка выделить два типа международных отношений — отношения, основанные на балансе сил, с одной стороны, и на балансе интересов, с другой (14). Впрочем, эта попытка, отражавшая увлеченность части отечественных авторов «новым политическим мышлением», фактически не оставила в науке сколь-либо существенного следа и не возобновлялась после его поражения.

Виды международных отношений рассматриваются либо на основе сфер общественной жизни (и, соответственно, содержания отношений) — экономические, политические, военно-стратегические, культурные, идеологические отношения и т.п., — либо на основе взаимодействующих участников — межгосударственные отношения, межпартийные отношения, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями и т.п.

В зависимости от степени развития и интенсивности тех или иных видов международных отношений, выделяют их различные (высокий, низкий, или средний) уровни. Однако более плодотворным представляется определение уровней международных отношений на основе геополитического критерия: с этой точки зрения выделяются глобальный (или общепланетарный), региональные (европейский, азиатский и т.п.), субрегиональные (например, страны Карибского бассейна) уровни международного взаимодействия.

Наконец, с точки зрения степени напряженности, можно говорить о различных состояниях международных отношений: это, например, состояния стабильности и нестабильности; доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

В свою очередь, вся совокупность известных науке различных типов, видов, уровней и состояний международных отношений представляет собой особый род общественных отношений, отличающихся своими особенностями от другого их рода — от общественных отношений, свойственных той или иной социальной общности, выступающей участником международных отношений. В этой связи международные отношения можно определить как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриаобщественных взаимодействий и территориальных образований. В свою очередь, такое определение требует рассмотрения вопроса о том, как соотносятся международные отношения и мировая политика.

2. Мировая политика

Понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребимых и одновременно наименее ясных понятий политической науки. Действительно, с одной стороны, казалось бы, что и немалый исторический опыт, накопленный в попытках создания мировых империй или в реализации социально-политических утопий, и XX век, богатый на глобальные события, затрагивающие судьбы всего человечества (стоит лишь напомнить о двух прошедших в первой половине нашего столетия мировых войнах, о наступившем затем противостоянии двух социально-политических систем, продолжавшемся вплоть до фактического исчезновения одной из них, о возрастающей взаимозависимости мира на рубеже нового тысячелетия) — не оставляют сомнений в существовании выражаемого данным понятием феномена. Не случайно в теоретическом освоении мироцельности (мироведении, или мондиологии) — междисциплинарной области знания, привлекающей растущий интерес научного сообщества начиная с 70—80-х годов, — столь важную роль играют понятия «мировое гражданское общество» и «мировое гражданство» (15). Но как известно, гражданское общество представляет собой, выражаясь гегелевским языком, диалектическую противоположность сферы властных отношений, т.е., иначе говоря, оно неотделимо от этой сферы, как неотделимы друг от друга правое и левое, север и юг и т.п. Что же касается «мирового гражданства», то оно «по определению» предполагает лояльность социальной общности по отношению к существующей и воспринимаемой в качестве легитимной политической власти, т.е. в данном случае оно предполагает существование мировой политики в качестве относительно самостоятельного и объективного общественного явления.

С другой стороны, одна из главных проблем, которая встает при исследовании вопросов, связанных с мировой политикой, это именно проблема ее идентификации как объективно существующего феномена. Действительно, как отличить мировую политику от международных отношений? Вопрос тем более непростой, что само понятие «международные отношения» является достаточно неопределенным и до сих пор вызывает дискуссии, показывающие отсутствие согласия между исследователями относительно его содержания (16). Поскольку пространство и поле в мировой политике могут быть выделены лишь в абстракции (17), нередко приходится встречаться с точкой зрения, в соответствии с которой и мировая политика в целом — не более, чем абстракция, выражающая взгляд политолога на международные отноше-

ния, условно выделяющего в них политическую сторону, политическое измерение (18).

Думается, однако, что гораздо больше ясности в рассматриваемую проблему вносит иной подход, высказанный А.Е. Бовиным и разделяемый В.П. Лукиным: «мировая политика» — это деятельность, взаимодействие государств на международной арене; «международные отношения» — это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором существует мировая политика. Кроме государств, субъектами, участниками мирового общения выступают различные движения, организации, партии и т.п. Мировая политика — активный фактор, формирующий международные отношения. Международные отношения, постоянно изменяясь под воздействием мировой политики, в свою очередь, влияют на ее содержание и характер» (19).

Такая позиция облегчает понимание происходящего на мировой арене и вполне может быть принята в качестве исходной в анализе мировой политики. Вместе с тем, было бы полезно внести некоторые уточнения. Взаимодействие государств на мировой арене, двусторонние и многосторонние связи между ними в различных областях, соперничество и конфликты, высшей формой которых выступают войны, сотрудничество, диапазон которого простирается от спорадических торговых обменов до политической интеграции, сопровождающейся добровольным отказом от части суверенитета, передаваемого в «общее пользование», — все это точнее отражается термином «международная политика». Что же касается понятия «мировая политика», то оно смещает акцент именно на ту все более заметную роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие однако государство как главного участника международных общений.

Очевидно, что различия существуют не только между мировой политикой и международными отношениями, но и между внешней и международной политикой: внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структур и призванных отражать его национальные интересы. Что касается негосударственных участников международных отношений, то для многих из них (например, для многонациональных корпораций, международных мафиозных группировок, конфессиональных общностей, принад-

лежащих, скажем, к католической церкви или исламу) международной политике чаще всего вовсе и не является «внешней» (или, по крайней мере, не рассматривается в качестве таковой) (20). Вместе с тем подобная политика выступает одновременно как:

а) «транснациональная» — поскольку осуществляется помимо того или иного государства, а часто и вопреки ему и б) «разгосударствленная» — поскольку ее субъектами становятся группы лидеров, государственная принадлежность которых носит, по сути, формальный характер (впрочем, феномен «двойного гражданства» нередко делает излишней и такую формальность).

Разумеется, внешняя и международная политика государства тесно связаны не только друг с другом, но и с его внутренней политикой, что обусловлено, в частности, такими факторами, как единая основа и конечная цель, единая ресурсная база, единый субъект и т.п. (Именно этим, кстати говоря, объясняется и то обстоятельство, что анализ внешнеполитических решений возможен лишь с учетом расстановки внутривнутриполитических сил.) С другой стороны, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, феномены «транснациональной» и даже «разгосударствленной» политики все чаще становятся свойственными и межгосударственному общению.

Действительно, как показывает швейцарский исследователь Ф. Брайар (21), внешняя политика все в меньшей и меньшей степени является уделом только министерств иностранных дел. В силу возросшей необходимости сообща управлять все более сложными и многочисленными проблемами, она становится достоянием большинства других государственных ведомств и структур. Различные группы национальных бюрократий, имеющие отношение к международным переговорам, часто стремятся к непосредственному сотрудничеству со своими коллегами за рубежом, к согласованным действиям с ними. Это приводит к развитию оккультных связей и интересов, выходящих за рамки государственных принадлежностей и границ, что делает внутреннюю и международную сферы еще более взаимопроницаемыми.

3. Взаимосвязь внутренней и внешней политики

Проблема взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики — одна из наиболее сложных проблем, которая была и продолжает оставаться предметом острой полемики между различными теоретическими направлениями международно-политической науки — традиционализмом, политическим идеализмом, марксизмом — и такими их современными разновид-

ностями, как неореализм и неомарксизм, теории зависимости и взаимозависимости, структурализм и транснационализм. Каждое из этих направлений исходит в трактовке рассматриваемой проблемы из собственных представлений об источниках и движущих силах политики.

Так, например, для сторонников *политического реализма* внешняя и внутренняя политика, хотя и имеют единую сущность, — которая, по их мнению, в конечном счете сводится к борьбе за силу, — тем не менее составляют принципиально разные сферы государственной деятельности. По убеждению Г. Моргентау, многие теоретические положения которого остаются популярными и сегодня, внешняя политика определяется национальными интересами. Национальные интересы объективны, поскольку связаны с неизменной человеческой природой, географическими условиями, социокультурными и историческими традициями народа. Они имеют две составляющие: одну постоянную — это императив выживания, непреложный закон природы; другую переменную, являющуюся конкретной формой, которую эти интересы принимают во времени и пространстве. Определение этой формы принадлежит государству, обладающему монополией на связь с внешним миром. Основа же национального интереса, отражающая язык народа, его культуру, естественные условия его существования и т.п., остается постоянной. Поэтому внутренние факторы жизни страны (политический режим, общественное мнение и т.п.), которые могут меняться и меняются в зависимости от различных обстоятельств, не рассматриваются реалистами как способные повлиять на природу национального интереса: в частности, национальный интерес не связан с характером политического режима (22). Соответственно, внутренняя и внешняя политика обладают значительной автономией по отношению друг к другу.

Напротив, с точки зрения представителей ряда других теоретических направлений и школ внутренняя и внешняя политика не только связаны друг с другом, но эта связь носит характер детерминизма. Существует две версии подобного детерминизма. Одна из них свойственна ортодоксальному *марксизму*, с позиций которого внешняя политика является отражением классовой сущности внутриполитического режима и зависит в конечном счете от определяющих эту сущность экономических отношений общества. Отсюда и международные отношения в целом носят «вторичный» и «третичный», «перенесенный» характер (23).

Другой версии детерминизма придерживаются сторонники *геополитических концепций*, теории «богатого Севера» и «бедного

Юга», а также неомарксистских теорий зависимости, «мирового центра» и «мировой периферии» и т.п. Для них, по сути, исключительным источником внутренней политики являются внешние принуждения. Так, например, с точки зрения И. Валлерстайна, для того, чтобы понять внутренние противоречия и политическую борьбу в том или ином государстве, его необходимо рассматривать в более широком контексте: контексте целостности мира, представляющего собой глобальную империю, в основе которой лежат законы капиталистического способа производства — «миро-экономика». «Центр империи» — небольшая группа экономически развитых государств, — потребляя ресурсы «мировой периферии», является производителем промышленной продукции и потребительских благ, необходимых для существования составляющих ее слаборазвитых стран. Таким образом, речь идет о существовании между «центром» и «периферией» отношений несимметричной взаимозависимости, являющихся основным полем их внешнеполитической борьбы. Развитые страны заинтересованы в сохранении такого состояния (которое, по сути, представляет собой состояние зависимости), тогда как страны «периферии», напротив, стремятся изменить его, установить новый мировой экономический порядок. В конечном счете, основные интересы тех и других лежат в сфере внешней политики, от успеха которой зависит их внутреннее благополучие. Значение внутривнутриполитических процессов, борьбы партий и движений в рамках той или иной страны, определяется той ролью, которую они способны играть в контексте «миро-экономики» (24).

Еще один вариант детерминизма характерен для представителей таких теоретических направлений в международно-политической теории, как *неореализм* (25) и *структурализм* (приобретающий относительно самостоятельное значение) (26). Для них внешняя политика является продолжением внутренней, а международные отношения — продолжением внутриобщественных отношений. Однако решающую роль в определении внешней политики, по их мнению, играют не национальные интересы, а внутренняя динамика международной системы. При этом, главное значение имеет меняющаяся структура международной системы:

являясь в конечном счете, опосредованным результатом поведения государств, а также следствием самой их природы и устанавливающихся между ними отношений, она в то же время диктует им свои законы. Таким образом, вопрос о детерминизме во взаимодействии внутренней и внешней политики государства решается в итоге в пользу внешней политики.

В свою очередь, представители *концепций взаимозависимости мира* в анализе рассматриваемого вопроса исходят из тезиса, согласно которому внутренняя и внешняя политика имеют общую основу — государство. Для того, чтобы получить верное представление о мировой политике, считает, например, профессор Монреальского университета Л. Дадлей, следует вернуться к вопросу о сущности государства. Любое суверенное государство обладает двумя монополиями власти. Во-первых, оно имеет признанное и исключительное право на использование силы внутри своей территории, во-вторых, обладает здесь легитимным правом взимать налоги. Таким образом, территориальные границы государства представляют собой те рамки, в которых осуществляется первая из этих властных монополий — монополия на насилие — и за пределами которых начинается поле его внешней политики. Здесь кончается право одного государства на насилие и начинается право другого. Поэтому любое событие, способное изменить то, что государство рассматривает как свои оптимальные границы, может вызвать целую серию беспорядков и конфликтов. Пределы же применения силы в рамках государства всегда обуславливались его возможностью контролировать свои отдаленные территории, которая, в свою очередь, зависит от военной технологии. Поскольку же сегодня развитие транспорта и совершенствование вооружений значительно сократило государственные издержки по контролю над территорией, постольку увеличились и оптимальные размеры государства.

Что же происходит со второй из названных монополий? В рамках того или иного государства часть общего дохода, который изымается фискальной системой, составляет пределы внутренней компетенции государства, поле его внутренней политики. Положение этого поля также зависит от технологий, но на этот раз речь идет об информационных технологиях. Доступность специализированных рынков, экспертной информации, высшего образования и медобслуживания дает гражданам те преимущества, которыми они не обладали в простой деревне. Именно благодаря этим преимуществам уровень налогов может расти без риска вынудить индивидов или фирмы обосноваться в другом месте. Любое же необдуманное расширение этого поля — например, внезапное повышение налогов сверх определенных пределов, способное вызвать конфискацию совокупного дохода граждан, чревато риском внутренних конфликтов в стране. С этой точки зрения одной из причин развала Советского Союза стала его неспособность генерировать ресурсы, требуемые для финансирования своего военного аппарата (27).

Таким образом, для сторонников описанных позиций вопрос о первичности внутренней политики по отношению к внешней или наоборот не имеет принципиального значения: по их мнению и та, и другая детерминированы факторами иного, прежде всего, технологического характера. При этом, если уже неореалисты признают, что в наши дни государство больше не является единственным участником мировой политики, то согласно многим представителям теорий взаимозависимости и структурализма оно все больше утрачивает и присущую ему прежде основную роль в ней. На передний план выступают такие международные акторы, как межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, политические и социальные движения и т.п. Степень влияния этих, новых акторов на мировую политику, усиливающаяся роль международных режимов и структур иллюстрируются, в частности, происходящими в ней сегодня и составляющими ее наиболее характерную черту интеграционными процессами.

Еще дальше в этом отношении идут сторонники школы *транснационализма* (28). По их мнению, в наши дни основой мировой политики уже не являются отношения между государствами. Многообразие участников (межправительственные и неправительственные организации, предприятия, социальные движения, различного рода ассоциации и отдельные индивиды), видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены, родственные отношения, профессиональные связи) и «каналов» (межуниверситетское партнерство, конфессиональные связи, сотрудничество ассоциаций и т.п.) взаимодействия между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (т.е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (т.е. осуществляющееся помимо и без участия государств). Для новых акторов, число которых практически бесконечно, не существует национальных границ. Поэтому на наших глазах возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение.

Значительное влияние на подобный подход оказали выдвинутые еще в 1969 году Дж. Розенау идеи о взаимосвязи между внутренней жизнью общества и международными отношениями, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутренние», на первый взгляд, события и т.п. (29).

Розенау был и одним из первых, кто стал говорить о «раздвоенности» мира: с этой точки зрения современность характеризуется сосуществованием, с одной стороны, поля межгосударственных взаимоотношений, в котором действуют «законы» классической дипломатии и стратегии; и, с другой стороны — поля, в котором сталкиваются «акторы вне суверенитета», т.е. негосударственные участники. Отсюда и «двухслойность» мировой политики: межгосударственные отношения и взаимодействие негосударственных акторов составляют два самостоятельных, относительно независимых, параллельных друг другу мира «пост-международной» политики (30).

Продолжая эту мысль, французский политолог Б. Бади останавливается на проблеме импорта странами «Юга» западных политических моделей (в частности — государства как института политической организации людей). В широком смысле можно констатировать, с его точки зрения, явный провал универсализации западной модели политического устройства. Именно в этом провале заключается, по его мнению, основной источник беспорядка в современных международных отношениях и наблюдающихся сегодня противоречивых и сложных процессов переустройства мира (31).

В той мере, в какой государство-нация не соответствует социокультурным традициям обществ-импортеров, члены этих обществ не чувствуют себя связанными с данной моделью политического устройства, не идентифицируют себя с ней. Отсюда наблюдаемый в постколониальных странах феномен отторжения гражданских отношений. А поскольку социальная динамика не терпит пустоты, это отторжение ведет социальных акторов к поиску новых идентичностей и иных форм социально-политической организации. С этим связано такое явление, получившее широкое распространение в современном мире (и несущее в себе огромный конфликтный потенциал), как вспышка партикуляризма, которую ошибочно отождествляют с национализмом или пробуждением наций. На самом деле происходит как раз обратное. Инфляция идентичности характеризуется в действительности ненадежностью способов ее кристаллизации и поиском замещающих ее иных форм социальных и политических отношений. Такой поиск идет как в направлении микрокоммунарных реконструкций («я не чувствую себя гражданином, следовательно, вместо этого, я рассматриваю себя прежде всего как члена моего клана, даже моей семьи, моей деревни»), так и создания макрокоммунарных связей («я идентифицирую себя с определенной религией, с определенной языковой, культурной или исторической

общностью, которая выходит за пространственные рамки прежних наций-государств»).

С точки зрения вопроса о соотношении внутренней и внешней политики это достаточно серьезный феномен. Перед лицом утраты легитимности правительств и малопривлекательного характера моральных и идеологических аргументов, которые они берут на вооружение для оправдания своих действий, политические лидеры все больше стремятся придать этим действиям не только национальное, но и международное значение. Так, Б. Ельцин и политические силы, выступавшие на его стороне во время октябрьских событий 1993 года, стремились привлечь на свою сторону общественное мнение граждан не только своей страны, но и всего международного сообщества, и прежде всего — ведущих Западных держав, используя существующие в них демократические традиции, а также опасения глобальных последствий призывов российской оппозиции к вооруженному противостоянию режиму. В свою очередь, оппозиция, независимо от провозглашаемых ею лозунгов, также стремилась создать о себе определенный имидж не только внутри страны, но и за рубежом.

Завершая рассмотрение проблемы соотношения внутренней и внешней политики можно сделать следующие выводы.

Во-первых, детерминистские объяснения соотношения внутренней и внешней политики малопродуктивны. Каждое из них — идет ли речь о «первичности» внутренней политики по отношению к внешней или наоборот, — отражает лишь часть истины и потому не может претендовать на универсальность. Более того, уже сама продолжительность подобного рода полемики — а она длится фактически столько, сколько существует политическая наука, — говорит о том, что на самом деле в ней отражается тесная связь эндогенных и экзогенных факторов политической жизни. Любые сколь-либо значимые события во внутривнутриполитической жизни той или иной страны немедленно отражаются на ее международном положении и требуют от нее соответствующих шагов в области внешней политики. Так, например, уже на следующий день после того как стали известны результаты парламентских выборов в декабре 1993 года в России, эстонский премьер-министр М. Лаар выразил мнение, что они должны подтолкнуть Европейский Союз к быстрой интеграции Прибалтики в НАТО. Латвийский президент Г. Улманис подчеркнул, что восхождение Жириновского — результат слабости политики Ельцина за последние шесть месяцев. В свою очередь, украинские политики заявили, что после указанных результатов не может быть и речи об одностороннем ядерном разоружении. Все это не мог-

ло не повлечь за собой соответствующих изменений в российской внешней политике. Верно и обратное: важные решения, принимаемые в сфере внешней политики, влекут за собой необходимость адекватных мероприятий во внутривнутриполитической жизни. Так, намерение РФ стать членом Совета Европы потребовало от ее руководства изменения своего отношения к проблеме прав человека, которые в постсоветской России, по свидетельству международных и отечественных правозащитных организаций, повсеместно нарушались. В свою очередь, принятие России в эту влиятельную межправительственную организацию было оговорено условием, согласно которому внутреннее законодательство РФ должно быть приведено в соответствие с западноевропейскими стандартами, а нарушениям прав человека должен быть положен конец не только на словах, но и в практике повседневной жизни граждан.

Во-вторых, в современных условиях указанная связь становится настолько тесной, что иногда теряет смысл само употребление терминов «внутренняя» и «внешняя политика», оставляющее возможность для предположений о существовании двух отдельных областей, между которыми существуют непроходимые границы, в то время как в действительности, речь идет об их постоянном взаимном переплетении и «перетекании» друг в друга. Так, отношение постсоветского политического режима к российской национал-патриотической оппозиции или же к темпам и формам приватизации государственности, не говоря уже о реформах, касающихся армии, ВПК, природоохранных мероприятий или же законодательных основ в области прав и свобод человека, с самого начала не могло не увязываться им с официально провозглашенными внешнеполитическими ориентирами, направленными «на партнерские и союзнические отношения на основе приверженности общим демократическим ценностям со странами Запада» (32). В свою очередь, приоритеты в области внешней политики диктуются необходимостью продвижения по пути объявленных режимом внутривнутриполитических целей — политической демократии, рыночной экономики, социальной стабильности, гарантий индивидуальных прав и свобод, или, по меньшей мере, периодического декларативного подтверждения приверженности курсу реформ.

В-третьих, рост числа акторов «вне суверенитета» не означает, что государство как институт политической организации людей уже утратило свою роль или утратит ее в обозримом будущем. В свою очередь, отсюда следует, что внутренняя и внешняя политика остаются двумя неразрывно связанными и в то же время

несводимыми друг к другу «сторонами одной медали»: одна из них обращена внутрь государства, другая — во вне его. И как верно подчеркивает французский политолог М. Жирар, «большинство интеллектуальных усилий, имеющих смелость или неосторожность либо игнорировать эту линию водораздела между внутренней и внешней политикой, либо считать ее утратившей актуальность, пытающихся отождествить указанные стороны друг с другом, неизбежно обрекают себя на декларации о намерениях или на простые символы веры» (33).

В-четвертых, нарастающая сложность политических ситуаций и событий, одним из источников и проявлений которой является вышеотмеченное увеличение числа и многообразия акторов (в том числе таких, как мафиозные группировки, преступные кланы, амбициозные и влиятельные неформальные лидеры и т.п.), имеет своим следствием то обстоятельство, что их действия не только выходят за рамки национальных границ, но и влекут за собой существенные изменения в экономических, социальных и политических отношениях и идеалах и зачастую не вписываются в привычные представления.

Сказанным определяются те сложности, которые связаны с выяснением предмета Международных отношений.

4. Предмет Международных отношений

Одним из вопросов, широко обсуждаемых сегодня в научном сообществе ученых-международников, является вопрос о том, можно ли считать Международные отношения самостоятельной дисциплиной, или же это неотъемлемая часть политологии. На первый взгляд, ответ на него вполне очевиден: международные отношения, ядром которых являются политические взаимодействия, как бы «по определению» составляют неотъемлемую часть объекта политологии. Обусловлено это тем, что международная политика, как выражение, или модус существования международных отношений, подобно любой другой разновидности политики (экономической, социальной и т.п.), представляет собой соперничество и согласование интересов, целей и ценностей, в процессе которого взаимодействующие общности используют самые различные средства, — от целенаправленного влияния до прямого насилия. Здесь так же, как и во внутренней политике, речь идет о столкновениях по поводу власти и распределения ресурсов.

Задумаемся однако над тем, почему же в существующей учебной литературе по политологии — а она, как известно, отража-

ет наиболее устойчивые, апробированные результаты, а также нерешенные проблемы исследовательского процесса — международные отношения либо отсутствуют, либо наличествуют чисто формально.

Одним из ответов является утверждение о том, что политология — это наука о внутренней политике, ограниченной рамками организованного государственного общества. Тем самым вроде бы автоматически постулируется самостоятельность науки о международных отношениях. Однако основанная на подобном видении самостоятельность сводится к чисто количественному измерению. Так, например, М. Гунелль так же полагающий, что предмет политологии ограничивается национальными (т.е. внутриполитическими) проблемами, не считает это препятствием для включения в него международных отношений: «Основным предметом науки о международных отношениях являются властные отношения... ее предмет совпадает с предметом политической науки... Разное только географическое поле». В качестве доказательства приводятся факты усиливающегося взаимодействия и взаимопроникновения внутриполитических и международно-политических процессов.

Действительно, в наши дни повсеместно наблюдается феномен взаимопроникновения внутренней и международной политики, проявившийся, например, в воссоединении Германии, или же получающий выражение в возрастающем влиянии внешнеполитических акций правительства того или иного государства на электоральное поведение его населения. Впрочем, внутренняя и внешняя политика всегда были едины по своим источникам и ресурсам, отражая (более или менее удачно и эффективно) присутствующими им средствами единую линию того или иного государства. Речь идет, в конечном счете, о двух сторонах, двух аспектах политики как сферы и процесса деятельности, в основе которой лежит борьба интересов. Не случайно, например, наиболее распространенные методы прогнозирования внешней политики основываются либо на исследовании процесса принятия решений (работы Ч. Германна, О. Холсти, Г. Аллисона и др.), либо на факторном подходе (Дж. Розенау, Д. Фрей, Д. Рюлофф), либо на анализе других аспектов и сторон, относящихся к внутриполитической области. Эти аспекты учитываются и системным подходом. И наоборот — анализ внутриполитических процессов не может не учитывать того влияния, которые оказывают на них изменения в международной системе.

Как известно, разработка модели принятия решений послужила отправным пунктом для создания (в конце 60-х годов) шко-

лы сравнительного внешнеполитического анализа под руководством Дж. Розенау и попыток формулирования «предтеории внешней политики», базирующейся на постулате о взаимосвязи и взаимодействии национальных (или «внутренних») политических систем и международно-политической системы. Идеи Дж. Розенау, оказавшие значительное влияние на международно-политическую теорию, получили дальнейшее развитие в начале 90-х годов, когда им была выдвинута концепция «постмеждународной политики», в основе которой — тезис о разрыве, бифуркации между традиционным государственно-центричным миром и новым полицентричным миром «акторов вне суверенитета» и о смещении, вследствие такого разрыва, всей совокупности параметров, регулирующих международные отношения. Изучение взаимосвязи (linkage) между внутренней жизнью общества и международными отношениями, роли социальных, психологических, культурных и иных факторов в объяснении поведения участников этих отношений, анализ «внешних» источников, которые могут иметь «чисто внутренние», на первый взгляд, события, все это стало сегодня неотъемлемой частью международно-политической науки.

Учитывая вышесказанное, представляется вполне понятным и плодотворным стремление рассмотреть основные вопросы политической науки без разделения ее проблем на внутренние и внешние (международные): такие попытки отмечаются и в зарубежной, и в отечественной литературе (34).

Вместе с тем, представления о чисто количественном характере различий между внутренней и международной политикой, а тем более — утверждения сторонников транснационализма о стирании всякой грани между ними в эпоху взаимозависимости отражают не только тенденции развития политического процесса, но и состояние самой науки о международных отношениях. Как справедливо отмечал канадский специалист, «интенсивная концептуальная и исследовательская деятельность может создать впечатление о том, что разработка теории международной политики находится на пути своего удачного завершения, как это стремятся внушить некоторые видные представители школы сравнительной международной политики. Однако подобный оптимизм является, увы, довольно преждевременным».

В самом деле, несмотря на свой солидный возраст (одно из первых исследований в этой области — работа Фукидида «История Пелопонесской войны» — появилась еще в V веке до н.э.) наука о международных отношениях не может похвастаться крупными успехами. Даже в рамках такого теоретического течения,

как политический реализм, придающий исследованию внешней политики государства центральное место, ее понимание остается слишком общим, лишенным необходимой строгости. Главное, что удалось сделать наиболее крупным представителям указанного течения — Г. Моргентау, Р. Арону, А. Уолферсу и др. — это показать сложность данного феномена, его неоднозначный характер, связанный с тем, что он имеет отношение и к внутренней, и к международной жизни, к психологии и теории организации, к экономической сфере и социальной структуре и т.п.

Это позволило критикам политического реализма — сторонникам модернистского направления — приступить к конкретному изучению внешнеполитической деятельности государств, опираясь на возможности таких наук, как социология и психология, экономика и математика, антропология и информатика и др. Использование методов системного подхода, моделирования, ситуационного и структурно-функционального анализа, теории игр и т.п. дало возможность представителям отмеченного направления (М. Каплан, Д. Сингер, К. Райт, К. Дойч, Т. Шеллинг и др.) подвергать проверке гипотезы, касающиеся прогнозирования внешней политики того или иного государства, основываясь на обобщении эмпирических наблюдений, дедуктивных суждений, изучении корреляций; систематизировать факторы, влияющие на международные ориентации правительств, формировать соответствующие базы данных, исследовать процессы принятия внешнеполитических решений. Однако модернизм не стал сколько-либо однородным теоретическим направлением. Догматизация принципа научной строгости и оперирования данными, поддающимися эмпирической верификации, обрекала его на редуционизм, фрагментарность конкретных исследовательских объектов и фактическое отрицание специфики внешней политики и международных отношений.

Периодически обостряющиеся между представителями науки о международных отношениях «большие дебаты», сопровождающие ее фактически с первых шагов конституирования в относительно самостоятельную дисциплину (по общему мнению этот процесс, продолжающийся и поныне, ведет свое начало с межвоенного периода первой половины XX века), до сих пор не смогли поколебать доминирующую среди них неуверенность в эпистемологическом статусе своей дисциплины, особенностях ее объекта, специфике предметного поля и основных исследовательских методов. Более того, само продолжение таких дебатов, а главное — их содержание убеждают (непосредственно или им-

плицитно, целенаправленно или по существу) в обоснованности подобной неуверенности.

В этой связи симптоматично, что в конце 1994 года по обе стороны Атлантики такие специализированные журналы как «International Organization» в США и «Le Trimestre du monde» во Франции почти одновременно выпускают специальные издания, целиком посвященные выяснению проблемы состояния международных исследований и предмету науки о международных отношениях. Совпадает и один из главных выводов, вытекающий из обеих дискуссий, в соответствии с которым главное препятствие автономизации науки о международных отношениях вытекает из трудностей в идентификации ее объекта.

«Мы находимся в положении, — пишет в этой связи Б. Ланг, — когда реальность не дана исследователям в непосредственном восприятии, когда они не имеют дела с объектом, который характеризовался бы четко очерченными контурами, отличающими его от не-объекта» (35). Еще более определенно высказывается Ф. Брайар, утверждающий, что «объект изучения международных отношений не обладает нередуцируемой спецификой по отношению к широкому полю политики... Сегодня становится все труднее утверждать, что этот объект не поддается исследованию на основе подхода и концептов политической науки и что необходимо развивать для этого собственную научную дисциплину» (36).

Традиционно объектом международных отношений считалась среда, в которой господствует «предгражданское состояние» — анархическое, неупорядоченное поле, характеризующееся отсутствием центральной, или верховной власти и, соответственно, монополии на легитимное насилие и на безусловное принуждение. В этой связи Р. Арон считал специфической чертой международных отношений, «которая отличает их от всех других социальных отношений, то, что они развертываются в тени войны, или, употребляя более строгое выражение, отношения между государствами в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны» (37). В целом с таким пониманием специфики объекта науки о международных отношениях соглашались и либералы, хотя они подчеркивали, что, во-первых, указанная анархичность никогда не была полной, а во-вторых, возникновение и развитие международных институтов, распространение и усиление международных режимов вносят все большую упорядоченность и регулируемость в отношения между международными участниками. Одновременно они обратили внимание на то обстоятельство, которое затем стало одним из главных критичес-

Той, обращенных против сторонников политического
их новыми оппонентами — транснационалистами.
о редуцировании международных отношений к
рственным взаимодействиям и абсолютизации
национального интереса, понимаемого реалистами,
и, как некая априорная данность.

о, как показало дальнейшее развитие исследований
международных отношений, самим транснационалистам
далось преодолеть указанный недостаток. С одной сто-
уже говорилось выше, ссылки на взаимозависимость
а взаимопроникновение внутренней и международной
не убеждают в том, что различие между ними уже
ли перестанет существовать в будущем. С другой сторо-
рий так называемой политической локализации, который
преодолеть присущее реализму редуцирование
одных отношений к межгосударственным, также не
облему. Как уже отмечалось, в соответствии с этим кри-
ъектом науки о международных отношениях являются
циальные отношения и потоки, пересекающие границы и
не единого государственного контроля. Однако границы,
е ссылается данный критерий, — неотъемлемый признак
енности, всемерно оберегаемый символ национального
ета, поэтому ссылка на них так и или иначе возвращает
просу о зависимости международных отношений от
рственных взаимодействий, сводя существенную, на
вгляд, новизну в понимании объекта науки к чисто
енным различиям: большему или меньшему влиянию
в на регулирование указанных потоков и отношений.

ет ли это, что указание на анархичность как на харак-
определяющую особенности объекта науки о между-
отношениях, сохраняет все свое значение? Основываясь
е полемики между неореалистами и неолибералами, Р.
оказывает, что ссылки на анархичность как на нере-
ую специфику международных отношений фактически
т значение в обоих ее аспектах: и в смысле отсутствия
ального мирового правительства, и в смысле готовности
одных акторов к применению силы. С другой стороны,
стремление к абсолютным и относительным выгодам, как
е национального интереса, не способны объяснить
талития или отсутствия международного сотрудничества,
его степень. Сотрудничество и заинтересованность в
огут изменяться одновременно, но это не озна-

чает обязательного существования между ними причи-
ственной связи. По мнению Р. Пауэлла, и в том, и в другом
причиной выступают особенности стратегической окр-
среды, которая всецело обуславливает интерес госу-
относительных выгодах и, таким образом, затрудняет
сотрудничества (38).

В данной связи неизбежен вопрос: а каковы эти осо-
Вернее, что лежит в их основе? Иначе говоря,
возвращается «на круги своя». В конечном итоге п-
признать, что объект науки о международных отношениях
теризуется дуализмом регулируемости и порядка (как сово-
противоречивого результата сознательной деятельн-
формированию и развитию международных организаций, и
и режимов, а также спонтанного следствия объ-
функционирования международной системы и связанн-
структурных принуждений и ограничений), с одной ст-
значительной долей непредсказуемости, вытекающей из пл-
суверенитетов и психологических особенностей лиц, прин-
решения, которые способны повлиять на ход развития пол-
событий и процессов — с другой. Указанный дуализм н-
отразить в рамках единой теории. Отсюда тот «страбизм»,
Международным отношениям, который, по мнению М.
считается среди ее представителей чем-то вроде тайн-
профессиональной принадлежности (39). Но если он рас-
этот «знак» как определенную теоретическую опас-
американский ученый К. Холсти считает, что для
международных отношениях «теоретический плюрализм»
единственно возможным ответом на многообразные р-
сложного мира. Любая попытка установить
ортодоксальность, основанную на единой точке зрения и
методологии, может привести лишь к чрезмерному упр-
уменьшению шансов на прогресс познания» (40).

Гетерогенность, сложность и многозначность между-
отношений, многообразии наблюдающихся в них т-
неожиданный, в чем-то непредсказуемый ход их эволюци-
того, отсутствие сколь-либо четких материально-простра-
границ, которые отделяли бы международные отно-
внешнюю политику от внутриобщественных отно-
внутренней политики, — все это действительно говорит
тивляемости объекта науки о международных отношениях
по созданию некоей единой всеохватывающей теории, если
под этим термином целостную и непротиворечивую

систему эмпирически верифицируемых знаний. Вместе с тем, данная констатация отнюдь не означает, что Международные отношения не имеют своего предмета (41). О существовании такого предмета свидетельствует наличие целого ряда проблем, сущность которых, при всем богатстве взаимосвязанного и взаимозависимого мира, не сводится к внутривнутриполитическим отношениям, а обладает собственной динамикой, дышит собственной жизнью. Признавая, что удовлетворительного решения вопроса о том, как выразить эту сущность, пока не найдено, не стоит забывать, что речь идет о разных видах политической деятельности, которые используют разные средства (например: армия, военная стратегия и дипломатия во внешней политике; полиция, государственное право и налоги — во внутренней), обладают разными возможностями (если полигика — сфера рискованной деятельности, то во внешней и международной политике степень риска неизмеримо более высока, чем во внутренней); осуществляются в разных средах (в международных отношениях, являющихся средой внешнеполитической деятельности, нет монополии на легитимное насилие: соответствующие акции ООН далеко не бесспорны и легитимны по большей части лишь для ограниченного круга членов международного сообщества).

Вот почему центральные понятия политологии (например такие, как «политическая власть», «политический процесс», «политический режим», «гражданское общество» и т.п.) имеют специфическое значение в применении к внешней (международной) политике, формируя свое, относительно автономное предметное поле. Составной частью этого поля являются «частнона-учные» понятия и проблемы, в которых отражается специфика международных отношений — такие, как «плюрализм суверенитетов», «баланс сил», «би- (+) и (-) многополярность», «дипломатия», «стратегия» и т.п. Разрабатываемые в рамках данного поля, указанные понятия все чаще с успехом используются политологией в исследовании внутривнутриполитических процессов. Так, наука о международных отношениях уже обогатила политическую теорию такими, ставшими общеполитологическими понятиями, как «национальный интерес», «переговоры» и т.п., которые вполне успешно применяются для анализа внутривнутриполитических проблем. Тем самым она предстает как относительно автономная политическая дисциплина, имеющая собственный предмет исследования. Это подтверждается и такими внешними, но в то же время важными признаками, как наличие специализированных журналов, существование международного научного сообщества — специалистов, которые следят за работами друг друга и совместны-

ми усилиями, через взаимную критику, опираясь на общезначимые достижения, полученные в рамках различных теоретических направлений и школ, развивают свою дисциплину, ставшую неотъемлемой частью университетского образования.

И хотя речь идет о сравнительно молодой дисциплине, об окончательном конституировании которой, ее полной автономности по отношению к политологии говорить пока еще рано, даже более того: особенности самого объекта этой дисциплины дают основания предполагать, что такая автономность вряд ли возможна и в еколько-либо обозримом будущем, — все это не избавляет от необходимости, в силу вышеуказанных обстоятельств, разработки проблем, касающихся самостоятельного теоретического статуса науки о международных отношениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авторство в изобретении термина «международные отношения» принадлежит английскому мыслителю Джереми Бентаму (1748—1832), который понимал под ним общения между государствами. Впоследствии он был воспринят юристами и применялся исключительно для обозначения правовых межгосударственных взаимодействий.

2. *Иноземцев Н.Н.* Ленинский курс международной политики КПСС. - М., 1978, с. 11.

3. Курс международного права. В семи томах. Том 1. Понятие, предмет и система международного права. М., 1989, с. 10.

4. *Шахназаров Г.Х.* Грядущий миропорядок. — М., 1981, с. 19.

5. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. P., 1984, p. 17.

6. *Aron R.* Une Sociologie des relations internationales //Revue française de sociologie. 1963. Vol. IV.

7. *Caporaso J.* Dependence, Dependency and Power in the Global System: A Structural and Behavioral Analysis //International Organisation. 1979, № 10.

8. *Synger D.* (ed.). Quantitative International Politics: Insights and Evidence. N.Y., - 1978.

9. *Rosenau J.N.* Le touriste et le terroriste ou les deux extremes du continuum international // Etudes internationales. 1979. Juin, p. 220.

10. При этом, термин «переходность» в данном случае отнюдь не означает, что речь идет о некоей линейной тенденции, результат которой известен заранее. В действительности, данной сфере общественных отношений, даже больше чем другим, свойственны элементы непредсказуемости, незаданности, неоднозначности и неожиданности.

11. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. P., 1974, p. 137.

12. Социализм и международные отношения. — М., 1975, с. 16.

13. Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений. М., 1980, с.85-86.
14. Гладков В.П. Международное общество: утопия или реальная перспектива // Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 6, с. 61.
15. См. об этом: Чешков М. Осмысление мироцельности: новая позиция идей или их сближение? //МЭиМО, 1995, № 2.
16. См., например: Les relations internationales: Les nouveaux debats theoriques // Le trimestre du monde, 1994, № 3.
17. См. об этом: Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // МЭ и МО. 1989, № 7.
18. Таково, в частности, мнение французского исследователя М. Жирара, высказанное им в ходе дискуссии на состоявшейся в начале 1995 года на социологическом факультете МГУ российско-французской конференции по проблемам политической науки.
19. Перестройка международных отношений: пути и подходы //Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 1, с. 58.
20. Так, например, в мусульманских странах представления о национальном гражданстве появились лишь к концу XIX в. До этого мусульмане различных государств юридически считались членами одной общины мусульман — ал—Уммы, связанной отношениями покровительства—зависимости (вала дживар) и находящейся под защитой «верховного» маула (вали) — Аллаха (Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 242). Исламские же фундаменталисты, по сути, и сегодня не признают деления мусульман по национально-государственному признаку.
21. Braillard Ph. Relations internationales: une nouvelle discipline//Le trimestre du monde, 1994, № 3, p. 29.
22. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. — New York, 1948.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12, с. 735.
24. Wallerstein I. (sous la dir. de). Les inegalites entre Etats dans le systeme international: origines et perspectives. — Centre quebequois de relations internationales, University Laval, 1975, p. 12—22.
25. См., например: Waltz. K. Theory of International Politics. — New York, 1979.
26. См.: Strange S. States and Markets. — London, 1988.
27. См.: 25. Dudley L. The Word and the Sword: How Techniques of Information and Violence Have Shaped Our World. — Oxford, 1991.
28. См., например: Burton N.J.W. World Society. — Cambridge, 1972; Loard E. International Society. — London, 1991.
29. См.: Rosenau J. Lineage Politics: Essay on the Convergence of National and International System. — New York, 1969.
30. См.: Rosenau J.N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. — Princeton, 1989.

31. *Badie B.* L'Etat importe, L'occidentalisation de l'ordre politique. — Paris, 1992.

32. **См.:** О сути концепции внешней политики России // *Международная жизнь*, 1993, № 1, с. 19.

33. *Girard M.* (Sous la dir. de). Les individus dans la politique internationale. — Paris, 1994, p. 7.

34. См., например: *Мурадян А.А.* Двуликий Янус. Введение в политологию. М., 1994; *Поздняков Э.А.* Философия политики. М., 1994; *Badie B.* L'Etat importe... Op.cit.

35. *Long B.* La definition des Relations internationales: une prtable & leur theorisation // *Le trimestre du monde*, 3-e trimestre 1994, p. 12.

36. *Braillard Ph.* Les Relations internationales: une nouvelle discipline? // *Le trimestre du monde*, 3-e trimestre 1994, p. 26.

37. *Aron J.* Paix et Guerre entre les nations, p. 18.

38. *Powell R.* Anarchy in International Relations Theory: the Neorealist — Neoliberal Debat // *International Organizations*. Spring 1994. Vol. 48, № 2, p. 329-338.

39. *Girard M.* Op. cit., p. 9.

40. *Holsti K. J.* Mirror, Mirror on the Wall, Which Are the Fairest Theories of All? // *International Studies Quarterly*. Vol. 33, 1989, p. 256.

41. Действительно, отсутствие объекта в «физическом смысле», т.е. как отдельно существующей реальности, не связанной с другими выражениями политического (например, во внутриобщественных отношениях), характерно не только для Международных отношений, но и для политологии (если понимать под нею внутриполитическую теорию), и для экономики. Это подчеркивал уже Р. Арон (см. «Paix et Guerre entre les nations», p. 16). Точно так же дуализм политической экономии, ее «разрыв» между монетаризмом и кейнсианством (на абсолютную истинность не может претендовать ни то, ни другое из этих направлений западной экономической мысли, а их чередование в практике экономической жизни демонстрирует как преимущества, так и явные изъяны, свойственные обоим подходам) указывает на то, что «страбизм» Международных отношений не является свидетельством ее инвалидности.

Глава III

ПРОБЛЕМА МЕТОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Основная цель данной главы — познакомить с наиболее широко применяемыми методами, методиками и техниками изучения Международных отношений и внешней политики. В ней не ставится такая достаточно сложная и самостоятельная задача, как научить пользоваться ими. Впрочем, ее решение было бы и невозможно, так как для этого требуется, во-первых, подробное описание тех или иных методов, иллюстрируемое примерами их конкретного применения в исследовательской работе при анализе определенного объекта международных отношений, а во-вторых (и это главное), — практическое участие в том или ином научно-теоретическом или научно-прикладном проекте, поскольку, как известно, нельзя научиться плавать, не входя в воду.

При этом следует иметь в виду, что каждый исследователь (или исследовательский коллектив) обычно использует свой излюбленный метод (или их группу), корректируемый, дополняемый и обогащаемый им с учетом имеющихся условий и инструментария. Важно иметь в виду и то, что применение того или иного метода зависит от объекта и задач исследования, а также (что весьма существенно) от наличных материальных средств.

К сожалению, приходится отметить тот факт, что специальная литература, посвященная проблеме методов и особенно — прикладных методик анализа международных отношений, — весьма немногочисленна (особенно на русском языке) и потому труднодоступна.

1. Значение проблемы метода

Проблема метода — одна из наиболее важных проблем любой науки, так как в конечном счете речь идет о том, чтобы научить, как получать новое знание, как применять его в практической деятельности. Вместе с тем это и одна из самых сложных проблем, которая и предваряет изучение наукой своего объекта, и является итогом такого изучения. Она предваряет изучение объекта уже потому, что исследователь с самого начала должен владеть определенной суммой приемов и средств достижения нового знания. Она является итогом изучения, ибо полученное в его результате знание касается не только самого объекта, но и методов его изучения, а также применения полученных результатов в практической деятельности. Более того, исследователь сталкивается с проблемой метода уже при анализе литературы и необходимости ее классификации и оценки.

Отсюда неоднозначность и в понимании содержания самого термина «метод». Он означает как сумму приемов, средств и процедур исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося знания. Это значит, что проблема метода, обладая самостоятельным значением, в то же время тесно связана с аналитической и практической ролью теории, которая также играет и роль метода.

Распространенное мнение о том, что каждая наука имеет свой собственный метод, верно лишь отчасти: большинство социальных наук не имеют своего специфического, только им присущего метода. Поэтому они так или иначе преломляют применительно к своему объекту общенаучные методы и методы других (как социальных, так и естественнонаучных) дисциплин. В данной связи принято считать, что методологические подходы политической науки (в том числе и Международных отношений) строятся вокруг трех аспектов:

- как можно более строгое отделение исследовательской позиции от морально-ценностных суждений или личных взглядов;
- использование аналитических приемов и процедур, являющихся общими для всех социальных наук, что играет решающую роль в установлении и последующем рассмотрении фактов;
- стремление к систематизации, или, иначе говоря, к выработке общих подходов и построению моделей, облегчающих открытие «законов» (1).

И хотя при этом подчеркивается, что данное замечание не означает необходимости «полного изгнания» из науки ценностных

суждений или личных позиций исследователя, тем не менее перед ним неизбежно встает проблема более широкого характера — проблема соотношения науки и идеологии. В принципе та или иная идеология, понимаемая в широком значении — как сознательный или неосознанный выбор предпочтительной точки зрения — существует всегда. Избежать этого, «деидеологизировать-ся» в этом смысле нельзя. Интерпретация фактов, даже выбор «угла наблюдения» и т.п. неизбежно обусловлены точкой зрения исследователя. Поэтому объективность исследования предполагает, что исследователь должен постоянно помнить об «идеологическом присутствии» и стремиться контролировать его, видеть относительность любых выводов, учитывая такое «присутствие», стремиться избегать одностороннего видения. Наиболее плодотворных результатов в науке можно добиться не при отрицании идеологии (это, в лучшем случае, заблуждение, а в худшем — сознательное лукавство), а при условии идеологической терпимости, идеологического плюрализма и «идеологического контроля» (но не в смысле привычного нам по недавнему прошлому контроля официальной политической идеологии по отношению к науке, а наоборот — в смысле контроля науки над всякой идеологией).

Сказанное касается и так называемой методологической дихотомии, которая нередко наблюдается в Международных отношениях. Речь идет о противопоставлении так называемого традиционного историко-описательного, или интуитивно-логического подхода операционально-прикладному, или аналитико-прогностическому, связанному с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных (квантификацией), верифицируемостью (или фальсифицируемостью) выводов и т.п. В этой связи, например, утверждается, что основным недостатком науки о международных отношениях является затянувшийся процесс ее превращения в прикладную науку (2). Подобные утверждения страдают излишней категоричностью. Процесс развития науки является не линейным, а, скорее, обоюдным: происходит не превращение ее из историко-описательной в прикладную, а уточнение и коррекция теоретических положений через прикладные исследования (которые, действительно, возможны лишь на определенном, достаточно высоком этапе ее развития) и «возвращение долга» «прикладникам» в виде более прочной и операциональной теоретико-методологической основы.

Действительно, в мировой (прежде всего, американской) науке о международных отношениях с начала пятидесятых годов XX века происходит усвоение многих релевантных результатов и

методов социологии, психологии, формальной логики, а также естественных и математических наук. Одновременно начинается и ускоренное развитие аналитических концепций, моделей и методов, продвижение к сравнительному изучению данных, систематическое использование потенциала электронно-вычислительной техники. Все это способствовало значительному прогрессу науки о международных отношениях, приближению ее к потребностям практического регулирования и прогнозирования мировой политики и международных отношений. Вместе с тем, это отнюдь не привело к вытеснению прежних, «классических» методов и концепций.

Так, например, операциональность историко-социологического подхода к международным отношениям и его прогностические возможности были продемонстрированы Р. Ароном. Один из наиболее ярких представителей «традиционного», «историко-описательного» подхода Г. Моргентау, указывая на недостаточность количественных методов, не без оснований писал, что они далеко не могут претендовать на универсальность. Столь важный для понимания международных отношений феномен, как, например, власть, — «представляет собой качество межличностных отношений, которое может быть проверено, оценено, угадано, но которое не может быть измерено количественно... Конечно, можно и нужно определить, сколько голосов может быть отдано политике, сколькими дивизиями или ядерными боеголовками располагает правительство; но если мне потребуется понять, сколько власти имеется у политика или у правительства, то я должен буду отставить в сторону компьютер и счетную машину и приступить к обдумыванию исторических и, непременно, качественных показателей» (3).

Действительно, существо политических явлений не может быть исследовано сколь-либо полно при помощи только прикладных методов. В общественных отношениях вообще, а в международных отношениях в особенности, господствуют стохастические процессы, не поддающиеся детерминистским объяснениям. Поэтому выводы социальных наук, в том числе и науки о международных отношениях, никогда не могут быть окончательно верифицированы или фальсифицированы. В этой связи здесь вполне правомерны методы «высокой» теории, сочетающие наблюдение и рефлексию, сравнение и интуицию, знание фактов и воображение. Их польза и эффективность подтверждается и современными изысканиями, и плодотворными интеллектуальными традициями.

Вместе с тем, как верно подметил М. Мерль по поводу полемики между сторонниками «традиционных» и «модернистских» подходов в науке о международных отношениях, было бы абсурдно настаивать на интеллектуальных традициях там, где необходимы точные корреляции между собранными фактами. **Все** то, что поддается квантификации, должно быть квантифицировано (4). К полемике между «традиционалистами» и «модернистами» мы еще вернемся. Здесь же важно отметить неправомерность противопоставления «традиционных» и «научных» методов, ложность их дихотомии. В действительности они взаимно дополняют друг друга. Поэтому вполне правомерен вывод о том, что оба подхода «выступают на равных основаниях, а анализ одной и той же проблемы проводится независимо друг от друга разными исследователями» (см.: там же, с. 8). Более того, в рамках обоих подходов одной и той же дисциплиной могут использоваться — хотя и в разных пропорциях — различные методы: общенаучные, аналитические и конкретно-эмпирические. Впрочем, разница между ними, особенно между общенаучными и аналитическими, тоже достаточно условна, поэтому и надо иметь в виду условность, относительность границ между ними, их способность «перетекать» друг в друга. Данное утверждение верно и для Международных отношений. В то же время нельзя забывать и о том, что основное предназначение науки состоит в служении практике и, в конечном счете, в создании основ для принятия решений, имеющих наибольшую вероятность способствовать достижению поставленной цели.

В этой связи, опираясь на выводы Р. Арона, можно сказать, что в фундаментальном плане изучение международных отношений требует сочетания таких подходов, которые опираются на *теорию* (исследование сущности, специфики и основных движущих сил этого особого рода общественных отношений); *социологию* (поиски детерминант и закономерностей, определяющих его изменения и эволюцию); *историю* (фактическое развитие международных отношений в процессе смены эпох и поколений, позволяющее находить аналогии и исключения) и *праксеологию* (анализ процесса подготовки, принятия и реализации международно-политического решения). В прикладном плане речь идет об изучении *фактов* (анализ совокупности имеющейся информации); *объяснении* существующего положения (поиски причин, призванные избежать нежелательного и обеспечить желаемое развитие событий); *прогнозировании* дальнейшей эволюции ситуации (исследование вероятности ее возможных последствий); *подготовке*

решения (составление перечня имеющихся средств воздействия на ситуацию, оценка различных альтернатив) и, наконец, *принятии решения* (которое также не должно исключать необходимости немедленного реагирования на возможные изменения ситуации) (5).

Нетрудно заметить сходство методологических подходов и даже пересечение методов, свойственных обоим уровням исследования международных отношений. Это верно и в том смысле, что в обоих случаях одни из используемых методов отвечают всем поставленным целям, другие эффективны лишь для той или иной из них. Рассмотрим несколько подробнее некоторые из методов, используемых на прикладном уровне Международных отношений.

2. Методы анализа ситуации

Анализ ситуации предполагает использование суммы методов и процедур междисциплинарного характера, применяемых для накопления и первичной систематизации эмпирического материала («данных»). Поэтому соответствующие методы и методики называют иногда также «техниками исследования». К настоящему времени известно более тысячи таких методик — от самых простых (например, наблюдение) до достаточно сложных (как, например, формирование банка данных, построение многомерных шкал, составление простых (Check lists) и сложных (Indices) показателей, построение типологий (факторный анализ Q) и т.п.

Рассмотрим наиболее распространенные из аналитических методик: наблюдение, изучение документов, сравнение.

Наблюдение

Как известно, элементами данного метода являются субъект наблюдения, объект и средства наблюдения. Существуют различные виды наблюдений. Так, например, непосредственное наблюдение, в отличие от опосредованного (инструментального), не предполагает использования какого-либо технического оборудования или инструментария (телевидения, радио и т.п.). Оно бывает внешним (подобным тому, которое, например, ведут парламентские журналисты, или специальные корреспонденты в иностранных государствах) и включенным (когда наблюдатель является прямым участником того или иного международного события: дипломатических переговоров, совместного проекта или вооруженного конфликта). В свою очередь, прямое наблюдение

отличается от косвенного, которое проводится на основе информации, получаемой при помощи интервью, анкетирования и т.п. В Международных отношениях в основном возможно косвенное и инструментальное наблюдение. Главный недостаток данного метода сбора данных — большая роль субъективных факторов, связанных с активностью субъекта, его (или первичных наблюдателей) идеологическими предпочтениями, несовершенством или деформированностью средств наблюдения и т.п. (6).

Изучение документов

Применительно к международным отношениям, оно имеет ту особенность, что у «неофициального» исследователя часто нет свободного доступа к источникам объективной информации (в отличие, например, от штабных аналитиков, экспертов международных ведомств, или работников органов безопасности). Большую роль в этом играют представления того или иного режима о государственной тайне и безопасности. В СССР, например, предметом государственной тайны долгое время оставался объем добычи нефти, уровень промышленного производства и т.д.; существовал огромный массив документов и литературы, предназначенной только «для служебного пользования», сохранялся запрет на свободное хождение иностранных изданий, огромное множество учреждений и институтов было закрыто для «посторонних».

Существует и другая проблема, затрудняющая использование данного метода, который является одним из исходных, базовых для любого исследования в области социальных и политических наук: это проблема финансовых средств, необходимых для приобретения, обработки и хранения документов, оплаты связанных с этим трудовых затрат и прочее. Понятно, поэтому, что чем более развитым является государство и чем более демократическим является его политический режим, тем более благоприятные возможности существуют и для исследований в области социальных и политических наук.

Наиболее доступными являются официальные документы: сообщения пресс-служб дипломатических и военных ведомств, информация о визитах государственных деятелей, уставные документы и заявления наиболее влиятельных межправительственных организаций, декларации и сообщения властных структур, политических партий и общественных объединений и тд. Вместе с тем широко используются и неофициальные письменные, аудио

и аудиовизуальные источники, которые так или иначе могут способствовать увеличению информации о событиях международной жизни: записи мнений частных лиц, семейные архивы, неопубликованные дневники. Важное значение могут играть воспоминания непосредственных участников тех или иных международных событий — войн, дипломатических переговоров, официальных визитов. Это касается и форм подобных воспоминаний — письменных или устных, непосредственных или восстанавливаемых и т.п. Большую роль в сборе данных играют так называемые иконографические документы: картины, фотографии, кинофильмы, выставки, лозунги. Так, в условиях господствовавшей в СССР закрытости, повышенной секретности и, следовательно, практической недоступности неофициальной информации, американские советологи уделяли важное внимание изучению иконографических документов, например, репортажей с праздничных демонстраций и парадов. Изучались особенности оформления колонн, содержания лозунгов и плакатов, количества и персонального состава официальных лиц, присутствующих на трибуне и, разумеется, видов демонстрируемой военной техники и вооружений (7).

Сравнение

Это — также метод, являющийся общим для многих дисциплин. По утверждению Б. Рассета и Х. Старра, в науке о международных отношениях он стал применяться лишь с середины 60-х годов, когда непрекращающийся рост числа государств и других международных акторов сделал его и возможным, и совершенно необходимым (8). Главное достоинство данного метода состоит в том, что он нацеливает на поиск общего, повторяющегося в сфере международных отношений. Необходимость сравнения между собой государств и их отдельных признаков (территория, население, уровень экономического развития, военный потенциал, протяженность границ и т.д.) стимулировала развитие количественных методов в науке о международных отношениях, и в частности измерения. Так, если имеется гипотеза о том, что крупные государства более склонны к развязыванию войны, чем все остальные, то возникает потребность измерения величины государств с целью определения, какое из них является крупным, а какое малым и по каким критериям. Кроме этого, «пространственного», аспекта измерения, появляется необходимость измерения «во времени», т.е. выяснения в исторической ретроспективе, какая

величина государства усиливает его «склонность» к войне (см.: там же, р. 47—48).

В то же время сравнительный анализ дает возможность получить научно-значимые выводы и на основе несходства явлений и неповторимости ситуации. Так, сравнивая между собой иконографические документы (в частности, фото- и кинохронику), отражающие отправление французских солдат в действующую армию в 1914 и в 1939 гг., М. Ферро обнаружил впечатляющую разницу в их поведении. Улыбки, танцы, атмосфера всеобщего ликования, царившая на Восточном вокзале Парижа в 1914 году, резко контрастировала с картиной уныния, безнадежности, явного нежелания отправляться на фронт, наблюдаемой на том же вокзале в 1939 году. Поскольку указанные ситуации не могли сложиться под влиянием пацифистского движения (по свидетельству письменных источников, оно никогда не было столь сильным, как накануне 1914 г. и, напротив, почти совсем не проявляло себя перед 1939 г.), постольку была выдвинута гипотеза, согласно которой одним из объяснений описанного выше контраста должно быть то, что в 1914 г., в отличие от 1939 года, не существовало никаких сомнений относительно того, кто является врагом: враг был известен и идентифицирован. Доказательство данной гипотезы стало одной из идей весьма интересного и оригинального исследования, посвященного осмыслению первой мировой войны (9).

3. Экспликативные методы

Наиболее распространенными из них являются такие методы, как контент-анализ, ивент-анализ, метод когнитивного картирования и их многочисленные разновидности.

Контент-анализ

В политических науках он был впервые применен американским исследователем Г. Лассуэлом и его сотрудниками при изучении пропагандистской направленности политических текстов и был описан ими в 1949 г. (10). В самом общем виде данный метод может быть представлен как систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов. Далее частота этих словосочетаний или сюжетов сравнивается с их частотой в других письменных или устных сообщениях,

известных как нейтральные, на основе чего делается вывод о политической направленности содержания исследуемого текста. Описывая данный метод, М.А. Хрусталева и К.П. Боришполец выделяют такие стадии его применения как: структуризация текста, связанная с первичной обработкой информационного материала; обработка информационного массива при помощи матричных таблиц; квантификация информационного материала, позволяющая продолжить его анализ при помощи электронно-вычислительной техники (11).

Степень строгости и операциональности метода зависит от правильности выделения первичных единиц анализа (терминов, словосочетаний, смысловых блоков, тем и т.п.) и единиц измерения (например, слово, фраза, раздел, страница и т.п.).

Ивент-анализ

Этот метод (называемый иначе методом анализа событийных данных) направлен на обработку публичной информации, показывающей, *«кто говорит или делает, что, по отношению к кому и когда»*. Систематизация и обработка соответствующих данных осуществляется по следующим признакам: 1) субъект-инициатор (кто); 2) сюжет или «issue-area» (что); 3) субъект-мишень (по отношению к кому) и 4) дата события (когда) (12, с. 260—261). Систематизированные таким образом события сводятся в матричные таблицы, ранжируются и измеряются при помощи ЭВМ. Эффективность данного метода предполагает наличие значительного банка данных. Научно-прикладные проекты, использующие ивент-анализ, отличаются по типу изучаемого поведения, числу рассматриваемых политических деятелей, по исследуемым временным параметрам, количеству используемых источников, типологии матричных таблиц и т.д.

Когнитивное картирование

Этот метод направлен на анализ того, как тот или иной политический деятель воспринимает определенную политическую проблему.

Американские ученые Р. Снайдер, Х. Брук и Б. Сэпин еще в 1954 году показали, что в основе принятия политическими лидерами решений может лежать не только, и даже не столько действительность, которая их окружает, сколько то, как они ее воспринимают. В 1976 году Р. Джервис в работе «Восприятие и неверное восприятие (misperception) в международной политике» показал, что помимо эмоциональных факторов на принимаемое

тем или иным лидером решение оказывают влияние когнитивные факторы. С этой точки зрения, информация, получаемая ЛПР, усваивается и упорядочивается ими «с поправкой» на их собственные взгляды на внешний мир. Отсюда — тенденция недооценивать любую информацию, которая противоречит их системе ценностей и образу противника, или же, напротив, придавать преувеличенную роль незначительным событиям. Анализ когнитивных факторов позволяет понять, например, что относительное постоянство внешней политики государства объясняется, наряду с другими причинами, и постоянством взглядов соответствующих лидеров.

Метод когнитивного картирования решает задачу выявления основных понятий, которыми оперирует политик, и нахождения имеющихся между ними причинно-следственных связей. «В результате исследователь получает карту-схему, на которой на основании изучения речей и выступлений политического деятеля, отражено его восприятие политической ситуации или отдельных проблем в ней» (см.: 4, с. 6).

В применении описанных методов, которые обладают целым рядом несомненных достоинств — возможность получения новой информации на основе систематизации уже известных документов и фактов, повышение уровня объективности, возможность измерения и т.п. — исследователь сталкивается и с серьезными проблемами. Это — проблема источников информации и ее достоверности, наличия и полноты баз данных и т.п. Но главная проблема — это проблема тех затрат, которых требует проведение исследований с использованием контент-анализа, ивент-анализа и метода когнитивного картирования. Составление базы данных, их кодировка, программирование и т.п. занимают значительное время, нуждаются в дорогостоящем оборудовании, вызывают необходимость привлечения соответствующих специалистов, что в конечном итоге выливается в значительные суммы.

Учитывая указанные проблемы, профессор Монреальского университета Б. Корани предложил методику с ограниченным количеством индикаторов поведения международного актора, которые рассматриваются в качестве ключевых (наиболее характерных) (см.: 12). Таких индикаторов всего четыре: способ дипломатического представительства, экономические сделки, межгосударственные визиты и соглашения (договоры). Эти индикаторы систематизируются в соответствии с их типом (например, соглашения могут быть дипломатические, военные, культурные или экономические) и уровнем значимости. Затем составляется 84

матричная таблица, дающая наглядное представление об исследуемом объекте. Так, таблица, отражающая обмен визитами, выглядит следующим образом:

Глава государства: король, президент, шейх эмирата, первый секретарь компартии, канцлер3

Вице-президент: премьер-министр или глава правительства, председатель Верховного Совета.....2

Вице-президент: министр иностранных дел, министр обороны, министр экономики.....!

Что касается способов дипломатического представительства, то их классификация строится на основе их уровня (уровень посла или более низкий уровень) и с учетом того, идет ли речь о прямом представительстве или через посредничество другой страны (резидент или не резидент). Комбинация этих данных может быть представлена в таком виде:

Посол резидент

Посол **не** резидент

Резидентное дипломатическое представительство (на уровне ниже посла).....

Нерезидентное дипломатическое представительство Другие дипломатические отношения

На основе подобных данных строятся выводы, касающиеся способа поведения международного актора во времени и в пространстве: с кем он поддерживает наиболее интенсивные взаимодействия, в какой период и в какой сфере они происходят и т.п.

Используя данную методику, Б. Корани установил, что почти все военно-политические отношения, которые имел, например, Алжир в 70-е годы, поддерживались им с СССР, тогда как уровень экономических отношений со всем социалистическим лагерем был довольно слабым. Фактически, большая часть экономических отношений Алжира была направлена на сотрудничество с Западом, и особенно с США, — «главной империалистической державой». Как пишет Б. Корани: «Подобный вывод, противоречащий «здравому смыслу» и первым впечатлениям — (напомним, что Алжир принадлежал в эти годы к странам «социалистической ориентации», придерживающимся курса «антиимпериалистической борьбы и всестороннего сотрудничества со странами социализма»), — не мог быть сделан, и в него нельзя было поверить без использования строгой методики, подкрепленной систематизацией данных» (см.: там же, р. 264). Возможно, это несколько пре-

увеличенная оценка. Но в любом случае данная методика довольно эффективна, достаточно доказательна и не слишком дорогостояща,

Следует, однако, подчеркнуть и ее ограниченность, которая, впрочем, является общей для всех вышеназванных методов. Как признает сам ее автор, она не может (или же может только частично) ответить на вопрос о причинах тех или иных феноменов. Подобные методы и методики гораздо более полезны на уровне описания, а не объяснения. Они дают как бы фотографию, общий вид ситуации, показывают, что происходит, но не проясняя, почему. Но именно в этом и состоит их назначение — выполнять диагностическую роль в анализе тех или иных событий, ситуаций и проблем международных отношений. Однако для этого они нуждаются в первичном материале, в наличии данных, которые подлежат дальнейшей обработке.

Эксперимент

Метод эксперимента как создание искусственной ситуации с целью проверки теоретических гипотез, выводов и положений, является одним из основных в естественных науках. В социальных науках наиболее широкое распространение получил такой его вид, как имитационные игры, являющиеся разновидностью лабораторного эксперимента (в отличие от полевого). Существует два типа имитационных игр: без применения электронно-вычислительной техники и с ее использованием. В первом случае речь идет об индивидуальных или групповых действиях, связанных с исполнением определенных ролей (например, государств, правительств, политических деятелей или международных организаций) в соответствии с заранее составленным сценарием. При этом участниками должны строго соблюдаться формальные условия игры, контролируемые ее руководителями: например, в случае имитации межгосударственного конфликта должны учитываться все параметры того государства, роль которого исполняет участник — экономический и военный потенциал, участие в союзах, стабильность правящего режима и т.п. В противном случае подобная игра может превратиться в простое развлечение и потерю времени с точки зрения познавательных результатов. Имитационные игры с применением компьютерной техники предлагают гораздо более широкие исследовательские перспективы. Опираясь на соответствующие базы данных, они дают возможность, например, воспроизвести модель дипломатической истории. Начав с самой простой и самой правдоподобной модели объясне-

ния текущих событий — кризисов, конфликтов, создания межправительственных организаций и т.п., далее исследуют, как она подходит к подобранным ранее историческим примерам. Путем проб и ошибок, изменяя параметры исходной модели, добавляя упущенные в ней прежде переменные, учитывая культурно-исторические ценности, сдвиги в господствующем менталитете и т.д., можно постепенно продвигаться к достижению ее все большего соответствия воспроизведенной модели дипломатической истории, и на основе сравнения этих двух моделей выдвигать обоснованные гипотезы относительно возможного развития текущих событий в будущем. Иначе говоря, эксперимент относится не только к объяснительным, но и к прогностическим методам.

4. Прогностические методы

В Международных отношениях существуют как относительно простые, так и более сложные прогностических методы. К первой группе могут быть отнесены такие методы, как, например, заключения по аналогии, метод простой экстраполяции, дельфийский метод, построение сценариев и т.п. Ко второй — анализ детерминант и переменных, системный подход, моделирование, анализ хронологических серий (ARIMA), спектральный анализ, компьютерная симуляция и др. Рассмотрим кратко некоторые из них.

Дельфийский метод

Речь идет о систематическом и контролируемом обсуждении проблемы несколькими экспертами. Эксперты вносят свои оценки того или иного международного события в центральный орган, который проводит их обобщение и систематизацию, после чего вновь возвращает экспертам. Будучи проведена несколько раз, такая операция позволяет констатировать более или менее серьезные расхождения в указанных оценках. С учетом проведенного обобщения эксперты либо вносят поправки в свои первоначальные оценки, либо укрепляются в своем мнении и продолжают настаивать на нем. Изучение причин расхождений в оценках экспертов позволяет выявить незамеченные ранее аспекты проблемы и зафиксировать внимание как на наиболее (в случае совпадения экспертных оценок), так и наименее (в случае их расхождения) вероятных последствиях развития анализируемой проблемы или ситуации. В соответствии с этим и вырабатывается окончательная оценка и практические рекомендации.

Построение сценариев

Этот метод состоит в построении идеальных (т.е. мыслительных) моделей вероятного развития событий. На основе анализ существующей ситуации выдвигаются гипотезы, — представляющие собой простые предположения и не подвергаемые в данном случае никакой проверке, — о ее дальнейшей эволюции и последствиях. На первом этапе производится анализ и отбор главных факторов, определяющих, по мнению исследователя, дальнейшее развитие ситуации. Количество таких факторов не должно быть чрезмерным (как правило, выделяют не более шести элементов), с тем чтобы обеспечить целостное видение всего множества вытекающих из них вариантов будущего. На втором этапе выдвигаются (базирующиеся на простом «здравом смысле») гипотезы о предполагаемых фазах эволюции отобранных факторов в течение последующих 10, 15 и 20 лет. На третьем этапе осуществляется сопоставление выделенных факторов и на их основе выдвигается и более или менее подробно описывается ряд гипотез (сценариев), соответствующих каждому из них. При этом учитываются последствия взаимодействий между выделенными факторами и воображаемые варианты их развития. Наконец, на четвертом этапе делается попытка создать показатели относительной вероятности описанных выше сценариев, которые с этой целью классифицируются (совершенно произвольно) по степени их вероятности (см.: 5, с. 269—273).

Системный подход

Понятие системы (более подробно оно будет рассмотрено в главе V) широко используется представителями самых разных теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Его общепризнанным преимуществом является то, что оно дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности, и, следовательно, способствуя нахождению корреляций между взаимодействующими элементами, помогает выявлению «правил» такого взаимодействия, или, иначе говоря, закономерностей функционирования международной системы. На основе системного подхода ряд авторов отличают международные отношения от международной политики: если составные части международных отношений представлены их участниками (актерами) и «факторами» («независимыми переменными» или «ресурсами»), составляющими «потенциал» участников, то элементами международной политики выступают только акторы (см.: 6, с. 428; 24, с. 12; 25, с. 123. *Кукулка, Хофманн, Мерль*)

Системный подход следует отличать от его конкретных воплощений — системной теории и системного анализа. Системная теория выполняет задачи построения, описания и объяснения систем и составляющих их элементов, взаимодействия системы и среды, а также внутрисистемных процессов, под влиянием которых происходит изменение и/или разрушение системы (13). Что касается системного анализа, то он решает более конкретные задачи, представляя собой совокупность практических методик, приемов, способов, процедур, благодаря которым в изучение объекта (в данном случае — международных отношений) вносится определенное упорядочивание (14).

С точки зрения Р. Арона, «Международная система состоит из политических единиц, которые поддерживают между собой регулярные отношения и которые могут быть втянуты во всеобщую войну» (15). Поскольку главными (и, фактически, единственными) политическими единицами взаимодействия в международной системе для Арона являются государства, на первый взгляд может создаться впечатление о том, что он отождествляет международные отношения с мировой политикой. Однако, ограничивая, по сути, международные отношения системой межгосударственных взаимодействий, Р. Арон, в то же время не только уделял большое внимание оценке ресурсов, потенциала государств, определяющего их действия на международной арене, но и считал такую оценку основной задачей и содержанием социологии международных отношений. При этом он представлял потенциал (или мощь) государства как совокупность, состоящую из его географической среды, материальных и людских ресурсов и способности коллективного действия (см.: там же, р. 65). Таким образом, исходя из системного подхода, Арон очерчивает, по существу, три уровня рассмотрения международных (межгосударственных) отношений: уровень межгосударственной системы, уровень государства и уровень его могущества (потенциала).

Д. Розенау предложил в 1971 г. другую схему, включающую шесть уровней анализа: 1) индивиды — «творцы» политики и их характеристики; 2) занимаемые ими посты и выполняемые роли; 3) структура правительства, в котором они действуют; 4) общество, в котором они живут и которым управляют; 5) система отношений между национальным государством и другими участниками международных отношений; 6) мировая система (цит. по: 8). Характеризуя системный подход, представленный различными уровнями анализа, Б. Рассетг и Х. Старр подчеркивают, что вы-

бор того или иного уровня определяется наличием данных и теоретическим подходом, но отнюдь не капризом исследователя. Поэтому в каждом случае применения данного метода необходимо найти и определить несколько разных уровней. При этом объяснения на разных уровнях не обязательно должны исключать друг друга, они могут быть взаимодополняющими, углубляя тем самым наше понимание.

Серьезное внимание уделяется системному подходу и в отечественной науке о международных отношениях. Работы, изданные исследователями ИМЭМО, МГИМО, ИСКАН, ИВАН и других академических и вузовских центров свидетельствуют о значительном продвижении российской науки в области как системной теории (16), так и системного анализа. Так, авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений» считают, что «методом теории международных отношений является системный анализ движения и развития международных событий, процессов, проблем, ситуаций, осуществляемый с помощью имеющегося знания, внешнеполитических данных и сведений, особых способов и приемов исследования» (17). Отправным моментом такого анализа являются, с их точки зрения, три уровня исследования любой системы: 1) уровень состава — множество образующих ее элементов; 2) уровень внутренней структуры — совокупность закономерных взаимосвязей между элементами; 3) уровень внешней структуры — совокупность взаимосвязи системы как целого со средой (см.: там же, с. 70).

Применительно к изучению внешней политики государства метод системного анализа включает анализ «детерминант», «факторов» и «переменных».

Один из последователей Арона, Р. Боек, в работе «Социология мира» представляет потенциал государства как совокупность ресурсов, которыми оно располагает для достижения своих целей, состоящую из двух видов факторов: физических и духовных.

Физические (или непосредственно осязаемые) факторы включают в себя следующие элементы:

- 1.1. Пространство (географическое положение, его достоинства и преимущества).
- 1.2. Население (демографическая мощь).
- 1.3. Экономика в таких ее проявлениях, как: а) экономические ресурсы; б) промышленный и сельскохозяйственный потенциал; в) военная мощь.

В свою очередь, в состав духовных (или моральных, или социальных, непосредственно не осязаемых) факторов входят:

- 2.1. Тип политического режима и его идеологии.
- 2.2. Уровень общего и технического образования населения.
- 2.3. Национальная «мораль», моральный тонус общества.
- 2.4. Стратегическое положение в международной системе (например, в рамках сообщества, союза и т.п.).

Указанные факторы составляют совокупность независимых переменных, воздействующих на внешнюю политику государств, исследуя которые, можно прогнозировать ее изменения (18).

Графически данная концепция может быть представлена в виде следующей схемы (см. рис.1):

Рис. 1.

Схема дает наглядное представление как о достоинствах, так и о недостатках данной концепции. К достоинствам можно отнести ее операциональность, возможность дальнейшей классификации факторов с учетом базы данных, их измерения и анализа с применением компьютерной техники. Что же касается недостатков, то, по-видимому, наиболее существенным из них является фактическое отсутствие в данной схеме (за исключением пункта 2.4) факторов внешней среды, оказывающих существенное (иногда решающее) воздействие на внешнюю политику государств.

В этом отношении гораздо более полной выглядит концепция Ф. Брайара и М.-Р. Джалили (19) (см.: 22, р. 65—71), которая также может быть представлена в виде схемы: (см. рис. 2).

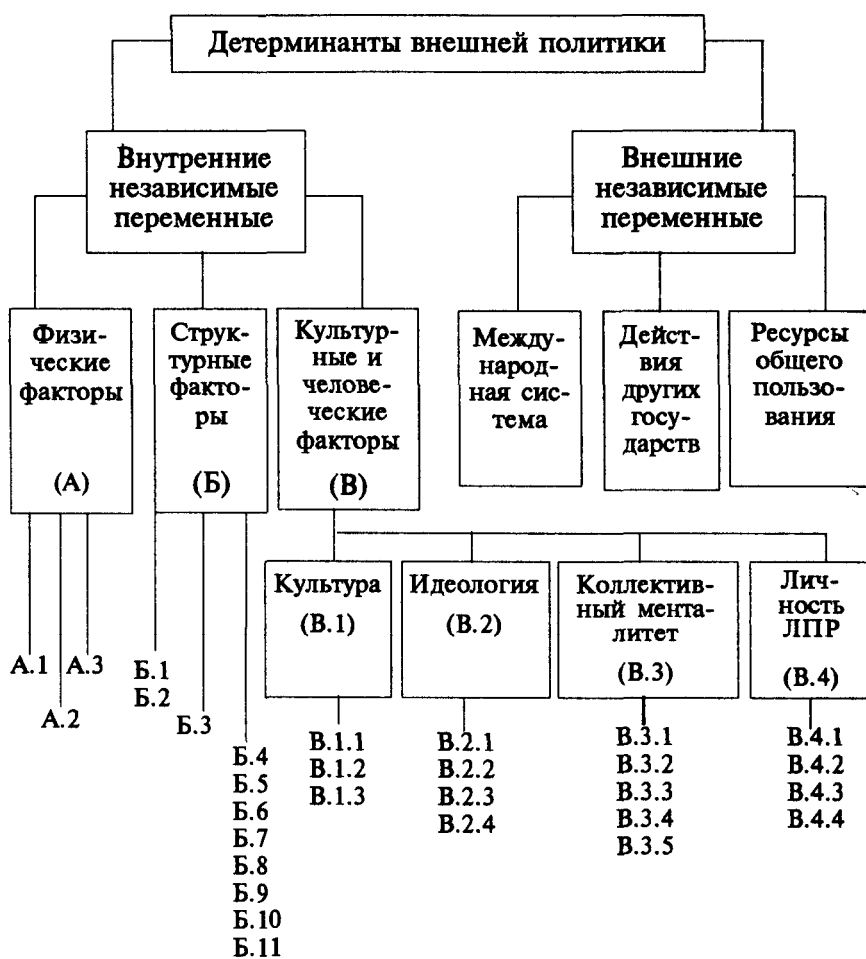

Рис.2

Физические факторы внутренних независимых переменных включают:

- Географическое положение государства (А.1);
- Его природные ресурсы (А.2);
- Свойственную для него демографическую ситуацию. В свою очередь, в состав структурных факторов входят:

- Политические институты (Б.1);
- Экономические институты (Б.2);

- Способность государства использовать свою физическую и социальную среду или, иначе говоря, его технологический, экономический и человеческий потенциал (Б.3);
- Политические партии (Б.4);
- Группы давления (Б.5);
- Этнические группы (Б.6);
- Конфессиональные группы (Б.7);
- Языковые группы (Б.8);
- Социальная мобильность (Б.9);
- Территориальная структура: доля городского и сельского населения (Б. 10);
- Уровень национального согласия общества (Б. 11). Наконец, культурные и человеческие факторы содержат:
 - Культуру (В.1)
 - систему ценностей (В.1.1), язык (В. 1.2), религию (В.1.3);
 - Идеологию (В.2)
 - самооценка властью своей роли (В.2.1), ее самовосприятие (В.2.2), ее восприятие мира (В.2.3), основные средства давления (В.2.4);
 - Коллективный менталитет (В.3) историческая память (В.3.1), образ «другого» (В.3.2),
 - линия поведения, касающаяся международных обязательств (В.3.3),
 - особая чувствительность к проблеме национальной безопасности (В.3.4), мессианские традиции (В.3.5);
 - Качества лиц, принимающих решения (В.4)
 - восприятие своего окружения (В.4.1),
 - восприятие мира (В.4.2),
 - физические качества** (В.4.3),
 - моральные качества (В.4.4). Как видно из схемы, данная концепция, обладая всеми достоинствами предыдущей, преодолевает ее основной недостаток. Ее главная идея — тесная взаимосвязь внутренних и внешних факторов, их взаимовлияние и взаимозависимость в воздействии на иностранную политику государства. Кроме того, в рамках внутренних независимых переменных эти факторы представлены здесь гораздо более полно, что значительно снижает возможность упус-

тить какой-либо важный нюанс в анализе. В то же время схема обнаруживает, что сказанное гораздо меньше относится к внешним независимым переменным, которые на ней лишь обозначены, но никак не структурированы. Данное обстоятельство свидетельствует, что при всем «равноправии» внутренних и внешних факторов, авторы все же явно отдают предпочтение первым.

Следует подчеркнуть, что и в том, и в другом случаях авторы отнюдь не абсолютизируют значение факторов в воздействии на внешнюю политику. Как показывает Р. Боек, вступив в 1954 году в войну против Франции, Алжир не обладал большинством из указанных факторов, и тем не менее ему удалось добиться поставленной цели.

Действительно, попытки наивно-детерминистского описания хода истории в духе Лапласовской парадигмы — как движения от прошлого через настоящее к заранее заданному будущему — с особой силой обнаруживают свою несостоятельность именно в сфере международных отношений, где господствуют стохастические процессы. Сказанное особенно характерно для нынешнего — переходного — этапа в эволюции мирового порядка, характеризующегося повышенной нестабильностью и являющегося собой своеобразную точку бифуркации, содержащую в себе множество альтернативных путей развития и, следовательно, не гарантирующую какой-либо предопределенности.

Такая констатация вовсе не означает, что прогнозы в сфере международных отношений в принципе невозможны. Речь идет о том, чтобы видеть границы, относительность, амбивалентность прогностических возможностей науки.

Моделирование

Данный метод связан с построением искусственных, идеальных, воображаемых объектов, ситуаций, представляющих собой системы, элементы и отношения которых соответствуют элементам и отношениям реальных международных феноменов и процессов.

Рассмотрим такой вид данного метода, как — комплексное моделирование — на примере работы М.А. Хрусталева «Системное моделирование международных отношений» (см.: 2).

Автор ставит своей задачей построение формализованной теоретической модели, представляющей собой тринарный синтез методологического (философская теория сознания), общенаучного (общая теория систем) и частнонаучного (теория международных отношений) подходов. Построение осуществляется в три

этапа. На первом формулируются «предмодельные задачи», объединяемые в два блока: «оценочный» и «операциональный». В этой связи автор анализирует такие понятия, как «ситуации» и «процессы» (и их виды), а также уровень информации. На их основе строится матрица, представляющая собой своего рода «карту», призванную обеспечить исследователю выбор объекта с учетом уровня информационной обеспеченности.

Что касается операционального блока, то главное здесь состоит в выделении на основе триады «общее-особенное-единичное» характера (типа) моделей (концептуальная, теоретическая и конкретная) и их форм (вербальная или содержательная, формализованная и квантифицированная). Выделенные модели также представлены в виде матрицы, являющей собой теоретическую модель моделирования, отражающую его основные стадии (форма), этапы (характер) и их соотношение.

На втором этапе речь идет о построении содержательной концептуальной модели как исходной точке решения общей задачи исследования. На основе двух групп понятий — «аналитической» (сущность-явление, содержание-форма, количество-качество) и «синтетической» (материя, движение, пространство, время), представленных в виде матрицы, строится «универсальная познавательная конструкция — конфигуратор», задающая общие рамки исследования. Далее, на базе выделения вышеуказанных логических уровней исследования всякой системы отмеченные понятия подвергаются редукции, в результате которой выделяются «аналитические» (сущностная, содержательная, структурная, поведенческая) и «синтетические» (субстратная, динамическая, пространственная и временная) характеристики объекта. Опираясь на структурированный таким образом «системный ориентированный матричный конфигуратор», автор прослеживает специфические особенности и некоторые тенденции эволюции системы международных отношений.

На третьем этапе проводится более детальный анализ состава и внутренней структуры международных отношений, т.е. построение ее развернутой модели. Здесь выделяются состав и структура (элементы, подсистемы, связи, процессы), а также «программы» системы международных отношений (интересы, ресурсы, цели, образ действий, соотношение интересов, соотношение сил, отношения). Интересы, ресурсы, цели, образ действий составляют элементы «программы» подсистем или элементов. Ресурсы, характеризуемые как «несистемообразующий элемент», подразделяются автором на ресурсы средств (вещно-энергетические и информационные) и ресурсы условий (пространство и время).

«Программа системы международных отношений» является производной по отношению к «программам» элементов и подсистем. Ее системообразующим элементом выступает «соотношение интересов» различных элементов и подсистем друг с другом. Несистемообразующим элементом является понятие «соотношение сил», которое более точно можно было бы выразить термином «соотношение средств» или «соотношение потенциалов». Третьим производным элементом указанной «программы» является «отношение» понимаемое автором как некое оценочное представление системы о себе и о среде.

Опираясь на сконструированную таким образом теоретическую модель, М.А. Хрусталеv анализирует реальные процессы, характерные для современного этапа мирового развития. Он отмечает, что если ключевым фактором, определявшим эволюцию системы международных отношений на протяжении ее истории, являлось межгосударственное конфликтное взаимодействие в рамках устойчивых конфронтационных осей, то к 90-м годам XX в. возникают предпосылки перехода системы в иное качественное состояние. Оно характеризуется не только сломом глобальной конфронтационной оси, но и постепенным формированием стабильных осей всестороннего сотрудничества между развитыми государствами мира. В результате появляется неформальная подсистема развитых государств в форме мирохозяйственного комплекса, ядром которого стала «семерка» ведущих развитых стран, объективно превратившаяся в управляющий центр, регулирующий процесс развития системы международных отношений. Принципиальное отличие такого «управляющего центра» от Лиги Наций или ООН состоит в том, что он является результатом самоорганизации, а не продуктом «социальной инженерии» с характерными для нее статичной завершенностью и слабой адекватностью к динамичному изменению среды. Как управляющий центр «семерка» решает две важные задачи функционирования системы международных отношений: во-первых, ликвидацию существующих и недопущение возникновения в будущем региональных конфронтационных военно-политических осей; во-вторых, стимулирование демократизации стран с авторитарными режимами (создание единого мирового политического пространства). Выделяя, с учетом предлагаемой им модели, также и другие тенденции в развитии системы международных отношений, М.А. Хрусталеv считает весьма симптоматичным появление и закрепление понятия «мировое сообщество» и выделение идеи «нового мирового порядка», подчеркивая в то же время, что нынешнее состо-

яние системы международных отношений в целом еще не соответствует современным потребностям развития человеческой цивилизации.

Столь подробное рассмотрение метода системного моделирования в применении к анализу международных отношений, позволяет увидеть и преимущества, и недостатки как самого этого метода, так и системного подхода в целом. К преимуществам можно отнести уже отмеченный выше обобщающий, синтезирующий характер системного подхода. Он позволяет обнаружить как целостность изучаемого объекта, так и многообразие составляющих его элементов (подсистем), в качестве которых могут выступать участники международных взаимодействий, отношения между ними, пространственно-временные факторы, политические, экономические, социальные или религиозные характеристики и т.д. Системный подход дает возможность не только фиксировать те или иные изменения в функционировании международных отношений, но и обнаружить причинные связи таких изменений с эволюцией международной системы, выявить детерминанты, влияющие на поведение государств. Системное моделирование дает науке о международных отношениях те возможности теоретического экспериментирования, которых она в его отсутствие практически лишена. Оно дает также возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы исследований и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики.

Вместе с тем было бы неверным преувеличивать значение системного подхода и моделирования для науки, игнорировать их слабые стороны и недостатки. Главным из них является, как это ни кажется парадоксальным, тот факт, что никакая модель — даже самая безупречная в своих логических основаниях — не дает уверенности в правильности сделанных на ее основе выводов. Это, впрочем, признает и сам автор рассмотренной выше работы, когда говорит о невозможности построения абсолютно объективной модели системы международных отношений (см.: 2, с. 22). Добавим, что всегда существует определенный разрыв между сконструированной тем или иным автором моделью и действительными источниками тех выводов, которые формулируются **им** об исследуемом объекте. И чем более абстрактной (то есть чем более строго логически обоснованной) является модель, а также чем более адекватными реальности стремится сделать ее автор

свои выводы, тем шире указанный разрыв. Иначе говоря, существует серьезное подозрение, что при формулировании выводов автор опирается не столько на построенную им модельную конструкцию, сколько на исходные посылки, «строительный материал» этой модели, а также на другие, не связанные с ней, в том числе и «интуитивно-логические» методы. Отсюда и весьма неприятный для «бескомпромиссных» сторонников формальных методов вопрос: могли ли быть сформулированы без модели те (или подобные им) выводы, которые появились как результат модельного исследования? Значительное несоответствие новизны подобных результатов тем усилиям, которые предпринимались исследователями на основе системного моделирования, заставляют считать, что утвердительный ответ на указанный вопрос выглядит весьма обоснованным. Как подчеркивают в подобной связи Б. Рассетт и Х. Старр: «В известной мере удельный вес каждого вклада может быть определен с помощью методов сбора данных и анализа, типичных для современных социальных наук. Но во всех других отношениях мы остаемся в области догадок, интуиции и информированной мудрости» (см.: 8, р. 37).

Что касается системного подхода в целом, то его недостатки являются продолжением его достоинств. В самом деле, преимущества понятия «международная система» настолько очевидны, что его используют, за небольшими исключениями, представители всех теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Однако, как справедливо подметил французский политолог М. Жирар, мало кто точно знает, что оно означает в действительности. Более или менее строгий смысл оно продолжает сохранять для функционалистов, структуралистов и системников. Для остальных же — это чаще всего не более чем красивый научный эпитет, удобный для украшения плохо определенного политического объекта. В результате данное понятие оказалось перенасыщенным и девальвировалось, что затрудняет его творческое использование.

Соглашаясь с негативной оценкой произвольной трактовки понятия «система», подчеркнем еще раз, что это вовсе не означает сомнений в плодотворности применения как системного подхода, так и его конкретных воплощений — системной теории и системного анализа — к исследованию международных отношений.

Системный анализ и моделирование являются наиболее общими из аналитических методов, представляющих собой совокупность комплексных исследовательских приемов, процедур и техник междисциплинарного характера, связанных с обработкой,

классификацией, интерпретацией и описанием данных. Именно на их основе и с их использованием появилось и получило широкое распространение множество других аналитических методов более частного характера (некоторые из них были рассмотрены выше).

Роль прогностических методов Международных отношений трудно переоценить: ведь в конечном счете и анализ, и объяснение фактов нужны не сами по себе, а ради составления прогнозов возможного развития событий в дальнейшем. В свою очередь, прогнозы составляются с целью принятия адекватного международно-политического решения. Важную роль в этом призван играть анализ процесса принятия решения партнера (или противника).

5. Анализ процесса принятия решений

Анализ процесса принятия решений (ППР) представляет собой динамическое измерение системного анализа международной политики и вместе с тем — одну из центральных проблем социальной науки вообще и науки о международных отношениях в особенности. Изучение детерминант внешней политики без учета этого процесса может оказаться либо напрасной потерей времени, с точки зрения прогностических возможностей, либо опасным заблуждением, ибо данный процесс представляет собой тот «фильтр», через который совокупность воздействующих на внешнюю политику факторов «просеивается» лицом (лицами), принимающим решение (ЛПР).

Классический подход к анализу ППР, отражающий «методологический индивидуализм», характерный для веберовской традиции, включает два основных этапа исследования (20). На первом этапе определяются главные лица, принимающие решение (например, глава государства и его советники, министры: иностранных дел, обороны, безопасности и т.д.) и описывается роль каждого из них. При этом учитывается, что каждый из них имеет штат советников, обладающих полномочиями запрашивать любую необходимую им информацию в том или ином государственном ведомстве.

На следующем этапе проводится анализ политических предпочтений ЛПР, с учетом их мировоззрения, опыта, политических взглядов, стиля руководства и т.д. Важную роль в этом отношении сыграли уже упоминавшиеся работы Р. Снайдера, Х. Брука, Б. Сапэна и Р. Джервиса.

Ф. Брайар и М.Р. Джалили, обобщая методы анализа ППР, выделяют четыре основных подхода.

Первый из них может быть назван моделью рационального выбора, в рамках которой выбор решения осуществляется единым и рационально мыслящим лидером на основе национального интереса. Предполагается, что: а) принимающий решение действует с учетом целостности и иерархии ценностей, о которых он имеет достаточно устойчивое представление; б) он систематически отслеживает возможные последствия своего выбора; в) ППР открыт для любой новой информации, способной повлиять на решение.

В рамках второго подхода предполагается, что решение принимается под влиянием совокупности правительственных структур, действующих в соответствии с установленными рутинными процедурами. Решение оказывается разбитым на отдельные фрагменты, а разрозненность правительственных структур, особенности отбора ими информации, сложность взаимных отношений друг с другом, различия в степени влияния и авторитета и т.п. — являются препятствием для ППР, основанного на систематической оценке последствий того или иного выбора.

В третьей модели решение рассматривается как результат торга — сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата и т.д., каждый представитель которых имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.

Наконец, при четвертом подходе обращается внимание на то, что во многих случаях ЛПР находятся в сложном окружении и располагают неполной, ограниченной информацией. Кроме того, они не в состоянии оценить последствия того или иного выбора. В такой обстановке им приходится расчленять проблемы, редуцируя используемую информацию к небольшому числу переменных.

В анализе ППР исследователю необходимо избегать соблазна использовать тот или иной из указанных подходов «в чистом виде». В реальной жизни описываемые им процессы варьируются в самых разнообразных сочетаниях, изучение которых должно показать на какой из них в каждом конкретном случае следует опираться и с какими другими его соединять (см.: 19, р. 71—74).

Один из распространенных методов изучения процесса принятия решения, получивших распространение в Международных отношениях, связан с *теорией игр*. Теория игр — это теория принятия решений в конкретном социальном контексте, где поня-

тие «игра» распространяется на все виды человеческой деятельности. Она базируется на теории вероятностей и представляет собой конструирование моделей анализа или прогнозирования различных типов поведения акторов, находящихся в особых ситуациях. Классическая теория игр была разработана математиком Д. фон Нойманном и экономистом О. Моргенштерном в их совместной работе «Теория игр и экономическое поведение», опубликованной издательством Принстонского университета в 1947 году. В анализе поведения международных акторов она нашла применение в ставших классическими работах А. Рапопорта, исследовавшего ее эпистемологические возможности (21), и Т. Шеллинга, который распространил ее на изучение таких международных феноменов, как конфликты, переговоры, контроль над вооружениями, стратегия устрашения и т.п. (22). Канадский специалист в социологии международных отношений Ж.-П. Деррьеренник рассматривает теорию игр как теорию принятия решений в рискованной ситуации или, иначе говоря, как область применения модели субъективно рационального действия в ситуации, когда все события являются непредсказуемыми. Если речь идет об игре с несколькими игроками, то мы имеем дело с теорией взаимозависимых решений, где рискованная ситуация является общей, а непредсказуемость вытекает для каждого игрока из действий другого. Рискованная ситуация находит свое решение, если устраняется ее рискованный характер. В игре с двумя игроками — в том случае, когда один из игроков принимает плохое решение, другой получает дополнительный выигрыш. Если же оба играют хорошо (т.е. действуют рационально), то ни один не имеет шансов улучшить свой выигрыш сверх того, что позволяют правила игры (23).

В теории игр, таким образом, анализируется поведение ЛПР в их взаимных отношениях, связанных с преследованием одной и той же цели. При этом задача состоит не в описании поведения игроков или их реакции на информацию о поведении противника, а в нахождении наилучшего из возможных вариантов решения для каждого из них перед лицом прогнозируемого решения противника. Теория игр показывает, что количество типов ситуаций, в которых могут оказаться игроки, является конечным. Более того, оно может быть редуцировано к небольшому числу моделей игр, различающихся по характеру целей, возможностям взаимной коммуникации и количеству игроков.

Существуют игры с разным числом игроков: одним, двумя или многими. Например, дилемма, брать или не брать с собой

зонтик в неустойчивую погоду, является игрой с одним игроком (ибо природа не принимает в расчет решения человека), которая перестанет быть таковой, когда метеорология станет точной наукой (см.: там же, р. 30).

В игре с двумя игроками, например, в знаменитой «Дилемме заключенных», игроки лишены возможности общаться друг с другом, поэтому каждый принимает решение на основе представления о рациональном поведении другого. Правила игры уподобляются правилам ситуации, в которой два человека (А и Б), совершившие совместное преступление и попавшие в руки правосудия, получают от его представителей предложение о добровольном признании (т.е. о предательстве по отношению к своему соучастнику). При этом каждый предупреждается о следующем:

1. Если А признается (П), Б не признается (Н), то А получает свободу (С), Б — максимальное наказание (В); 2. Если А не признается (Н), Б признается (П), то А получает максимальное наказание (В), Б — свободу (С); 3. Если А, и Б признаются, то оба получают суровое, хотя и не максимальное наказание (Т); 4. Если же оба не признаются, то оба получают минимальное наказание (У).

Графически дилемма заключенных представляется в виде такой схемы (рис. 3):

		Б	
		Н	П
А	Н	(4) У	(2) С
	П	(1) В	(3) Т

В идеале для каждого из соучастников свобода лучше, чем минимальное наказание, минимальное наказание лучше сурового, а последнее лучше, чем максимальное: $0У > Т > В$. Поэтому для обоих самым выгодным вариантом было бы Н,Н. На деле же,

лишенный возможности общаться с другим, не доверяя ему, каждый ожидает предательства со стороны соучастника (для А это:

Н,П) и, стремясь избежать В, принимает решение предать, считая его наименее рискованным. В результате оба избирают предательство (П,П) и оба получают суровое наказание.

В терминах символической логики ситуация может быть представлена следующим образом:

1. $\{П(А) \& \neg П(Б)\} \supset \{С(А) \& В(Б)\}$
2. $\{\neg П(А) \& П(Б)\} \supset \{В(А) \& С(Б)\}$
3. $\{П(А) \& П(Б)\} \supset \{Т(А) \& Т(Б)\}$
4. $\{\neg П(А) \& \neg П(Б)\} \supset \{У(А) \& У(Б)\}$

Эта модель применялась к анализу многих международных ситуаций: например, внешней политики гитлеровской Германии, или гонки вооружений периода 50—70-х годов. В последнем случае в основе ситуации для двух сверхдержав лежала тяжесть взаимного риска, представленного ядерным оружием, и желание обеих избежать взаимного разрушения. Результатом явилась гонка вооружений, не выгодная ни одной из сторон.

Теория игр позволяет находить (или прогнозировать) решение в некоторых ситуациях: т.е. указать наилучшее из возможных решений для каждого участника, вычислить наиболее рациональный способ поведения в различных типах обстоятельств. И тем не менее было бы ошибочно преувеличивать ее значение как метода исследования международных отношений, а тем более — как практического метода для выработки стратегии и тактики поведения на мировой арене. Как мы уже видели, решения, принимаемые в сфере международных отношений далеко не всегда носят рациональный характер. Кроме того, например, «Дилемма заключенных» не учитывает, что в сфере международных отношений существуют взаимные обязательства и соглашения, а также имеется возможность коммуникации между участниками — даже в период самых напряженных конфликтов.

Анализ процесса принятия решений часто используется для прогнозирования возможной эволюции той или иной конкретной международной ситуации, например, межгосударственного конфликта. При этом принимаются в расчет не только факторы, относящиеся «непосредственно» к ППР, но и потенциал (совокупность ресурсов), которым располагает лицо или инстанция, принимающая решение. Интересная методика в этом отношении, включающая элементы количественной формализации и

основанная на различных моделях ППР, предлагается в статье Ш.З. Султанова «Анализ принятия решений и концептуальная схема прогнозирования».

* * *

Заканчивая рассмотрение методов, используемых в науке о международных отношениях, суммируем основные выводы, касающиеся нашей дисциплины.

Во-первых, отсутствие «собственных» методов не лишает Международные отношения права на существование и не является основанием для пессимизма: не только социальные, но и многие «естественные науки» успешно развиваются, используя общие с другими науками, «междисциплинарные» методы и процедуры изучения своего объекта. Более того: междисциплинарность все заметнее становится одним из важных условий научного прогресса в любой отрасли знания. Подчеркнем еще раз и то, что каждая наука использует общетеоретические (свойственные всем наукам) и общенаучные (свойственные группе наук) методы познания.

Во-вторых, наиболее распространенными в Международных отношениях являются такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов, системный подход (системная теория и системный анализ), моделирование. Широкое применение находят в ней развивающиеся на базе общенаучных подходов прикладные междисциплинарные методы (контент-анализ, ивент-анализ и др.), а также частные методики сбора и первичной обработки данных. При этом все они модифицируются, с учетом объекта и целей исследования, и приобретают здесь новые специфические особенности, закрепляясь как «свои, собственные» методы данной дисциплины. Заметим попутно, что разница между рассмотренными выше методами носит достаточно относительный характер: одни и те же методы могут выступать и в качестве общенаучных подходов, и в качестве конкретных методик (например, наблюдение).

В-третьих, как и любая другая дисциплина, Международные отношения в своей целостности, как определенная совокупность теоретических знаний, выступает одновременно и методом познания своего объекта. Отсюда то внимание, которое уделено в данной работе основным понятиям этой дисциплины: каждое из них, отражая ту или иную сторону международных реалий, в эпистемологическом плане несет методологическую нагрузку, или, иначе говоря, выполняет роль ориентира дальнейшего изучения

его содержания — причем не только с точки зрения углубления и расширения знаний, но и с точки зрения их конкретизации применительно к потребностям практики.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что наилучший результат достигается при комплексном использовании различных методов и техник исследования. Только в таком случае исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей в цепи разрозненных фактов, ситуаций и событий — т.е. своего рода закономерностей (а, соответственно, и девиант) международных отношений. Рассмотрению этой проблемы и посвящена следующая глава.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Braud Ph.* La science politique. — Paris, 1992, p. 3.
2. *Хрусталева М.А.* Системное моделирование международных отношений. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. — М., 1992, с. 8, 9.
3. *Цыганков А.П.* Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия. Сборник статей. — М., 1992, с. 171.
4. *Лебедева М.М., Тюлин И.Г.* Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспективы // Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладных исследований). Сборник научных трудов. Под ред. доктора политических наук И.Г. Тюлина. - М., 1991, с. 99-100.
5. См. об этом: *Frei D., Ruloff D.* Les risques politiques internationaux. — Paris, 1988, p. 20-27.
6. *Кужулка Е.* Проблемы теории международных отношений (пер. с польского). — М., 1980, 57—58.
7. Подробнее об этом см.: *Баталов Э.А.* Что такое прикладная политология? // Конфликты и консенсус. 1991. № 1.
8. *Rassett B., Starr H.* World Politics. Menu for Choice. — San-Francisco, 1981, p.46.
9. *Ferro M.* Penser la Premiere Guerre Mondiale. // Penser le XX-e siecle. — Bruxelles, 1990.
10. *Lasswell H. & Leites N.* The Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. — N.Y., 1949.
11. Аналитические методы в исследовании международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. *Тюлина И.Г.; Колсемьякова А.С., Хрусталева М.А.* — М., 1982, с. 86—94.
12. *Korany B. et coll.* Analyse des relations Internationales. Approches, concepts et donnees. — Montreal. 1987, p. 263—265.
13. *Braillard Ph.* Philosophie et relations internationales. — Paris, 1965, p. 17.

14. В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений. Сборник научных трудов. Под ред. *Ашина Т.К., Тюлина И.Г.* — М., 1982, с. 100.
15. *Агон К.* *Paix et Oeuvre en Inde* // *Paix et Oeuvre*, P., 1984, p. 103.
16. См., например: *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976.
- Система, структура и процесс развития международных отношений / Отв. ред. *В.И. Ганнман.* — М., 1984.
17. См., например: *Антохична-Московченко В.И., Злобин А.А., Хруста-лев М.А.* Основы теории международных отношений. — М., 1988, с. 68.
18. *Возе К.* *Socialisme (le la paix.* — Рапа, 1965, p. 47—48.
19. *ВгаШаз<1 РН., Д/аИН М.-К.* *Бех гелаиоп5 тлетайопале&.* — Рапа, 1988, p. 65-71.
20. *Бенагленз Р.сле.* *Ба роШчие тлетайопале.* Рап, 1992, p. 44—47.
21. *Каророг1 А.* *М-Регаоп Оате Тбеопе.* *СопсерК аий Арпл1са1юп5.* ип. оГ МьюБвап Ргекк, 1970.
22. *8сНеШп^ Т.* *Тбе 5и-але8у оГ Сопшс1.* — ОхГой, 1971.
23. *Ветентс ^.-Р.* *Е8ди188е (ле ргоблѐта^ие роиг ипе &осю1о81е йе8 гела<.юп5 тлетайопале8.* — ОгѐпоБле. 1977, 29—33.
24. *НоУтан 8.* *Тбѐопе е1 гелаиоп8 шлетайопале8 // КР5Р, 1961. Уо1. XI.*
25. *Мег1е М.* *Ил& асгеиге Дала 1е8 гела1юп8 тлетайопале8.* Рапе, 1986. 26
- 01газ(1 М.* *ТигБигепсе Дат 1а Цгѐопе роЦ^ие шлетайопале ои ^ате5 Коаепай туп1еиг // КР5Р. Уо1. 42, № 4, аои1 1992, p. 642.*

Глава IV

ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Любая наука направлена на поиск существенных, повторяющихся, необходимых связей исследуемого ею объекта, или, иначе говоря, на поиск законов его функционирования и развития. Только на этой основе она может выполнить свое главное предназначение: объяснение наблюдаемого в существующих фактах, явлениях, событиях и процессах и предсказание их возможной эволюции. Но если в естественных и технических науках точность подобного предсказания бывает достаточно высокой, и чаще всего их «вечные истины» не могут быть подвергнуты сомнению (например, при условии соответствующего атмосферного давления и определенного химического состава воды, ее нагревание до ста градусов по Цельсию приводит к кипению), то иначе обстоит дело в социальных науках.

Социальные науки имеют дело с такой специфической областью, как общественные отношения, субъектами которых являются люди с неповторимостью их черт характера, уникальностью индивидуальных судеб; руководствующиеся волей, страстями, убеждениями, верованиями, ценностями, идеологиями, личными привязанностями и т.д. Поэтому сама проблема законов здесь выглядит иначе. Конечно, абстрактно рассуждая, можно представить себе такую ситуацию, при которой возможно сколь-либо точное повторение того или иного общественного факта или события. Однако на деле это потребовало бы соблюдения такого количества условий, которое практически не может быть соблюдено. Отсюда фактическое отсутствие устойчивых, «вечных», «неопровержимых» законов и, соответственно, наличие значительных трудностей в попытках предсказания путей эволюции того или иного общественного явления или процесса. Как известно, сама проблема законов является в социальных науках дискуси-

онной, широко распространенным является скептицизм относительно их существования.

К сказанному следует добавить еще одно обстоятельство, вызванное сменой парадигм в научной картине мира, и в частности, переходом от детерминистских объяснений в духе лапласовского понимания вселенной к постдетерминизму, связанному с новейшими открытиями в таких областях знания, как квантовая механика, молекулярная биология и, особенно, синергетика.

Все это влечет за собой ряд нетривиальных последствий и для науки о международных отношениях, прежде всего в том, что касается понимания характера действующих в этой сфере законов, их содержания и проявления. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. О характере законов в сфере международных отношений

Как мы уже знаем, проблема законов с позиций традиционного (ортодоксального) марксизма решается на основе общей методологии исторического материализма, в соответствии с которой содержание международных отношений определяется, с одной стороны, содержанием внутренней политики взаимодействующих на мировой арене государств (которая, в свою очередь, детерминирована их экономическим базисом), а с другой, — классовой борьбой между капитализмом и социализмом в общепланетарном масштабе. Отсюда формулировались такие «законы», как, например, «превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития»; «возрастание роли развивающихся государств и движения неприсоединения»; «усиление кризиса и агрессивности империализма»; «мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем» и т.п. В то же время, с точки зрения марксизма, законы международных отношений, как правило, носят характер закономерностей, — иначе говоря, необходимостей менее глубокого порядка, действующих лишь в приближении, в среднем, как равнодействующая многих пересекающихся законов. Это не означает, однако, что марксизм сомневается в существовании закономерной основы общественной, в том числе и международной жизни. Иной характер законов, проявляющих себя как закономерности, вовсе не ведет к отказу от детерминизма, как основы основ марксистского понимания истории.

Детерминизм во многом свойствен и такому направлению в науке о международных отношениях, как политический реализм,

склонный исходить в понимании и объяснении взаимодействия государств на мировой арене из вечных законов неизменной человеческой природы, познание которых дает возможность создания рациональной теории.

В соответствии с детерминистским пониманием, например, изолированные усилия того или иного человека не могут повлиять на общий ход общественного развития, т.е. действия отдельного индивида не имеют никакого значения для макросоциальных процессов. Развитие понимается как восходящий процесс движения от простого к сложному, от низшего к высшему, определяемый начальными причинами и не имеющий альтернатив. Тем самым картина мира предстает в виде вселенной, где господствуют строгие причинно-следственные связи, имеющие линейный характер. Следствие идентично, или, по меньшей мере, пропорционально причине. Поэтому, в принципе, история может быть объяснена и предсказана: настоящее предопределено прошлым, будущее — прошлым и настоящим.

Однако в последние годы, как уже отмечалось выше, детерминизм, с позиций которого случайность, по сути, изгонялась из научных теорий, был серьезно потеснен в самих своих основаниях. Появились новые фундаментальные исследования, следствием которых стали радикальные трансформации в научной картине мира, в методологических основах науки, в самом стиле научного мышления. Появление и развитие синергетики — науки о возникновении порядка из хаоса, о самоорганизации — позволило увидеть мир с другой стороны. Илья Пригожий показал, что в точках бифуркации детерминистские описания в принципе невозможны. Так, например, если в летящий снаряд попадает другой снаряд и происходит раздвоение (бифуркация) первого, то объяснить, как будут вести себя его части, в каком направлении они полетят — в принципе невозможно. Не потому, что наука еще не знает этого, а потому, что это непредсказуемо, когда мы имеем точки бифуркации. Только впоследствии, когда утвердится новая траектория полета указанных частей, станут возможными описания на основе известных законов, но не в этих точках. Таким образом, в науке появляется новое понимание, в соответствии с которым существует, как правило, множество альтернативных путей развития, в том числе и для человеческой истории, которая тем самым как бы лишается предопределенности. Постепенно утверждается и новое понимание истории как стохастического процесса — непредсказуемого, непредугаданного, непредопределенного (1).

Новая картина мира начинает проникать и в науку о международных отношениях, где, учитывая специфику ее объекта, скеп-

тицизм относительно существования законов его функционирования и развития получил особенно широкое распространение:

большинство исследователей стремятся избегать употребления самого понятия «закон», предпочитая оперировать такими менее обязывающими терминами, как «закономерности», «тенденции», «правила» и т.п. Так, например, Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что даже в том случае, если бы теоретические исследования в науке о международных отношениях были развиты гораздо лучше, чем в настоящее время, все равно, скорее всего, ученые пришли бы не к формулированию законов, а к утверждениям по вероятности: «В самом лучшем случае ученый-социолог может оценить не более, чем вероятность, что за данным специфическим событием (угрозой, обещанием или уступкой) последует желаемый результат» (2).

Известный французский социолог Р. Арон, в свою очередь, полагал, что сама природа международных отношений, особенностью которых является отсутствие монополии на насилие и «плюрализм суверенитетов», диктует необходимость принятия тех или иных политических действий «до того, как собраны все необходимые знания и обретена уверенность». Поэтому всякая деятельность в этой сфере основана не столько на знании закономерностей (которые, как он считал, все же существуют), сколько на вероятностях, связанных с непредсказуемостью человеческих решений. Здесь можно только строить предположения о том, какое поведение считать рациональным. А это означает, подчеркивал Р. Арон, что «социология, приложенная к международным отношениям, имеет, так сказать, свои границы» (3).

С точки зрения одного из последователей Р. Арона, Ж. Ун-цингера, изучение любого явления или процесса международной жизни предполагает его анализ с позиций и истории, и социологии, и теории. Только с учетом этого можно надеяться на выведение и исследование законов международных отношений. И все же, подчеркивал он, окончательное объяснение международной ситуации или какая-либо уверенность в полном понимании причин происходящего в этой сфере невозможны. Так, например, вооруженный конфликт можно объяснять на основе теории империализма, руководствуясь утверждениями об агрессивном характере данного государства, традиционной враждой соответствующих народов, темпераментом государственных деятелей, наконец, сочетанием всех указанных факторов. Каждый из этих подходов может содержать элемент истины, но ни один из них, и даже все они вместе взятые не могут претендовать на окончательно верное объяснение. Поэтому «понятие, которое лучше всего

отражает реальность международных отношений, — это понятие относительности» (4).

Приведем мнение еще одного известного ученого — французского историка Ж.-Б. Дюрозеля. Соглашаясь с утверждениями о том, что в общественных науках законы не обладают той степенью строгости, которая характерна для наук о природе, и потому они не дают полного удовлетворения, он подчеркивает, что такое положение вещей объясняется самой сущностью отражаемых ими реалий. При этом, поскольку речь идет о сфере вероятностного знания, в котором господствуют исключения, и которое поэтому неотделимо от интуиции, здесь гораздо больше подходит термин «закономерность». Закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, более того — освобожденных от всех признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению. Когда же мы имеем дело с событиями, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, поэтому каждое является единичным, уникальным. Здесь, фактически, не существуют идентичности и измеримость. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так, существуют типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия. «Закономерность — это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы не зависят от особенностей той или иной эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе *homo sapiens*» (5). Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости или подобия типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «рецепты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», то есть «одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир» — данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима.

Наконец, существует уровень отдельного действия в данный момент и в данных обстоятельствах. Люди должны действовать. Но для того, чтобы эти действия были как можно более разумными, одних закономерностей и временных правил недостаточно. Поэтому, за отсутствием научных знаний, они опираются на принципы нормативного характера, которые могут быть названы «рецептами».

Можно было бы продолжить рассмотрение взглядов различных ученых, относящихся к полемизирующим друг с другом теоретическим направлениям и школам. Но и приведенных приме-

ров достаточно для того, чтобы сделать некоторые предварительные выводы.

Они показывают, что, несмотря на широко распространенный скептицизм относительно существования законов в сфере международных отношений, объясняемый спецификой этой сферы социального взаимодействия, на имеющиеся разногласия в понимании их значения для объяснения и прогнозирования наблюдаемых здесь событий и процессов, на дискуссии, касающиеся форм, характера проявления и степени «устойчивости» закономерностей, между исследователями есть согласие в ряде аспектов, существенно важных в контексте рассматриваемой проблемы. Во-первых, сфера международных отношений представляет собой своего рода стохастическую вселенную, картину причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер, поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности непродуктивны.

Во-вторых, социологический подход, направленный на сравнение международных событий и процессов, на выявление между ними подобия и различий, на построение определенной типологии, обнаруживает, что, при всей специфике происходящего в сфере международных отношений, в ней могут быть обнаружены и некоторые «повторяемости», например, с точки зрения видов взаимодействия, степени их интенсивности, характера возможных вариантов последствий и т.п.

Наконец, в-третьих, подобные «повторяемости», которые могут быть названы закономерностями и которые, с учетом сказанного выше, могут иметь лишь достаточно относительный характер, непосредственно в сфере международных отношений весьма немногочисленны. К их рассмотрению мы и переходим.

2. Содержание закономерностей международных отношений

Одной из иллюстраций немногочисленности закономерностей, имеющих непосредственное отношение к сфере международных взаимодействий может служить их перечень, приводимый Ж.-Б. Дюрозелем. Приведем их полностью (см.: 5, р. 309—320).

1. Любое общество и, следовательно, любая политическая единица стремятся к технической эффективности.

2. Любое техническое усовершенствование подчиняется постоянной и всеобщей закономерности распространения.

3. Главным тормозом распространения техники является существование в обществе целостной системы ценностей.

4. Необходимо уметь обнаруживать закономерность конверсии, т.е. условия, при которых социальные общности переходят от одной системы ценностей к другой. Дело в том, что, будучи широко распространенным феноменом в индивидуальном плане, конверсия является исключительно редкой, когда речь идет об общностях, наделенных религией или идеологией. Она осуществляется только при следующих условиях: а) существующая идеология находится в процессе полного разложения; б) идущая ей на смену идеология является мощной и привлекательной; в) процесс конверсии сопровождается осуществляемым в течение длительного времени насильственным разрушением старой идеологии; г) конверсия начинается с периферических зон, находящихся в стороне от центра наиболее интенсивной веры.

5. Структурная стабильность общности вызывает у части ее членов ощущение «невыносимости», т.е. состояния, при котором многие индивиды готовы рисковать своей жизнью во имя изменений. Так, например, Англия сумела избежать революции между 1830—1835 гг. только потому, что ее правители проводили политику широких реформ. Напротив, французский режим эпохи Реставрации вместо трансформации своих институтов пытался укрепить их, что шло вразрез со стремлениями большинства граждан.

6. Существует постоянный конфликт между эффективностью и человеческим достоинством.

7. Способы человеческих объединений менее стабильны, чем системы ценностей (религиозные или идеологические), и в то же время менее открыты для изменений, чем техника.

8. Причины войн объясняются существованием замкнутых систем стабильных ценностей; разницей военных потенциалов; регулярностью, с которой в истории человеческих общностей возникает ситуация «невыносимости».

Как видим, из приведенного перечня закономерностей лишь одна («закономерность войны») непосредственно касается сферы международных отношений, тогда как все другие носят гораздо более широкий характер, затрагивая социальную сферу человеческих отношений в целом. Разумеется, в этом своем качестве они не могут не влиять на международные отношения, более того, влияние некоторых из них (особенно второй, третьей и четвертой), как убедительно показывает автор, является настолько ощутимым, что без их анализа и учета трудно понять многие международные события и процессы. И все же речь идет об общесоциологических закономерностях, действующих в области как между-

народных, так и внутриобщественных отношений. Иное дело — «временные правила».

Сравнивая характер международных отношений, свойственных периоду, продолжавшемуся с XVI века до 1914 года с современными международными реальностями (с 1945 года и до наших дней), Ж.-Б. Дюрозель отмечает, что для современности характерно отсутствие коалиций, направленных против гегемонии одного или нескольких великих держав (т.е. «подобия европейского концерта наций»); уже не существует ни одной собственно европейской великой державы; на мировой сцене появляется новая, разрозненная, но вполне реальная международная сила — мировое общественное мнение; происходят радикальные изменения в военной стратегии и т.п. Речь идет, таким образом, непосредственно о сфере международных (межгосударственных) отношений, однако указанные «временные правила» являются, скорее, хорошо систематизированными наблюдениями, представляющими собой исходный эмпирический материал, нуждающийся в дальнейшем изучении и обобщении.

Если же попытаться провести более широкий анализ научной литературы, посвященной Международным отношениям, то можно убедиться, что значительная ее часть посвящена, в основном, анализу проблем, связанных с войной или ее предотвращением. Этот подход характерен и для Р. Арона (напомним, что его главный труд, посвященный исследованию международных отношений, назван «Мир и война между нациями»), который одним из первых предпринял попытку создания социологии международных отношений. Поэтому закономерности, о которых идет речь в данной литературе, касаются прежде всего именно этих проблем и не выходят за рамки межгосударственных отношений.

Обобщая в этой связи различные точки зрения, позиции различных теоретических школ, можно выделить следующие закономерности.

Во-первых, главным действующим лицом международных отношений (с точки зрения некоторых авторов, практически единственным, или, в крайнем случае, единоличным) является государство, а формами его международной деятельности — дипломатия и стратегия.

Во-вторых, государственная политика существует в двух разновидностях: внутренней и внешней (международной), между которыми имеется как взаимосвязь, так и существенные различия, в силу которых международная политика государства обладает хотя и относительной, но в то же время весьма значительной автономией.

Во-третьих, основа основ всех международных действий государства коренится в национальном интересе, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет. Поэтому международные отношения — это сфера столкновений, конфликтов и примирений национальных интересов различных государств.

В-четвертых, потребность в защите и продвижении национального интереса вызывает необходимость обладания как можно более мощным военным потенциалом, который, в свою очередь, зависит от природных, экономических и иных ресурсов государства. Поэтому международные отношения — это силовое взаимодействие государств, — баланс сил, — в котором преимущества, с точки зрения национальных интересов, имеют наиболее мощные державы.

В-пятых, в зависимости от распределения мощи между наиболее крупными, с точки зрения военного потенциала, государствами — так называемыми великими державами — баланс сил может принимать различные формы или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т.д.

Таковы наиболее общие закономерности, сформулированные в рамках государственно-центричной парадигмы международных отношений. Они дополняются, развиваются и конкретизируются в целом ряде других, гораздо более многочисленных, обобщений менее широкого характера, касающихся, например, особенностей национального интереса, применения силы, типов полярности и т.д. Таковы, например, выдвинутые Г. Моргентау «шесть принципов политического реализма», которые представляют собой, по сути, конкретизацию его понимания национального интереса и одновременно представление о путях его реализации во внешней политике государства. Р. Арон предлагал свое понимание относительно значения силы и слабости государства для международной стабильности (например: «излишек слабости не менее опасен для мира, чем излишек силы»). Б. Рассет и Х. Старр, используя метод аналогии, выдвинули ряд гипотез, практическая под-тверждаемость которых придает им более широкое значение (например: чаще убивают соотечественников, чем иностранцев, знакомых и родственников, чем неизвестных; поэтому мало вероятно, что отдаленные друг от друга государства, слабо связанные между собой, — такие, как, скажем, Боливия и Бирма — будут воевать друг с другом). Подобные примеры, содержащие интересные и, чаще всего, весьма полезные обобщения, можно было бы продолжать. Однако они вряд ли могут претендовать на то, чтобы называться закономерностями между-народных отно-

шений, ибо для них характерен слишком значительный налет субъективности и, кроме того, диапазон их действия слишком ограничен.

Впрочем, ограниченность свойственна и вышеуказанным закономерностям. При всей своей значимости эти закономерности, во-первых, относятся, главным образом, к межгосударственным взаимодействиям, которые представляют собой лишь часть международных отношений. А, во-вторых, в последние годы роль этих взаимодействий, степень их влияния на характер и эволюцию международных отношений подвергаются все более настойчивым и аргументированным сомнениям — и прежде всего именно с позиций социологического подхода.

Собственно, подобные сомнения имплицитно содержались и в сформулированных в рамках ортодоксального марксизма закономерностях об усилении значения международных отношений в общественной жизни и о возрастании влияния на их развитие народных масс. Под идеологической оболочкой (которая, конечно, не могла не сдерживать их конкретизацию и развитие) в них просматривается получившая сегодня широкое распространение мысль об эволюции международных отношений, ломающей парадигму их традиционного понимания. Данное замечание не означает, однако, приоритета марксизма в осмыслении новых тенденций. Напротив, это осмысление возникло независимо от марксизма и имеет уже относительно давнюю традицию, восходящую к трудам, созданным в 50—60-е годы такими представителями либеральной мысли как Ж. Вернан, С. Хоффманн, Д. Розенау, Е. Лорд, М. Боек и др. Высказанные ими идеи о международном обществе, о несводимости международных отношений к межправительственным взаимодействиям, о неподконтрольности государствам некоторых типов международных общений, способных оказывать существенное влияние на облик мировой политики и т.п., получили новый импульс в научной литературе в свете наблюдающегося сегодня кризиса государственности, выхода на мировую арену новых действующих лиц и т.д.

Так, в работе известных французских исследователей Б. Бади и М.-К. Смуц «Мир на переломе. Социология международной сцены» показано, что современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что поставлено на карту (6).

Мир находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Структура межгосударственных отношений, долгое время

служившая самым верным посредником во взаимодействиях между индивидом и международной ареной, в настоящее время деформируется и все меньше отвечает этому предназначению. Традиционная дипломатия слабо улавливает новые тенденции долговременной динамики социальных трансформаций со все более многообразными параметрами: например, такие, как увеличение миграционных потоков, трансграничное движение людей, капиталов и идей, деградация окружающей среды, распространение наиболее «эффективных» видов оружия. Политика уже не вырабатывается централизованно, в каком-то одном месте, а оказывается все более и более расколотой между многочисленными центрами, взаимная координация которых выглядит все более затруднительной.

Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения.

Происходящие изменения делают проблематичным любой прогноз относительно содержания и формы будущих политических единиц, их взаимного расположения («конфигурации») на мировой арене. Вместе с этим уменьшается (но не исчезает) и значение вышеуказанных закономерностей, их уровень общности, ограничивается сфера их действия.

Это обусловлено тем, что сегодня, как подчеркивает Д. Розенау (7), возникают контуры новой «постмеждународной политики» — глобальной системы, в которой контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. Наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий, на наших глазах рождается новый — «второй, полицентричный, мир» международных отношений, характеризующийся хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, которые соединяли индивидов. При этом базовые структуры «постмеждународных отношений» обнаруживают настоящую бифуркацию между соревновательными логиками этатистского и полицентрического мира, которые взаимно влияют друг на друга и никак не могут найти подлинного примирения, «Частная группа — Совет по защите природных ресурсов — ведет переговоры с правительствами сверхдержав относительно мониторинга соглашений о запрещении ядерных испытаний; представители англиканской церкви выступают посредниками между террористами и прави-

тельствами на Ближнем Востоке; несколько организаций принимают решения, вкладывать или не вкладывать средства в экономику ЮАР, дабы изменить социальную политику местного правительства; Международный валютный фонд инструктирует национальные правительства, как им решать экономические вопросы; глава никарагуанского государства ведет кампанию в поддержку самого себя на улицах Нью-Йорка; < ... > поляки, живущие в США, принимают участие в национальных выборах 1989 г., и в одном из районов Варшавы их голоса становятся решающими;

опубликованный в Англии роман становится причиной отставки посла в Иране и одного убийства в Бельгии; отравленные в Чили фрукты дестабилизируют мировые рынки, провоцируют действия нескольких правительств, рабочие волнения в доках Филадельфии и политический кризис в самой Чили — таковы лишь отдельные примеры из великого множества событий, иллюстрирующих становление нового глобального порядка», — пишет Д. Розенау (8).

Ощущение глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет, в которых рассматриваются проблемы наблюдающихся в этой сфере новых явлений и процессов. Приведем еще два примера в данном отношении.

Так, французский исследователь Ф. Моро Дефарг подчеркивает, что XX век завершается под знаком глубокого переворота в характере международных отношений, являющегося не столько результатом деятельности государственных политиков, сколько совершенно других процессов. Религии, культуры, многообразные виды обменов между общностями эволюционируют по своей собственной логике и постоянно «нарушают государственные границы». Эта логика не считается с политико-юридическими барьерами, которые она без конца опрокидывает или обходит. В сороковые и пятидесятые годы в «конфликте века» противостояли друг другу коммунистический Восток и плюралистический Запад; в семидесятые годы он переместился в сферу противоречий между богатым Севером и бедным Югом. «Куда он перемещается накануне 2000 года? В сферу борьбы между предприятиями, между государствами за обладание и контроль над технологическими инновациями? В сферу антагонизмов между всем тем, что символизирует современность — от джинсов до компьютера — и всем тем, что воплощает идентичность, будь то национальная, религиозная или социальная идентичность? В разрушение прежних порядков под ударами требований свободы?» (9). Ответы на все эти

вопросы далеко не очевидны. Хотя вполне очевидно то, что они вызваны теми глубокими трансформациями, которые переживает современный мир, и возникающими в этой связи ощущениями тревоги перед лицом нарушения стабильного порядка вещей.

В этой связи бельгийский ученый А. Самюэль считает, что человечество уже вступило в «новый международный мир», а скорость и глубина наблюдаемых изменений имеют, по меньшей мере, два последствия.

Во-первых, произошел переход от биполярного мира к комплексному. Нет уже двух сверхдержав; в юго-восточной Азии бурно развиваются новые динамичные государства; в других странах происходит демографический взрыв; нации освобождаются; «спутники» уходят с орбит своих сюзеренов; действия малых государств приносят серьезные беспокойства великим державам. Наряду с упадком влияния больших идеологий, появляются новые силы — экономического, финансового, а также духовного характера. «Бог не умер». Во всяком случае религиозность не только возвращается, но и претендует определять национальные и международные политические процессы. Одновременно от Мехико до Москвы происходит «восстание гражданского общества», которое опрокидывает однопартийность и склеротическую политику. Наконец, интеллектуалы, религиозные деятели становятся не только звездами, но и международными лидерами, скромная, но настойчивая деятельность которых изменяет ход вещей.

Во-вторых, этот переходный мир стал непредсказуемым. Мы уже привыкли к разделу мира на два блока, который казался или пропагандировался как незыблемый. Но вот непредвиденное уже произошло. Коммунистическая идеология и коммунистическое движение уже совсем не те, что были еще недавно. Единственная партия — авангард уступает место многопартийности. Вопросы, которые были отложены в долгий ящик истории — такие, как, например, воссоединение Германии, — решаются неожиданно быстро. И никто не может предсказать, что еще произойдет завтра. Вместе с тем уже сегодня ясно, что вопросы международной безопасности больше не могут решаться и даже не встают в терминах равновесия военных сил (10).

Итак, новизна ситуации в международных отношениях может быть резюмирована, с учетом рассматриваемой проблемы, в том, что наблюдающиеся сегодня общепланетарные трансформации выходят за рамки рассмотренных выше закономерностей межгосударственных взаимодействий и, не отменяя их значения, лишают их «претензии» на всеобщность во влиянии на человеческие судьбы, на судьбы мира в целом. В этой связи возникает

имеющий принципиальное значение вопрос: правомерно ли вообще говорить сегодня о каких-либо действующих в этой сфере закономерностях универсального характера? Думается, что не смотря на всю глубину и значимость происходящих изменений, на него может быть дан утвердительный ответ.

3. Универсальные закономерности Международных отношений

Универсальные, или наиболее общие закономерности, в отличие от закономерностей меньшей степени общности, должны отвечать критериям пространственно-временного и структурно-функционального характера. Это значит, что, во-первых, их действие должно касаться не только тех или иных регионов (скажем, наиболее развитых в социально-экономическом отношении — например, Западной Европы, Северной Америки и т.п.), а мира в целом. Во-вторых, они должны наблюдаться и в исторической ретроспективе, и в переживаемый период, а также не исключаться в будущем. В-третьих, они должны охватывать не тех или иных — пусть даже самых значимых сегодня и/или самых «перспективных», с точки зрения обозримого будущего, — а всех участников международных отношений, как и все сферы общественных отношений: экономику, социальную жизнь, идеологию, политику, культуру, религию, хотя проявление таких закономерностей в различных сферах может быть (и чаще всего является) отнюдь не «симметричным».

С учетом сказанного могут быть выделены две основных закономерности, две ведущие тенденции в эволюции взаимодействия социальных общностей на мировой арене. К ним относятся глобализация и фрагментация международных отношений, становление единого, целостного мира и все новые формы его раскола. В определенном смысле можно сказать, что они являются диалектически противоположными сторонами одной и той же внутренне противоречивой тенденции — роста взаимозависимости современного мира — и ее проявлений в сфере международных отношений.

Указанные закономерности проявляются, с одной стороны, в интернационализации экономической, социальной, политической и всей общественной жизни, а с другой, — в создании и укреплении суверенных государств, развитии национальных общностей и национальных движений, стремящихся к реализации своих интересов вне национально-государственных границ (11). Вместе с тем их содержание гораздо шире, поскольку они актив-

но вторгаются в частную жизнь, изменения характера которой, с точки зрения ее «выхода» в сферу международных отношений, является, по-видимому, одной из наиболее отличительных черт происходящих глобальных изменений. Поэтому их действие касается не только социальных общностей и политических движений, но и конкретных личностей, расширения поля взаимного (и весьма существенного) влияния индивида и международных отношений.

Действие основных закономерностей наблюдается уже в период образования и крушения древних империй, зарождения и распространения мировых религий, формирования национальной государственности в Европе и распространения этого процесса на другие регионы мира, распада государственных империй на самостоятельные политические единицы в преддверии XX века (Австро-Венгрия, Османская империя и т.п.), бурного процесса институализации международных отношений в нашем столетии и т.д. Одновременно шел процесс расширения обменов между различными общностями, государствами и частными участниками международных отношений (коммерсантами, религиозными организациями, деятелями искусства и культуры), ускоряющийся по мере научно-технического развития.

Новые импульсы указанные процессы получают в точках научно-технических революций, в особенности таких, как промышленная революция на рубеже XVIII—XIX веков, НТР, ведущая свое начало с пятидесятих годов нашего столетия, и ее современный этап, характеризующийся бурным развитием микроэлектронных технологий. В результате осуществляющегося сегодня в масштабах планеты перехода от индустриального (а в ряде регионов — от доиндустриального) общества к постиндустриальному («программируемому», по терминологии А. Турена) происходят коренные изменения в средствах связи и транспорта, в информационных технологиях и коммуникациях, в формах социальной организации и механизмах управления, в экономических и политических структурах и видах вооружений. Все это не может не оказывать влияния на проявление основных закономерностей международных отношений.

Среди наиболее очевидных проявлений основных закономерностей международных отношений следует выделить феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции, наблюдаемые сегодня практически во всех регионах мира. При этом, несмотря на нередко встречающиеся эйфорию по поводу первой и ламетации по поводу второй, и та, и другая являются объективными процессами, отражающими «би-

фуркационность» современного состояния мировой цивилизации, стохастический, непредопределенный характер ее развития.

Так, подкрепляемые экономической, технологической, экологической взаимозависимостью, процессы интеграции¹ испытывают и разрушающее их давление со стороны тенденции к возрастанию национальной и культурной самобытности, возврата к истокам, даже поиска социализации в идеалах архаических отношений и реакционных идейно-политических течений.

Представители социологии международных отношений с полным основанием привлекают внимание к тому обстоятельству, что формирование целостного мира сопровождается не только интеграционными процессами, но и создает условия для исключения, отбрасывая на периферию всех, не способных включиться в сети международной взаимосвязи и оказывать влияние на ее направленность (см.: 6, р. 204—213). Указанное исключение имеет сложный характер и отличается многообразием форм, его механизмы действуют как внутри того или иного общества, так и на мировой арене. В слаборазвитых странах оно отражает углубляющийся разрыв между сельским и городским населением, между новой буржуазией и широкими слоями люмпен-пролетариата. В развитых странах оно ускоряет формирование так называемого «четвертого мира», состоящего из иммигрантов и «новых бедных». Поэтому среди последствий усиления целостности мира немалое место занимают процессы депривации, возрастающей зависимости, клиентизации, распространения насилия и т.п. Развитие новейших средств коммуникации, спутниковой связи, видеотехники и т.п. способствует широкому распространению (в известном смысле универсализации) западных идеалов качества жизни, стандартов потребления, индивидуальных ценностей, демократических норм и т.п. В свою очередь, это ведет к возрастанию миграционных потоков в направлении более развитых стран, которые нередко поощряются руководством слаборазвитых государств, как определенное средство хотя бы частичного решения проблем занятости и «валютного голода». Массовая иммиграция ведет к дестабилизации социальных и политических отношений как в принимающих, так и в покидаемых иммигрантами странах, а нередко — и к обострению отношений между ними. Одновременно растет разрыв в уровнях развития между богатыми и бедными странами, с одной стороны, а с другой — внутри «третьего мира», мира бедных стран.

¹ Более подробно эта проблема рассматривается в главе XI.

Окраины разрастающихся мегаполисов «третьего мира» все более заметно превращаются в средоточие растущей нестабильности, благоприятную среду кристаллизации радикальных религиозных и популистских движений (исламского фундаментализма — в арабских странах, радикального индуизма — в Индии, ани-мистского мессианизма — в Тропической Африке и т.п.). Указанные движения чаще всего принимают явно выраженный антизападный характер, порождая такой, неизвестный ранее феномен, как «дикая дипломатия», которая все более ощутимо затрудняет деятельность официальной дипломатии (см.: там же, р. 210).

В свете описанных процессов не столь уж неожиданными выглядят утверждения, согласно которым «время интеграции прошло, в мире начались дезинтеграционные процессы» (12).

Действительно, дезинтеграция характерна не только для бывшего СССР или происходящего под влиянием его кризиса и распада мирного раздела Чехословакии и кровавого — Югославии. Еще раньше тенденции к «суверенизации» проявились и продолжают наблюдаться сегодня в таких странах, как Турция (курдская проблема), Франция (проблема Корсики), Англия (проблема Северной Ирландии), Испания (проблема баскского сепаратизма). Вылившиеся в погромы этнические волнения в Южной Калифорнии в мае 1992 г. также стали одним из выражений развития процессов обретения различными национальными и расовыми группами собственной идентичности (и, соответственно, противопоставления себя «другим»). Несмотря на решительные меры, предпринимаемые во всех описанных случаях правительствами соответствующих стран, включая применение военной силы, указанные процессы в лучшем случае «загоняются вглубь», адекватного же решения им до сих пор не найдено.

Было бы, однако, неверным абсолютизировать ту или другую из указанных закономерностей. Как показал опыт «перестройки» и «нового мышления», политика, которая делает ставку на одну из них, — указывая, например, на тенденцию к возрастающей целостности, взаимозависимости современного мира — при фактически полном игнорировании второй, противоположной ей тенденции, оборачивается тяжелыми ошибками и в конечном итоге поражением. Вот почему совершенно неуместными выглядят как возмущенное удивление по поводу развала СССР, процессов «суверенизации» субъектов Российской Федерации («Весь мир движется в направлении к интеграции, а мы пытаемся идти против течения»), так и попытки трактовать их в терминах «общественного прогресса» («Развал империи следует рассматривать как позитивное явление, как освобождение народов и реализацию ими

естественного права самостоятельно решать собственную судьбу»). Суждения подобного рода грешат упрощением ситуации, ее примитивизацией, а потому вместо прояснения проблемы, уводят в сторону, лишают возможности осмыслить всю ее сложность и полноту. Вот почему не менее серьезной ошибкой, чем игнорирование тенденции к дезинтеграции, была бы односторонняя ориентация только на нее при попытке осмысления современных международных реалий, а тем более — при выработке и проведении в жизнь политических решений. Так, уже сегодня видно, что процессы дезинтеграции бывшего СССР в ряде случаев достигли определенного «предела насыщения». Наблюдается взаимная заинтересованность различных стран СНГ к сотрудничеству, в том числе и в столь решительно отвергавшихся еще недавно институциональных формах. При этом следует подчеркнуть, что существенную роль в интеграционных процессах играют со-циокультурные факторы. Мы можем и должны объяснять необходимость интеграции потребностями экономического, экологического или любого иного характера. Но мы рискуем ничего не понять в происходящем, если упустим из виду, что, не будучи «освящены» культурой, совокупностью общих ценностей, которым привержены «рядовые» люди, их коллективной исторической памятью, общностью ряда традиций, обычаев, элементов образа жизни и т.п., указанные факторы не могли бы играть той роли, которую они, безусловно, играют в международно-политических процессах.

* * *

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наименее разработанных и дискуссионных в науке. Это объясняется прежде всего самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов, и где поэтому главными чертами закономерностей являются их относительный, вероятностный, стохастический, преходящий характеры. Как частные, так и наиболее общие, универсальные закономерности существуют здесь в виде тенденций, характер проявления которых зависит от множества условий и факторов. В то же время одно из глобальных направлений указанных тенденций, просматривающееся из глубины веков и ведущее к нарастанию взаимозависимости мира, дает основание представить международные отношения в виде целостной системы, функционирование которой зависит как от законов общесистемного характера, так и от особенностей данного типа систем. Рассмотрению этого вопроса и посвящена следующая глава.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным // Вопросы философии. 1992, № 12.
2. *Rassett B., Stair H.* World Politics. Menu for Choice. — San Francisco, 1981, p. 51.
3. *Aron R.*, Sociologie des relations internationales. // Revue française de sociologie. 1963, Vol. IV, No 3, p. 312; 321.
4. *Huntington J.* Introduction aux relations internationales. — Paris, 1987, p. 16.
5. *Duroselle J.-B.* Tout empire perira. Une vision théorique des relations internationales. — Paris, 1982.
6. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scène internationale. — Paris, 1992, p. 237—240.
7. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theorie of Change and Continuity. — Princeton, 1990.
8. *Розенау Дж.* Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности. Реферат. — М., 1992, с. 6—7.
9. *Moreau Defarges Ph.* Les relations internationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. — Paris, 1992, p. 9; 10—11.
10. *Samuel A.* Nouveau paysage international. — Paris, 1990, p. 247—250.
11. *Фельдман Д.М.* Закономерности и тенденции в развитии международных отношений // Введение в социологию международных отношений. Учебное пособие. - М., 1992, с. 67-68.
12. *Поздняков Э.А.* Россия сегодня и завтра. // Международная жизнь. 1993, № 2.

Глава V

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА

Принято считать, что системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины пятидесятих годов. Его широкое распространение совпало с проникновением в социальные дисциплины достижений научно-технической революции и, в частности, с использованием ЭВМ, что стало для него источником дополнительной привлекательности и породило надежды на придание исследованиям в этой области необходимой строгости, прочной теоретической обоснованности и эмпирической верифицируемости. «Идея систем, — писал, например, С. Хоффман, — несомненно дает наиболее плодотворную концептуальную основу. Она позволяет провести четкое различие между теорией международных отношений и теорией внешней политики, а также способствует успешному развитию как той, так и другой» (1).

В качестве основоположника системной теории западные исследователи чаще всего называют эмигрировавшего в США австрийского ученого Людвиг фон Берталанфи, работы которого в этой области получили широкое признание в научных кругах. Однако это не означает, что системный подход не существовал раньше. Стоит напомнить, например, что уже одна из глав знаменитой работы Т. Гоббса «Левиафан» была названа «О системах...». Основные понятия системного подхода широко использовались в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, ими часто оперировал В. И. Ленин. Специально проблемам системной теории была посвящена изданная в двадцатые годы двухтомная работа нашего соотечественника А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука (тектология)», в которой уже были проанализированы такие основополагающие понятия системного подхода, как «система», «элементы», «связи», «структура», «среда», «устойчивость»,

сформулированы идеи относительно системных противоречий, законов функционирования и трансформации сложных систем и многие другие положения, которые в последующие годы, особенно в период бурного развития системной теории в середине двадцатого века, нашли свое подтверждение и дальнейшее развитие. В применении к социально-политическим наукам системный подход получил в эти годы плодотворное развитие в работах американских ученых Т. Парсонса и Д. Истона. Особенно широкое распространение получили в политической социологии идеи, высказанные в книге Д. Истона «Системный анализ политической жизни» (2). Политическая система рассматривается в ней в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов», в соответствии с базовыми идеями кибернетики. На «входах» система получает импульсы извне, сигналы, ресурсы, встречается с вызовами, представляющими угрозу ее целостности. Д. Истон разделяет их на две категории:

«требования», связанные с безопасностью, индивидуальной свободой и равенством, участием, потребительскими благами и т.п., и «поддержки», позволяющие удовлетворять некоторые требования и регулировать вызываемые ими конфликты. Источником «требований» являются, с одной стороны, такие части ее внутри-социальной среды, как экологическая система, биологическая система, личностные системы и социальные системы. С другой стороны, такими источниками являются компоненты экstrasоциальной среды: международно-политические системы, международно-экологические системы и международные социальные системы. Все эти потоки, поступающие на «входах» из глобальной окружающей среды, перерабатываются внутри политической системы путем реагирования всех ее составных элементов, и вызывают, в конечном счете, совокупную ответную реакцию системы, при помощи которой она адаптируется к среде. На «выходах» такая реакция получает форму политических действий, правительственных актов и мероприятий и т.п. В свою очередь, эта обратная реакция системы является началом нового цикла ее взаимодействий со средой, способствует определенным изменениям в окружающей среде, продуцирующей затем новые «требования» и «поддержки».

Таким образом, одним из главных достоинств концепции Д. Истона является рассмотрение политической системы в динамике — как целостного организма, находящегося в постоянном взаимодействии с окружающей средой и непрерывно «сверяющего» свои «ответы» с состоянием и реакцией своих элементов.

Немаловажным является и то обстоятельство, что предложенный Д. Истоном системный анализ облегчает поиски и выявление правил функционирования политической системы, закономерностей ее отношений с другими системами, условий сохранения стабильности и т.п.

Тем не менее, не отрицая указанных достоинств анализа Д. Истона, специалисты в области международных отношений довольно сдержанно относятся к утверждениям о применимости его выводов к любому типу политических систем, считая, в частности, что они не подходят к изучению международных систем. Во-первых, потому, что они сделаны, фактически, на основе изучения специфического типа политической системы, а именно — американской политической системы, и слабо учитывают особенности других политических систем (3). Во-вторых, потому, что истоновское определение политики как «авторитарного распределения ценностей» (4) не принимает во внимание особенности международных систем и не позволяет рассматривать международные отношения как политические. Наконец, в-третьих, потому, что схема Истона не может быть применена к глобальной международной системе, ввиду особенностей ее окружающей среды (которые более подробно будут рассмотрены далее).

Изложим теперь кратко содержание основных понятий системной теории.

Исходным для нее является понятие «система», которое Л. фон Берталанфи определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом» (5).

«Элементы» — это простейшие составные части системы. Причем, «исследуя развитие сложных систем, как, например, общество, организм, научная и философская доктрина, космическое тело, необходимо постоянно иметь в виду внутренние процессы подбора их элементов, а если удастся разложить элементы дальше, на элементы второго порядка, то и этих в их еще более узкой среде, и т.д., насколько позволит достигнутый уровень приемов анализа» (6). В этом смысле каждый элемент системы может выступать как «подсистема», обладающая своей совокупностью элементов.

«Среда» есть то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует. Различают два вида среды: внешняя среда (окружение системы) и внутренняя среда (контекст).

Содержание понятия «структура» имеет несколько аспектов, отражающих различные степени сложности системы: а) соотношение элементов системы; б) способ организации элементов в систему; в) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы для ее элементов.

В свою очередь, «функции» системы — это ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами системы, то есть ее «устойчивости».

Именно системный подход стал одним из отличительных признаков проникновения социологии в сферу международных отношений, и тем самым — провозвестником новой научной дисциплины (7). Было замечено, что «социологические обобщения, касающиеся социальных систем, *mutatis mutandis* применимы также и к исследованию международных систем» (8).

И несмотря на то, что действительная роль системного подхода в успешном развитии науки о международных отношениях не совпала с ожидаемой (о чем будет более подробно сказано ниже), она все же является достаточно важной и поэтому заслуживает специального анализа. С этой целью в данной главе рассматриваются особенности и основные направления системного подхода в изучении международных отношений, а также типологии и структуры международных систем.

1. Особенности и основные направления системного подхода к анализу Международных отношений

Эти особенности естественно вытекают прежде всего из самой специфики анализируемого объекта, и поскольку она уже была подробно рассмотрена в первой главе, постольку ограничимся здесь лишь несколькими краткими замечаниями, касающимися общих и специфических особенностей международных отношений и, соответственно, международных систем.

К числу общих особенностей международных отношений относится то, что по своему характеру они являются социальными отношениями, из чего следует, что международные системы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Кроме того, социальные — в том числе и международные — системы принадлежат, как правило, к особому типу открытых и слабоорганизованных систем. Иными словами, здесь «далеко не всегда можно провести ясную и четкую границу между изучаемым комплексом и его внешней средой, как можно сделать, скажем, при определении границы между объектом и средой двух пространственно отграниченных друг от друга объектов» (9). В отличие от систем физического или биологического типа, пространственные границы международных систем носят,

чаще всего, условный характер. Впрочем, эту условность не следует абсолютизировать, представляя дело таким образом, что международные системы вообще «не даны в реальности, где существует только множество людей и множество отношений» (10), или же утверждая, что они «всегда конструируются наблюдателем» (11). Это верно лишь отчасти. Система ЕЭС или же ОАЕ, хотя они и отличаются друг от друга характером своих отношений со средой (первая является относительно автономной, т.е. отношения между ее элементами здесь играют более значительную роль, чем отношения со средой; вторая — проницаемой, т.к. взаимодействие с внешней средой для нее оказывается важнее отношений между элементами), не только существуют в реальности, а не в воображении исследователя, но и имеют некоторые, хотя и весьма относительные пространственные границы. Это, в известной степени, верно и для региональных международных систем. Конечно, подобное нельзя утверждать, скажем, о системе межгосударственного сотрудничества (например, экономического, политического и т.п.) или же о системе взаимодействия традиционных и новых международных акторов. Однако и в этом случае международные системы представляют собой не просто некие аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными общностями, взаимодействие которых проявляет определенные (пусть даже минимальные) черты системной организации. Это не означает, конечно, что подобного рода неформальные системы представляют собой четко различимую конкретную общность, наподобие какой-либо вещественной системы, например, биологического организма. Как пишет Ф. Брайар, имея в виду неформальные международные системы, они, «разумеется, должны как определенная целостность, проявляться и в феноменологическом плане, но только опосредованно», что и обнаруживается путем теоретического анализа (12).

Еще одна общая особенность международных отношений, которая оказывает влияние на системный подход к их изучению, связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями, группами и отдельными индивидами. Отсюда следует, что международные системы — это системы взаимодействия людей, руководствующихся в своих действиях волей, сознанием, ценностными ориентациями и т.п. В свою очередь, это означает, что, как подчеркивают С. Фридлендер и Р. Коэн, определяющие факторы международной системы связаны с такими феноменами, как выбор, мотивации, восприятие и т.п. (см.: там же, р. 106).

Третья общая особенность международных отношений, которая с необходимостью должна приниматься во внимание при

системном подходе к их изучению, заключается в том, что они являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых остаются взаимодействия между государствами. Поэтому, например, ядром глобальной международной системы является система межгосударственных отношений.

Что касается специфических особенностей международных отношений, то главная из них состоит в том, что, как уже было показано, они характеризуются отсутствием верховной власти и «плюрализмом суверенитетов». С этим связан свойственный международным системам низкий уровень внешней и внутренней централизации. Иначе говоря, международные системы — это социальные системы особого типа, отличающиеся слабой степенью интеграции элементов в целостности, а также значительной автономией этих элементов. Разумеется, степень такой автономии нельзя абсолютизировать: международные отношения характеризуются не только конфликтом интересов, но и взаимозависимостью акторов. А интегрированное общество (внутриобщественные отношения), в свою очередь, не избавлено от конфликтного измерения, которое при некоторых условиях может придать ему черты определенной анархии, свойственные международным отношениям (см.: там же, р. 109), в том числе и вполне реальную дезинтеграцию, в чем мы смогли убедиться на примере судьбы СССР.

Различия в понимании специфики международных отношений и, соответственно, особенностей международных систем влекут за собой разные подходы к их изучению. Существует несколько таких подходов: традиционно-исторический, историко-социологический, эвристический, смешанный и эмпирический. Подчеркнем, что их выделение носит условный и отнюдь не взаимоисключающий характер, отражая лишь приоритеты в позициях того или иного автора.

Так, в основе традиционно-исторического подхода лежит использование понятия «международная система» для обозначения дипломатических отношений между государствами в тот или иной исторический период, в том или ином регионе: например, европейской системы XVII века, основанной на принципах Вестфальского договора 1648 года; системы политического равновесия европейских государств («европейский концерт наций») XIX века; глобальной биполярной межгосударственной системы 1945—1990-х годов. Основной недостаток подобного «панорамного» подхода состоит в том, что он не нацеливает на поиск закономерностей функционирования международных (а вернее сказать, межгосударственных) систем, ограничиваясь, как правило, описанием взаимодействий между главными акторами — великими державами, тогда

Так, например, Р. Арон, являющийся одним из основателей историко-социологического подхода к изучению международных отношений, делает отправным пунктом своих размышлений о международных системах опыт истории, отклоняя любую попытку конструирования абстрактных моделей. Сравнивая отношения между греческими полисами, европейскими монархиями XVII века, государствами Европы XIX столетия и взаимодействие современных ему систем Востока и Запада, он искал в них повторяемость, которая позволила бы выделить некоторые общие закономерности, подтверждаемые уроками исторического прошлого и изучением настоящего. Понимая, что «анализ типичной международной системы не дает возможности предвидеть дипломатическое событие или диктовать правителям линию поведения, соответствующую типу системы» (14), Р. Арон считал, что системный подход позволяет выявить ту долю социального детерминизма, которая имеется в функционировании международных отношений, и потому рассматривал его как необходимый элемент их изучения.

В отличие от Р. Арона, американский исследователь М. Кап-лан далек от ссылок на историю, считая исторические данные слишком бедными для теоретических обобщений. Основываясь на общей теории систем и системном анализе, он конструирует абстрактные теоретические модели, призванные способствовать лучшему пониманию Международной реальности (15). Исходя из убежденности в том, что анализ возможных международных систем предполагает изучение обстоятельств и условий, в которых каждая из них может существовать или трансформироваться в систему другого типа, он задается вопросами — почему та или иная система развивается, как она функционирует, по каким причинам приходит в упадок? В этой связи М. Кап-лан выделяет пять переменных, свойственных каждой системе: основные правила системы; правила трансформации системы; правила классификации акторов; их способностей и информации. Главными из них являются первые три группы переменных. Так, «основные правила» описывают отношения между акторами, поведение которых зависит не столько от индивидуальной воли и особых целей каждого, сколько от характера системы, компонентом которой они являются. «Правила трансформации» выражают законы из-

132

как главное в системном подходе — именно в убежденности относительно существования закономерных связей между характером международных систем и поведением их основных элементов — международных акторов (13). Именно на подобной убежденности основаны другие из названных подходов.

менения систем. Так, известно, что общая теория систем делает акцент на гомеостатическом характере систем, т.е. на их способности адаптации к изменениям среды и тем самым — к самосохранению. При этом каждая система имеет свои правила адаптации и трансформации. Наконец, к «правилам классификации акторов» относятся их структурные характеристики, в частности существующая между ними иерархия, которая также оказывает влияние на поведение каждого актора.

Несмотря на абстрактный характер подхода М. Каплана к исследованию международных систем, за который его много критиковали, такой подход обладает и определенными достоинствами методологического характера, что позволило Ж. Унцингеру квалифицировать его как эвристический (см.: 13, р. 159).

Другой американский ученый, Р. Роузкранс, предпринял попытку синтеза историко-социологического и эвристического подходов. Основываясь на изучении конкретных исторических ситуаций, он выделяет девять последовательных международных систем, соответствующих следующим историческим периодам: 1740—1789, 1789-1814, 1814-1822, 1822-1848, 1848-1871, 1871-1888, 1888—1918, 1918—1945 и 1945—1960 гг. Затем он проводит системный анализ каждой из них с целью нахождения факторов, способствующих стабильности системы, или же, наоборот, влияющих на ее дестабилизацию (16). Подобный же подход использовал и Дж. Френкел, который сделал попытку проследить историческую эволюцию международных отношений, основываясь на их системных характеристиках и, в частности, на особенностях их структуры (17). Однако он не стал выделять последовательные международные системы, считая, что современное состояние системного анализа международных отношений не позволяют решить такую задачу вполне удовлетворительным образом. Рассматриваемому подходу был близок и английский ученый Е. Луард, много и плодотворно работавший в области социологии международных отношений. Он выделял семь исторических международных систем: древнекитайская система (771—721 гг. до н.э.), система древнегреческих государств (510—338 гг. до н.э.), эпоха европейских династий (1300—1559 гг.), эра религиозного господства (1559—1648 гг.), период возникновения и расцвета режима государственного суверенитета (1648—1789 гг.), эпоха национализма (1789—1914 гг.), эра господства идеологии (1914—1974 гг.). Выделив указанные исторические системы, Е. Луард анализирует их при помощи таких концептуальных орудий (переменных), как идеология, элиты, мотивации, используемые акторами средства, стратификация, структура, нормы, роли и институты. Опираясь

на указанные переменные, автор прослеживает соотносительное воздействие каждой из них на структуру и функционирование международных систем, на их изменение в пространстве и времени (18).

По мнению Б. Корани, описываемый комплексный подход имеет целый ряд преимуществ: он более конкретен и ясен по сравнению с подходом М. Каплана; он базируется на солидном эмпирическом материале, накопленном специалистами-историками, на достижениях политологии и других социальных дисциплин; наконец, он характеризуется удобством и простотой с точки зрения как проверки его выводов, так и использования в качестве самостоятельного метода изучения международных систем. Эти преимущества способствовали тому, что данный подход привлек внимание и специалистов чикагской школы во главе с М. Капланом, которые также стали использовать его в своих исследованиях (см.: 7, р. 67—68).

Наконец, существует и такой подход к системному изучению международных отношений, который может быть назван эмпирическим подходом, поскольку опирается на реально существующие в практике международных отношений взаимодействия в рамках определенных географических регионов (19). От традиционно-исторического подхода его отличает стремление объяснить особенности международно-политической ситуации в том или ином регионе планеты спецификой сложившихся здесь системных связей, раскрыть степень влияния, которую оказывают на поведение акторов такие факторы, как общерегиональное соотношение сил, социокультурные реалии, региональные международные организации и т.п. Иначе говоря, данный подход отличает поиск закономерностей, объясняющих поведение международных акторов, и дедуктивность выводов относительно существования и содержания таких законов.

Имеются и другие подходы к системному изучению международных отношений, в которых проявляется несовпадение позиций представителей различных теоретических школ и направлений. И все же, существенных различий между ними меньше, а принципиального согласия больше, чем это может показаться на первый взгляд (см.: 8, р. 160). Действительно, за исключением традиционно-исторического подхода, все они исходят из существования законов функционирования международных систем (хотя характер и самих систем, и законов их функционирования могут пониматься по-разному). Совпадение и взаимодополнительность различных подходов проявляется и в других важных вопросах. Так, например, признается обусловленность поведения государств

характером взаимоотношений между наиболее крупными и влиятельными из них — великими державами. Считается, что общей чертой всех международных систем является их олигополистический характер, в том смысле, что в ней доминируют наиболее мощные государства и тип существующих между ними отношений. Наконец, допускается возможность существования разных типов международных систем и критериев их классификаций. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

2. Типы и структуры международных систем

Раньше уже упоминалось о том, что разные подходы к системному изучению международных отношений обуславливают многообразие различных типологий международных систем. Действительно, в зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, общепланетарную международную систему и ее региональные подсистемы-компоненты, элементами которых, в свою очередь, выступают субрегиональные подсистемы.

Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили считают (см.: 19), что существование планетарной международной системы, накладывающей свой отпечаток на всю международную жизнь, стало бесспорной политической реальностью уже в годы начала глобального противоборства между СССР и США, приобретая новые существенные черты с возникновением на политической карте мира в качестве самостоятельных международных акторов постколониальных государств. В результате планетарная международная система вплоть до начала девяностых годов характеризовалась наличием двух главных конфликтных линий, или «осей», разделяющих, с одной стороны, Запад и Восток (идеологическое, политическое, военно-стратегическое противоборство), а с другой — Север и Юг (т.е. экономически отсталые и развитые страны). Однако, несмотря на относительную целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны и определенные разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее, обладает своей автономией. Таково следствие региональных подсистем — «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» (см.: там же, р. 88). Ф. Брайар и М.-Р. Джалили стремятся выявить и описать факторы, оказывающие влияние на особенности таких взаимодействий в европейской, панамериканской, афри-

канской и азиатских (южно-азиатской, ЮВА, ближневосточной) подсистемах, в карибской и, отчасти, западноевропейских субрегиональных подсистемах.

Авторы книги «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» рассматривают региональные (а также групповые и двусторонние) аспекты взаимодействий государств как структурные уровни межгосударственной системы. По сравнению с вышеприведенной типологией, такой подход выглядит более логичным, так как, обозначая место такого рода системы в общей системе международных отношений, он позволяет не сводить последнюю к межгосударственной системе. Впрочем, в любом случае, основным недостатком регионального подхода остается отсутствие достаточно четких критериев для выделения того или иного региона как объекта изучения, что может иметь негативные последствия для общего понимания происходящих в них международно-политических процессов (20).

В качестве относительно самостоятельной — функциональной системы — в литературе нередко рассматриваются виды международных (межгосударственных) отношений: экономическая, политическая, военно-стратегическая и т.п. системы (см., например: 12).

В зависимости от целей исследования, его объектом могут выступать и такие типы международных систем, как стабильные и нестабильные (или революционные, по определению С. Хоффмана), конфликтные и кооперативные, открытые и закрытые и т.п.

В то же время многообразие типологий международных систем не должно вводить в заблуждение. Практически на любой из них лежит заметная печать теории политического реализма: в основе их выделения, какими бы внешними критериями оно не руководствовалось, лежат, как правило, определение количества великих держав или сверхдержав, распределение власти, межгосударственные конфликты и т.п. понятия из словаря традиционного направления в науке о международных отношениях. В самом деле, вернемся, например, к работе Ф. Брайара и М.-Р. Джалили. Ее авторы, хотя и не разделяют позиций политического реализма, а скорее относятся к французской историко-социологической школе, в качестве основных детерминант, обуславливающих функционирование и изменение выделяемых ими международных систем, рассматривают именно упомянутые критерии:

так, развитие ЮВА в качестве субрегиональной подсистемы зависит от региональных квази-сверхдержав — Японии (с экономиче-

ской точки зрения) и Китая (с точки зрения демографического потенциала). В южно-азиатском субрегионе международная система определяется бесспорным преобладанием Индии и ее соперничеством с другим полюсом данной системы — Пакистаном и т.д.

Именно политический реализм стал основой таких широко известных понятий, как биполярная, мультиполярная, равновесная и имперская международные системы. Напомним, что в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в мультиполярную. В равновесной системе, или системе баланса сил, несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, взаимно обуздывая «чрезмерные» претензии друг друга. Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, далеко опережающая все остальные государства своей совокупной мощью (размерами территории, уровнем вооружений, экономическим потенциалом, запасом природных ресурсов и т.п.).

Исходя именно из такого понимания строит свою знаменитую типологию международных систем М. Каплан. Она включает шесть типов систем, большинство из которых (за исключением двух) носит гипотетический, априорный характер.

Первый тип — это «система единичного вето», в которой каждый актер располагает возможностью заблокировать систему, используя определенные средства шантажа. В то же время каждый способен и энергично сопротивляться подобному шантажу, каким бы сильным ни было оказывающее его государство. Любое государство способно защитить себя от любого противника. Подобная ситуация может сложиться, например, в случае всеобщего распространения ядерного оружия.

Второй тип — «система баланса сил» — характеризуется мультиполярностью. По мнению М. Каплана, в рамках такой системы должно существовать не менее пяти великих держав. Если же их число будет меньше, то система неминуемо трансформируется в биполярную.

«Гибкая биполярная система» представляет собой третий тип. В ней сосуществуют акторы-государства и новый тип акторов — союзы и блоки государств, а также универсальные акторы (международные организации). В зависимости от внутренней организации двух образующих ее блоков, существует несколько вариантов гибкой биполярной системы. Она может быть сильно иерархизированной и авторитарной, когда воля главы коалиции навязывается ее союзникам. И она может быть неиерархизирован-

ной, если линия блока формируется путем взаимных консультаций между относительно автономными друг от друга государствами.

Четвертый тип представлен «жесткой биполярной системой». Для нее характерна та же конфигурация, что и для предшествующего типа, но, в отличие от него, оба блока организованы здесь строго иерархизированным образом. В жесткой биполярной системе исчезают неприсоединившиеся и нейтральные государства, которые существовали в мягкой биполярной системе. Универсальный актор играет здесь весьма ограниченную роль и не в состоянии оказать давление на тот или иной из блоков. В рамках обоих полюсов осуществляется эффективное урегулирование конфликтов, формирование направлений дипломатического поведения, применение совокупной силы.

«Универсальная система» как следующий тип фактически соответствует федерации. Она выражает преобладающую роль универсального актора. Такая система предполагает значительную степень политической однородности международной среды и базируется на солидарности национальных акторов и универсального актора. Например, она соответствует ситуации, в которой была бы существенно расширена в ущерб государственным суверенитетам роль ООН. Организация Объединенных Наций, в частности, имела бы в этих условиях исключительную компетенцию в урегулировании конфликтов и поддержании мира. Такая система предполагает наличие хорошо развитых систем интеграции в политической, экономической и административно-управленческой областях. Широкие полномочия в ней принадлежат универсальному актору, которому принадлежит право определять статус государств и выделять им ресурсы. Международные отношения функционируют на основе правил, ответственность за соблюдение которых лежит именно на универсальном акторе.

Наконец, еще одним типом международной системы является «иерархическая система», которая, по сути, представляет собой мировое государство. Национальные государства утрачивают в ней свое значение, становясь простыми территориальными единицами, а любые центробежные тенденции с их стороны немедленно пресекаются.

Как уже говорилось, концепция М. Каплана оценивается в специальной литературе достаточно критически — прежде всего за ее умозрительный, спекулятивный характер, оторванность от реальной действительности и т.п. Вместе с тем признается, что это была одна из первых попыток серьезного исследования, специально посвященного проблемам международных систем с целью выявления законов их функционирования и изменения.

3. Законы функционирования и трансформации международных систем

Одна из главных идей, на которых базируется концепция М. Каплана, — это идея о той основополагающей роли, которую играет в познании законов международной системы ее структура. Эта идея разделяется абсолютным большинством исследователей. Согласно ей, нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, и структура которой определяет поведение всех международных акторов. Как пишет американский неореалист К. Уолц, все государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов. Структура международной системы навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе характеристик международных отношений. Наподобие того, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), так международно-политическая структура определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил. Изменения в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, но ее природа, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, останется неизменной (см.: 21, р. 32).

Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменений, стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности™ в рамках системы; именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации системы. Вот почему в работах, посвященных исследованию международных систем, анализу этого состояния уделяется первостепенное внимание.

Так, например, Р. Арон, выделял по крайней мере три структурных измерения международных систем: конфигурацию соотношения сил; иерархию акторов; гомогенность или гетерогенность состава. Главным измерением, в полном соответствии с традицией политического реализма, он считал конфигурацию соотношения сил, отражающую существование «центров власти» в международной системе, накладывающей отпечаток на взаимо-

действие между ее основными элементами — суверенными государствами. Конфигурация соотношения сил, зависит, как уже отмечалось ранее, от количества главных акторов и характера отношений между ними. Два основных типа такой конфигурации — биполярность и мультиполярность.

Иерархия акторов отражает их фактическое неравенство, с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

Гомогенный или гетерогенный характер международной системы выражает степень согласия, имеющегося у акторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности), или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии): чем больше такого согласия, тем более гомогенной является система. В свою очередь, чем более она гомогенна, тем больше в ней умеренности и стабильности. В гомогенной системе государства могут быть противниками, но не политическими врагами. Напротив, гетерогенная система, разрываемая ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной.

Еще одной структурной характеристикой международной системы считается ее «режим» — т.е. совокупность регулирующих международных отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 г. стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, Мировой Банк, ГАТТ и др.

Ж.-П. Дерриенек называет шесть типов принуждений (то есть структурных характеристик) международных систем:

- 1) число акторов;
- 2) распределение силы между ними;
- 3) соотношение между конфликтом и сотрудничеством. Система может быть более конфликтной, чем кооперативной, или наоборот — более кооперативной, чем конфликтной. Если второй тип системы институализируется, то она может трансформироваться в «организованную международную систему», и тем самым оправдывается гипотеза Арона о достижении «мира через закон». С другой стороны, тип «иерархической системы» Каплана, где наиболее мощный актор навязывает пределы конфликтам, также может трансформироваться в организованную международную систему, оправдав на этот раз гипотезу Р. Арона о возможности добиться «мира через империю»;

4) возможности использования тех или иных средств (силы, обмена или убеждения), допускаемые данной системой;

5) степень внешней централизации акторов, т.е. влияния характера данной международной системы на их поведение;

6) различие статусов между самими акторами.

По мнению канадского ученого, названные структурные характеристики, хотя и не дают возможности предвидеть все гипотетические типы международных структур (на что претендует концепция М. Каплана), однако позволяют описать структуру любой международной системы, что, конечно, представляет значительную важность, с точки зрения выявления законов их существования и изменения (см.: 10, р. 188—193).

Вышесказанное показывает, что наиболее общим законом международных систем считается зависимость поведения акторов от структурных характеристик системы. Этот закон конкретизируется на уровне каждой из таких характеристик (или измерений), хотя окончательного согласия относительно их количества и содержания пока не существует.

В качестве еще одного наиболее общего закона называется закон равновесия международных систем, или закон баланса сил, позволяющего сохранять относительную стабильность международной системы (см.: 14, р. 144).

Вопрос о содержании законов функционирования и изменения международных систем является дискуссионным, хотя предмет таких дискуссий, как правило, един и касается сравнительных преимуществ биполярных и мультиполярных систем.

Так, например, Р. Арон считал, что биполярная система содержит в себе тенденцию к нестабильности, так как она основана на взаимном страхе и побуждает обе противостоящие стороны к жесткости в отношении друг друга, основанной на противоположности их интересов.

Подобная точка зрения высказывалась и М. Капланом, по мнению которого мультиполярная система содержит в себе определенные риски (например, риск распространения ядерного оружия, развязывания конфликтов между мелкими акторами или непредсказуемости последствий, к которым могут привести изменения в союзах между великими державами). Однако они не идут в сравнение с опасностями биполярной системы. Биполярная система более опасна, так как она характеризуется стремлением обеих сторон к мировой экспансии, предполагает постоянную борьбу между двумя блоками — то ли за сохранение своих позиций, то ли за передел мира. Не ограничиваясь подобными замечаниями, М. Каплан рассматривает «правила» стабильности для биполярных и мультиполярных систем.

Так, по его мнению, существует шесть правил, соблюдение которых каждым из полюсов мультиполярной системы позволяет ей оставаться стабильной:

1) расширять свои возможности, но лучше путем переговоров, чем путем войны;

2) лучше воевать, чем не суметь расширить свои возможности;

3) лучше прекратить войну, чем уничтожить великую державу (ибо существуют оптимальные размеры межгосударственного сообщества: так, европейские династические режимы считали, что их противодействие друг другу имеет естественные пределы);

4) сопротивляться любой коалиции или отдельной нации, пытающейся занять господствующее положение в системе;

5) противостоять любым попыткам того или иного национального государства «присоединиться к наднациональным международным организационным принципам», то есть распространению идеи о необходимости подчинения государств какой-либо высшей власти;

6) относиться ко всем великим державам как к приемлемым партнерам; позволять стране, потерпевшей поражение, войти в систему на правах приемлемого партнера или заменить ее путем усиления другого, ранее слабого государства.

Говоря о законах функционирования гибкой биполярной системы, М. Каплан подчеркивает, что они различаются в зависимости от того — являются составляющие ее блоки иерархизированными или нет. Когда блоки иерархизированы, функционирование системы приближается к типу жесткой биполярной системы. Наоборот, если оба блока не иерархизированы то практически речь идет о правилах функционирования мультиполярной системы. Существует четыре общих правила, применимых ко всем блокам:

1) стремиться к расширению своих возможностей по сравнению с возможностями другого блока;

2) лучше воевать любой ценой, чем позволить противоположному блоку достигнуть господствующего положения;

3) стремиться подчинять цели универсальных акторов (МПО) своим целям, а цели противоположного блока — целям универсальных акторов;

4) стремиться к расширению своего блока, но сохранять терпимость по отношению к неприсоединившимся, если нетерпимость ведет к непосредственному или опосредованному тяготению неприсоединившихся к противоположному блоку.

Что касается трансформации международной системы, то основным ее законом считается закон корреляции между поляр-

ностью и стабильностью международной системы. М. Каплан, например, подчеркивает нестабильный характер гибкой биполярной системы. Если она основана на неиерархизированных блоках, то эволюционирует к мультиполярной системе. Если тяготеет к иерархии обоих блоков, то имеет тенденцию трансформироваться — либо в жесткую биполярную, либо в иерархическую международную систему. В гибкой биполярной системе существуют риск присоединения неприсоединившихся; риск подчинения одного блока другому; риск тотальной войны, ведущей либо к иерархической системе, либо к анархии. Внутриблоковые дисфункции в ней подавлены, зато обостряются межблоковые противоречия. Основное условие стабильности биполярной системы, заключает М. Каплан, — это равновесие мощи. Если же появляется третий блок, то это ведет к серьезному разбалансированию и риску разрушения системы.

Д. Сингер и К. Дойч, исследовав проблему корреляции между полярностью и стабильностью международных систем в формально-теоретическом плане, пришли к выводу о том, что, во-первых, как биполярная, так и мультиполярная системы имеют тенденцию к саморазрушению, а, во-вторых, нестабильность жестких биполярных систем все же более велика по сравнению с нестабильностью мультиполярных систем.

Другой американский ученый, М. Хаас, подверг этот вывод эмпирической проверке. С этой целью он изучил двадцать одну международную систему, четко отграниченную в пространственно-географическом и историческом планах, и пришел, фактически, к противоположному заключению. По его мнению, такая корреляция носит обратно-пропорциональный характер. В биполярной системе, считает М. Хаас, войны менее многочисленны, хотя и имеют тенденцию к большей продолжительности, чем в мультиполярной системе (см.: 12, р. 38).

С точки зрения К. Уолца, никакого качественного различия между биполярной и мультиполярной системами фактически не существует — кроме, может быть, того, что первая более стабильна, чем вторая.

Со своей стороны, Р. Роузкранс предложил теоретическую модель так называемой «релевантной утопии», которая объединяла бы преимущества как биполярной (прежде всего, возможности контроля периферийных для данной системы конфликтов), так и мультиполярной (более значительные возможности предотвращения всеобщего конфликта) систем, и одновременно была бы лишена недостатков их обеих. Результатом явилась бы «бимультиполярная система», в которой два «главных» актора

играть роль регуляторов конфликтов за своих блоков, а государства, представляющие ясную конфигурацию системы, выступали бы ими в конфликтах между двумя полюсами. В итоге рассмотрению проблемы законов функционирования трансформации международных систем, следует признать, что уже сама ее постановка, которая позволила показать поведение государств на мировой арене от точки зрения международной системы, связь частоты и характера межгосударственных конфликтов с ее структурными характеристиками, необходимость учета системообразующих факторов дипломатии. Уже сама идея о существовании системных международных отношений дает возможность рассматривать международные системы как результат принятия рядом определенных политического, экономического и идеологического статус-кво на международной арене, на общепланетарном или субрегиональном уровне. С такой точки зрения, каждая международная система является ничем иным, кроме как результатом институализацией соотношения сил между государствами в соответствующем пространственно-временном контексте (см.: 13, р. 171).

В наше время было бы наивным считать, что существующие в международных отношениях законы функционирования и трансформации международных систем обладают такой степенью универсальности, которая позволяла бы делать на их основе безошибочные прогнозы. Более того, они, по сути дела, оставляют «за скобками» многие основные причины международных конфликтов. Сводя к нескольким основным отношениям к межгосударственным отношениям, они неоправданно ограничивают понятие международных отношений только теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения и прямой взаимный учет интересов. Но, как верно подчеркивает Б.Ф. Поршнев, «есть область косвенных, подчас несознаваемых взаимодействий, с которыми лица зависимостей, без которых, однако, предположение о системе остается неполным» (21).

* * *

Таким образом, применение системного подхода дает исследователю богатые теоретические и методологические возможности. Однако даже системная теория не может похвастаться слишком большими успехами в анализе международных отношений. Можно назвать только две области, где она достигла бесспорных положительных результатов: это стратегия и процесс при-

нятия международно-политических решений (см.: 11, р. 159). В остальном же ее заслуги до сих пор были бы скромными. Гносеологически это объясняется тем, что система, достигшая определенного уровня сложности, не может быть познана полностью. Отсюда — то противоречие, на которое обратил внимание Б. Бади и М.-К. Смуц: системный подход рассматривает как метод выявления определяющих состояние системы факторов, способов сочетания ее элементов, однако как только исследование выходит за рамки относительно простых систем, основания для того, чтобы считать правильными делаемые им выводы, значительно уменьшаются (см.: там же, р. 158).

Кроме того, в науке о международных отношениях до сих пор отсутствует общепринятое понимание структуры международной системы, а то, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, является, как мы уже могли убедиться, слишком упрощенным с учетом всех своих измерений. Поэтому многие исследователи отказываются от него, не предложив, однако, более приемлемого.

* * *

Новизна современного этапа в истории международных отношений со всей очевидностью обнаруживает ограничения, основанные на методологии политического реализма таковы, как «конфигурация соотношения сил», «биполярность», «мультиполярность». Распад советского блока и крушение жившейся в послевоенные годы глобальной биполярной системы (впрочем, ее глобальность всегда была относительной) выдвигают передний план такие вопросы, которые не могут быть решены в традиционных терминах «полюсов», «баланса сил». Исчезает четкий раздел между «своими» и «чужими», союзники и противниками, гораздо менее предсказуемым стало поведение государств, региональных средних и «великих» держав. Мы живем в полосу неуверенности и возросших рисков, обусловленных продолжающимся распространением ядерных, химических, бактериологических и иных видов новейших вооружений, распространением западных ценностей (таких, как индивидуальная свобода, качество жизни) как в социалистических странах, так и в постколониальных государствах, которые не способствуют стабильности глобальной международной системы за счет увеличения степени ее гомогенности. Напротив, имеет следствием все более массовую миграцию населения из развитых в экономическом отноше-

нии стран в более богатые, порождает конфликты, связанные со столкновением культур, утратой идеалов, подрывом традиций, размыванием самоидентичности, всплесками реакционного национализма. Глобальная международная система испытывает глубокие потрясения, связанные с трансформацией своей структуры, меняющимися взаимодействиями со средой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Haffmann S.* Theorie et relations internationales. // Revue française de science politique. Vol.XI. 1961, p. 428.
2. *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. 1965.
3. *Polin C.* David Easton ou les difficultés d'une certaine sociologie politique. // Revue française de Sociologie. Vol.XII, 1971, p. 185.
4. *Easton D.* The Political System. 1953, p. 135.
5. *Bertalanffy L. van.* General Systems Theory. 1968, p. 5.
6. *Богданов А.* Всеобщая организационная наука (тектология). Том II. — Ленинград — Москва, 1927, с. 189—190.
7. *Когану В.* Analyse des relations internationales. Approches, concepts et données. — Montréal. 1978, p. 65.
8. *Modelska G.* Agraria and industria. Two Models of the International System. In The International System. Theoretical Essays. Ed. by Klaus Knorr and Sidney Verba. — Princeton. 1961, p. 121.
9. *Поздняков Э.А.* Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. — М., 1986, с. 90
10. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. — Grenoble, 1977, p. 71.
11. *Sadie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. — Paris, 1992, p. 157.
12. *Braillard Ph.* Theorie de systemes et relations internationales. — Paris, 1977.
13. *Huntvnger J.* Introduction aux relations internationales. — Paris, 1987, p. 158-159.
14. *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. — Paris, 1984, p. 103.
15. *Kaplan M.* System and Process in International Politics. — New York, 1957.
16. *Rosecrance R.* Action and reaction in World politics. — Boston, 1963, p. 16.
17. *Frankel J.* International Politics. Conflict and Harmony. — London, 1969.
18. *Loard E.* Types of International Society. — New York, 1976.
19. *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales. — Paris, 1990.
20. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Под ред. *В.И. Гантмана.* — М., 1984, с. 35.
21. *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. — М., 1970, с. 10.

Глава VI

СРЕДА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как мы уже видели, структура есть совокупность воздействий, которые система оказывает на свои элементы. Однако большинство воздействий, или принуждений, вытекает не из существования системы как таковой, а из отношений между ней и ее средой. Понятие среды — одно из фундаментальных понятий системного анализа. Оно имеет важное методологическое значение, помогая уяснить функционирование системы и ее эволюцию. Вот почему уже один из основателей системного анализа применительно к политическим наукам, Дэвид Истон, еще в пятидесятые годы обращал внимание на то, что политическая система испытывает влияние определенных внешних импульсов, идущих от общества, которые воздействуют на нее в виде требований и поддержек, обеспечивая ее бесперебойное функционирование (1).

В самом общем виде под средой системы понимается то, что ее окружает. Однако, это слишком общее представление мало что дает без дальнейшей конкретизации. В ходе такой конкретизации выясняется, что применительно как к общественным, так и природным системам существует не только внешняя, но и внутренняя среда. Различают также социальную среду (совокупность воздействий, происхождение которых связано с существованием человека и общественных отношений) и внесоциальную среду (многообразие природного окружения, географических особенностей, распределения естественных ресурсов, существующих естественных границ и т.п.). В качестве промежуточного вида иногда рассматривают воздействия и принуждения, вытекающие из изменений в технической базе общества; в других случаях техническая (а также экономическая, внешнеполитическая, дипломатическая и т.п.) среда понимается как элемент социальной (об-

шественной) среды. Внешняя среда (или энвайромент) — это окружение системы, вменяющее ей определенные принуждения и ограничения: климат, ландшафт местности, конфигурация границ, полезные ископаемые и т.п. — оказывают бесспорное влияние на взаимодействие государств и других акторов международных отношений. Иногда такое влияние бывает чрезвычайно большим, если не определяющим: это свойственно обществу как на ранних ступенях его развития, так и в настоящее время — период необычайного обострения экологических проблем. Внутренняя среда (или контекст) — это совокупность принуждений, оказываемая на систему ее элементами: так, заболевание одного из органов может повлечь за собой болезнь всего организма в целом; а деградация исполнительной или законодательной власти может привести к разбалансированию и кризису политической системы. При этом, в отличие от структуры, среда — это совокупность принуждений внесистемного характера. Это касается как внешней, так и внутренней (а также социальной и внесоциальной) среды. Влияние регионального соотношения сил на взаимодействие двух или нескольких государств, например Латинской Америки, с этой точки зрения, является не воздействием среды, а принуждением, определяемым характером структуры данной подсистемы международных отношений. Наоборот, изменения в характере отношений между государствами под воздействием, например, природных факторов (подобных «тресковым войнам» между Исландией и Норвегией, связанным с промыслом уменьшающихся природных ареалов определенных видов рыбы) могут рассматриваться как ситуационные, то есть определяемые изменениями природной среды.

Указанные понятия, таким образом, облегчают понимание и объяснение процессов, происходящих в социальных отношениях. Вместе с тем необходимо помнить, что они отражают существующие реальности довольно приблизительно, и, следовательно, носят весьма условный характер, ибо действительность, описываемая ими, значительно сложнее. Это особенно верно, когда речь идет о международных отношениях.

1. Особенности среды международных отношений

Действительно, относительно легко представить себе систему, структуру и среду межгосударственных, например, региональных отношений. Так, структура Европейского союза может быть представлена как способ организации экономического, дипломатического, военно-политического, культурного и иного взаимо-

действия входящих в него государств. По отношению к нему средой будет выступать совокупность других государств, а также различных международных организаций и иных акторов на регионально-географическом (европейском), политическом (ООН и ее институты, Организация американских государств, Организация африканского единства, Лига арабских государств, ОСНАА и т.д.), экономическом (ОЭСР, ОПЕК, ЕАСТ, ЛАЭС и т.д.) и прочих уровнях. Каждый из элементов этой среды оказывает то или иное влияние на функционирование и развитие системы ЕС, результатом которого будут как изменения, происходящие в данной системе, так и реакция («ответы») на эти влияния со стороны Европейского союза.

В данной связи американские ученые Гарольд и Маргарет Спроут выдвинули идею «экологической триады», состоящей из трех частей: международного актора, окружающей его среды (энвайромента) и взаимодействия между ними. При этом они выделяют несколько типов такого взаимодействия. Во-первых, — это взаимодействие, связанное с реальными возможностями существующего энвайромента, т.е. имеющейся совокупностью ограничений среды, которые актер не может преодолеть: так, например, персидский царь Дарий не мог уладить по телефону свои разногласия с Александром Македонским. Во-вторых, — это взаимодействие, формирующееся под влиянием вероятностных тенденций данного энвайромента: т.е. в любой ситуации существуют ограничения среды, которые делают вероятным какой-то вполне определенный характер «нормально ожидаемого» поведения. Наконец, в-третьих, — это тип осознанного поведения актора, или, иначе говоря, своеобразие его личностного восприятия окружающей среды (которое может кардинально отличаться от того, чем она является на самом деле) и, соответственно, реакции на ее изменения (2). Б. Рассет и Х. Старр прибегают в этой связи к аналогии с меню: личность (актор), находясь в ресторане, сталкивается с меню (энвайроментом), которое не определяет его выбор, но ограничивает возможности. Исходя из этого, можно, при условии знания «меню» актора и индивидуального процесса принятия решений, проанализировать его поведение (3).

Методологическая полезность подобного рода теоретических моделей не вызывает сомнений. Трудности возникают, когда речь заходит о глобальной, или общепланетарной международной среде. Они касаются, прежде всего, внешней среды глобальной международной системы, для которой описанные выше примеры являются не более, чем контекстом (внутренней средой). Как пишет М. Мерль, внешняя среда глобальной международной системы

может быть найдена только в природном окружении: атмосфера, стратосфера, солнечная система... Но тогда наука о международных отношениях должна будет совпасть с метеорологией или же астрологией (4). Исходя из подобного понимания, Г. и М. Спруут считают, что понятие среды, вполне операциональное применительно к анализу такой конкретной области как экология, малопродуктивно при исследовании глобальных международных отношений, требующем гораздо более высокого уровня абстракции (5). В свою очередь, с точки зрения Д. Сингера, понятие среды может быть полезным при изучении международных подсистем. Что же касается глобальной международной системы, то она может рассматриваться лишь как их среда, но не как система в точном значении этого термина, т.к. она не может иметь отношений или взаимодействовать с какими-либо родственными системами (6). Ф. Брайар, напротив, подчеркивает, что любая система, по определению, не может не иметь среды, что однако не означает, что любая система обязательно находится во взаимодействии со своей средой. Существуют не только открытые, но и закрытые системы. Именно к числу этих последних и принадлежит глобальная международная система (7). Наконец, приведем и позицию Ж. Модельски, согласно которой к среде международных отношений относится все то, что выходит за ее рамки, т.е. существует независимо от нее, идет ли речь о географическом окружении или о политических отношениях (8).

Отмеченные расхождения в понимании международной среды не затрагивают, однако, того, что абсолютное большинство авторов отмечает в качестве специфической особенности социальной среды глобальной международной системы: ее «интрасоцие-гальный», по выражению Д. Истона (9), характер. Иными словами, речь идет о «внутреннем окружении» (10), или «контексте» (11) — совокупности факторов, которая оказывает воздействие на глобальную международную систему, навязывая ограничения и принуждения ее развитию. В самом общем виде можно сказать, что такой совокупностью факторов являются цивилизационные изменения.

2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации

Понятие «цивилизация» появилось в XVIII в. и использовалось вначале для обозначения определенной исторической ступени в развитии общества. Впервые употребивший это понятие шотландский философ А. Фергюссон (1723—1816) рассматривал

его содержание в самом широком смысле — как то, что отличает человеческое общество от животного мира, с одной стороны, и от любого иного общества, с другой. Однако уже со второй половины XVIII в. широкое распространение получило и иное толкование понятия цивилизации. Оно стало трактоваться как определенная совокупность ценностей, обогащаемых в ходе развития общества, как его социальное и моральное совершенствование. Миссия цивилизации, отмечали французские просветители, состоит в том, чтобы покончить с войнами и завоеваниями, с рабством и нищетой и распространить на мир славную «империю разума». Известные французские социологи конца XIX — начала XX вв. Э. Дюркгейм и М. Мосс относили к цивилизации крупные идеологические, художественные, культурные и политические ценности и движения. Характерная черта цивилизации, по их мнению, состоит в том, что она выходит за пространственные и временные рамки той или иной исторической общности. Поэтому к цивилизации они относили только те элементы в жизни общества, которые могут передаваться или заимствоваться: например, формы государственного правления Древней Эллады и Древнего Рима, ценности эпохи Возрождения и Реформации, сказки африканских племен и т.п.

В философии О. Шпенглера (1880—1936) цивилизация — заключительный период в развитии замкнутых, локальных культур (египетской, греко-римской, западноевропейской и т.п.), в процессе которого происходят их закат и упадок. Цивилизация и прогресс несовместимы, как невозможно и существование единой, общечеловеческой цивилизации.

Идея плюрализма локальных цивилизаций, переживающих несколько стадий в своем развитии — от зарождения до гибели — характерна и для А. Тойнби (1889—1975). Вместе с тем он отмечал и преемственность, наличие единства в различных цивилизациях, представляющих, по его мнению, многочисленные ветви общего древа человеческой истории.

Плюрализм цивилизаций во времени признает и марксизм. Для него характерно понимание цивилизации как глобальной эпохи в истории человечества, совпадающей с эпохой классовых формаций, отчуждением человека и одновременно — с формированием реальных предпосылок его преодоления и «возвращения человека к самому себе как человеку общественному» (12). Ф. Энгельс, вслед за Л. Морганом, различал следующие эпохи в развитии человечества: дикость — период преимущественного присвоения готовых продуктов природы; варварство — введение скотоводства, земледелия, овладения методами увеличения продук-

тов природы посредством труда; цивилизация — период овладения обработкой продуктов природы, период промышленности и искусства. Важной чертой цивилизации, с точки зрения марксизма, является ее постоянное развитие от низшего к высшему, т.е. прогресс, хотя он и характеризуется постоянными противоречиями. В конечном итоге, цивилизация представляет собой переходную ступень к высшей стадии в развитии общества — к гос-под-ству демократии в управлении, братству, равенству прав и всеобщему образованию (см.: там же, с. 178). Это означает, что историческое многообразие цивилизаций, с точки зрения марксизма, сменяется, в конечном итоге, неким единым общепланетарным устройством человеческого общества.

Изменения, происходящие в мире, влекут за собой неизбежные изменения и в понимании термина «цивилизация», содержание которого развивается по мере эволюции отражаемого им объекта и развития науки. Сегодня понятие цивилизации включает два взаимосвязанных аспекта. В нем концентрируются наиболее значимые явления всемирной истории, единство и многообразие материальной и духовной культуры человеческого общества, его ценностей, образа жизни и труда. Каждый период, каждое общество, нация обладают собственной неповторимой цивилизацией. И в то же время в каждой из них есть элементы, присущие человечеству в целом, причем, по мере развития науки и техники, средств связи и транспорта, экономических, культурных и иных обменов между государствами, народами и частными субъектами, количество этих элементов растет. Понятие цивилизации имеет, таким образом, и общепланетарный характер, своего рода космическое измерение, отражающее уникальность, неповторимость человеческого рода.

В современных условиях одной из важнейших характеристик, свойственных цивилизации в ее общепланетарном измерении, становится вступление ее в такую фазу, когда острота накопившихся и продолжающих усугубляться противоречий и проблем делает вполне реальной угрозу гибели человечества или, по меньшей мере, серьезных потрясений, деградации важнейших аспектов его существования. Речь идет прежде всего о сохраняющейся опасности возникновения термоядерной войны, резком обострении других глобальных проблем на фоне противоречивых демографических изменений, затяжных региональных конфликтов, трудностей в адаптации к требованиям микроэлектронной революции. Сюда относятся также кризис городов, рост наркомании, преступности и терроризма, деградация культуры и морали, мар-

гинализация значительных масс людей, изменение структуры ценностей, потребностей и идеалов современного человека.

Степень противоречивости современной глобальной цивилизации делает достаточно сомнительным бесспорное прежде для многих социологических течений положение об общественном прогрессе. Во всяком случае, становится все более явной несостоятельность отождествления научно-технического или материального прогресса с общественным прогрессом в целом: ведь даже в экономически развитых государствах научно-технический и материальный рост не стал очевидной причиной роста нравственности, духовной культуры или терпимости в национальных и социальных отношениях. Тем более это верно для мира в целом, где развитые страны составляют меньшинство, причем разрыв между ними и слаборазвитыми странами не уменьшается, а, напротив, становится все больше.

Не уменьшается, — несмотря на увеличение удельного веса универсальных ценностей и проблем, отличающих современное человечество от его предшествующих исторических поколений, — и многообразие свойственных ему самобытных (национальных, региональных, конфессиональных) цивилизаций и культур. В этой связи встает вопрос об особенностях их взаимодействия и о характере влияния на международные отношения. Существует три подхода к анализу данного вопроса.

Первый из них отталкивается от характеристики цивилизации и культуры как некоей контролирующей и регулирующей инстанции, которая санкционирует (или не санкционирует) те или иные изменения в социальном порядке, связанные с взаимодействием данной общности с другими общностями. С такой точки зрения, например, если попытки модернизации российского общества путем заимствования западных моделей терпят провал, то объяснение этому следует искать в самобытности российской культуры, которая отторгает чуждые ее традициям способы и формулы реформирования.

Второй подход связан с эволюционной (а вернее — «девелопменталистской») гипотезой, которую разделяли Э. Дюркгейм и М. Вебер, и согласно которой различия между цивилизациями и культурами носят временный и второстепенный характер. Первостепенным и постоянным является факт непрерывного движения общества к универсальным культурным ценностям, которые становятся все более секуляризованными, более рациональными и более совершенными.

Наконец, третий — «диффузионистский» — подход основывается на теории культурных потоков (П. Сорокин, Т. Парсонс),

объединяющей положения о самобытности и о конвергенции культур. В соответствии с этой теорией, более рациональные культуры имеют тенденцию распространяться на другие — путем заимствования последними их ценностей и норм. Результатом такого, по сути однонаправленного, движения культурных потоков и является саморегуляция международной системы. Так, Р. Арон пишет, что планетарное распространение форм и методов дипломатии, универсалий индустриального общества, триумф американской концепции международного правового порядка имеют следствием размывание гетерогенности различных цивилизаций и их конвергенцию в одну и ту же международную систему, все участники которой стремятся к обладанию одними и теми же средствами богатства и силы (13).

Действительно, сегодня уже невозможно не принимать во внимание феномен всемирного распространения таких, например, ценностей, как права человека, демократия, рыночное общество, материальное благосостояние, потребительская культура, досуг с его искушениями и т.п. Причиной их диффузии является как давление — причем не только объективное, но и целенаправленное — западной цивилизации, так и расширение «культурного импорта» народами Востока. А наиболее эффективными средствами подобного рода «культурного (или цивилизационно-го) облучения» выступают средства массовой информации — СМИ.

В эпоху перехода к постиндустриальному обществу путь к славе, богатству и могуществу лежит через обладание источниками и средствами распространения информации. Спутниковое телевидение, телефаксы, электронная почта делают возможным практически мгновенное распространение информации из любой точки мира в любую другую. Но распространение информации о том или ином событии дает возможность не только знакомить с ним огромную аудиторию, но и пропагандировать, или же, напротив, развенчивать его смысл, то есть, иначе говоря, использовать его в собственных интересах. Манипулирование информацией стало одним из источников обострения отношений между «Севером» и «Югом», выдвинутого развивающимися странами требования нового международного информационного порядка.

Информация творит событие по меньшей мере настолько же, насколько она дает о нем сведения. Репортер — не только свидетель, но и действующее лицо. Именно поэтому во многих странах мира журналисты составляют значительную часть «пропавших без вести», заключенных, казненных, заложников, или высылаемых лиц (14). Падение Берлинской стены и крушение социализма в значительной мере объясняется тем, что режим ничего не

мог противопоставить массивной информации о западном образе жизни и ее неизбежному следствию — эффекту межгруппового сравнения. Распространение через частные и зарубежные теле- и радиоканалы, а также через периодическую печать ценностей и идеалов европейской либеральной демократии — многопартийности и конкуренции партий, выборности руководящих лиц, уважения прав и свобод личности — стало одной из причин массовых протестов студенческой молодежи стран Тропической Африки против тоталитарных режимов и вступления этих стран на путь политической и экономической модернизации.

Подобные примеры влияния западной культуры и цивилизации на социокультурные и политические процессы в мире можно было бы продолжить. Важно однако иметь в виду, что революция в средствах массовой информации необычайно увеличила масштабы и сократила сроки обмена культур друг с другом во всемирном масштабе. Но такой обмен не бывает эквивалентным. Сегодня Запад фактически стал «референтной группой» мировой цивилизации. Его авторитет, престиж, богатство способствуют тому, что свойственные ему понимание реальности, эталоны поведения, образ жизни, политические институты навязчиво распространяются по всему миру.

Однако это распространение нельзя представлять себе как чисто механическую пересадку так называемых прогрессивных форм в другие культуры и цивилизации. Заимствование западной модели имеет определенные пределы. Любые универсалии — будь то рыночное общество, права человека, или самоценность человеческой жизни — останутся пустым звуком, более того — будут отторгнуты, если их не удастся адаптировать к самобытной культуре того или иного народа, его традициям и историческим ценностям. Поскольку же такая адаптация неизбежно сопровождается процессом переоценки этих традиций и ценностей, стремлением цивилизации-импортера сохранить их ядро, свои основные культурные нормы, постольку встреча цивилизаций вносит в международную систему, как правило, дестабилизирующее начало. Сегодня это можно видеть на примере того сопротивления, которое оказывает западной модели усматривающий в ней угрозу своим культурным нормам и защищающий их от разрушения мусульманский мир. Россия, которая испокон веков находится на перекрестке двух мировых цивилизаций, испытывает потрясения каждый раз, когда на нее накатывает новая крупная волна западного или восточного влияния.

В то же время опыт показывает, что результатом встречи различных цивилизаций и культур никогда не бывает замещение или

вытеснение одной из них. Всегда имеет место сложный процесс взаимодействия, всегда усвоение элементов иной культуры сопровождается сохранением, а иногда и усилением самоидентичности культуры-импортера. Так, например, на протяжении XIX и XX вв. «мусульманский мир» пережил несколько сменявших друг друга идейных течений — реформистского, возрожденческого, панисламистского и секуляристского характера. Ни одно из таких течений, в том числе и панисламизм, не возникало без влияния со стороны Запада. Но точно так же ни одно из них — в том числе и секуляризм — не может рассматриваться как поглощение западными ценностями мусульманских культурных норм. Более того, в данной связи в социологии встает вопрос о реальном статусе самой идеи «светскости в мусульманском мире», как и использования по отношению к нему концептов и формул «трансатлантического» типа (15).

Объективные культурные пределы универсализации западной модели цивилизации высвечивают бесперспективность как попыток ее бездумного копирования и пренебрежения национальными традициями, так и стремления сохранить самобытность на пути самоизоляции и отрицания завоеваний всемирной цивилизации. Пример Ирана показывает, что ни предпринятая шахом М.-Р. Пехлеви при поддержке США попытка форсированной модернизации по западному образцу, сопровождающаяся подавлением самобытных культурных традиций, ни инициированный Аятоллой Хомейни опыт спасения самоидентичности на основе очищения от «западной скверны» и возврата к традиционным ценностям (тем более — в их наиболее непримиримой, радикальной версии) не способствуют стабилизации общества и международной системы в целом. С другой стороны, пример Японии убеждает в возможности сохранения самобытных культурных норм, пафоса национальных традиций, выступающих в роли мотиваций развития, при одновременном восприятии западных ценностей.

Таким образом, многообразные процессы, связанные с присущей современному миру дихотомией единства и плюрализма цивилизаций и культур, составляют социальную («интрасоциетальную») среду, которая оказывает существенное и возрастающее влияние на эволюцию и характер международных отношений. Не меньшее значение имеет внесоциальная, или «экстрасоциетальная» среда, накладывающая свои ограничения и принуждения на международную систему. Исследования данного аспекта среды международных отношений чаще всего соотносятся с таким понятием как «геополитика».

3. Внесоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях

Известны многочисленные попытки определения содержания понятия «геополитика». Первичное и наиболее общее определение квалифицирует ее как изучение взаимосвязей и взаимозависимостей между державной политикой государства и той географической средой, в рамках которой она осуществляется. Традиционно, геополитика является одним из ответвлений политического реализма, представляющего международные отношения как силовые отношения между государствами.

Возникновение термина «геополитика» связано с именем шведского профессора и парламентария Рудольфа Челлена (1846—1922), который, изучая систему управления, имеющую целью создание сильного государства, приходит к выводу (в 1916 г.) о необходимости органического сочетания пяти тесно связанных между собой, взаимовлияющих элементов политики: экономополитики, де-мополитики, социополитики, кратополитики и геополитики.

Предшественниками геополитики считаются Геродот и Аристотель, Н. Макиавелли и Ш. Монтескье, Ж. Боден и Ф. Бро-дель... Однако она не может считаться приобретением только европейской цивилизации. Китайский мыслитель Сун Ци еще в VI веке до н.э. оставил описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения военной политики. Ибн Хальдун в XIV веке связывал духовные силы человеческих объединений (социальных общностей, в современной терминологии), — их способность или неспособность к сплочению и борьбе за завоевание и сохранение могущественной империи — с тем импульсом, который исходит из природной среды. Однако собственно геополитика появляется в конце XIX века, когда немецкий географ Фридрих Ратцель (1844—1904) и его ученики создали дисциплину, призванную изучать взаимосвязь между географией и политикой, основываясь на положении страны, занимаемом ею пространстве и ее границах. Великими являются те народы, полагал Ф. Ратцель, которые обладают чувством пространства. Следовательно, границы могут подлежать сужению или расширению, в зависимости от динамизма рассматриваемого народа. Во времена «Третьего Рейха» подобные идеи привели соотечественника Ф. Ратцеля — Карла Хаусхофера (1869—1946) к опасной теории «жизненного пространства», взятой на вооружение нацистами для обоснования своих захватнических планов.

Крупный вклад в развитие геополитических идей внесли английский географ и политический деятель Х. Д. Макиндер (1861—1947), американцы — адмирал А.Т. Мэхэн (1840—1914) и профессор Йельского университета Н. Спайкмен (1893—1943). Адмирал Мэхэн уже с 1900 г. выдвигает идею об антагонизме морских и сухопутных государств и о мировом господстве морских держав, которое может быть обеспечено путем контроля над серией опорных пунктов вокруг евразийского континента. Свои основные идеи Хэлфорд Джон Макиндер изложил в таких известных работах, как «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность» (1919) и «Мировой круг и завоевание мира» (1943). В них он формулирует понятия «Мировой остров» и «Срединная земля» («Хартленд»), «Мировой остров» представляет собой соединение трех компонентов — Европы, Азии и Африки. Что же касается «Срединной земли», то под ней понимается обширная долина, которая простирается от Северного Ледовитого океана до азиатских степей, выходя на Германию и Северную Европу, и сердцем которой является Россия. Проведя прямую линию от Адриатики (к востоку от Венеции) до Северного моря (восточнее Нидерланд), он разделяет Европу на две непримиримые между собой части — Хартленд и Коустленд (Прибрежная земля). При этом Восточная Европа остается зоной притязания обеих сторон, следовательно, зоной нестабильности. Германия претендует на господство над славянами (Вена и Берлин в средние века были славянскими, а Эльба служила естественной границей между славянскими и неславянскими народами). Х. Макиндер сформулировал широко цитируемый ныне в нашей литературе «геополитический императив», согласно которому тот, кто правит Восточной Европой, — правит Срединной землей, кто правит Срединной землей, — правит и Мировым Островом, кто правит Мировым Островом — тот господствует над миром. Однако не многие из цитирующих сегодня этот «императив», обращают внимание на то, что уже такие авторитеты в геополитике, как, например, современник Макиндера К. Хаусхофер, достаточно критически относились к его взглядам. Еще в большей степени эта критичность характерна для современных специалистов в геополитике — в частности таких, как Ив Лякост (16).

Николае Дж. Спайкмен в работе «Американская стратегия в мировой политике. Соединенные Штаты и баланс силы» (1942) формулирует имеющее стратегическую нагрузку понятие «Римленд». Под ним разумеется дуга территориальной окружности, соединяющая СССР и мировой остров, проходящая от Балтики до Центральной и Юго-восточной Азии через Западную Европу,

Средиземноморье и Ближний Восток. Являясь периферией Средней Земли, Римленд, по мысли Спайкмена, был призван стать платформой сопротивления советской экспансии и ее сдерживания. По своему содержанию термин «Римленд» совпадает с тем, что Макиндер называл «внутренней маргинальной дугой». Спайкмен доказывает, что если географически Хартленд и существует, то, во-первых, его неустойчивость серьезно нарушена развитием стратегической авиации и других новейших средств вооружений. А, во-вторых, вопреки прогнозам Макиндера, он не достиг того уровня экономического развития, который дал бы ему возможность стать одним из наиболее передовых регионов мира. Решающая борьба как в первой, так и во второй мировой войне, утверждает Спайкмен, развернулась не в зоне Хартленда и не за обладание им, а на берегах и землях Римленда. Мировое господство зависит не от контроля над Восточной Европой, поэтому следует отказаться от афоризма Макиндера: вопреки ему «судьбы мира контролирует тот, кто контролирует Римленд».

Поскольку с приходом к власти в Германии нацистов геополитика стала активно использоваться для обоснования «расового превосходства», завоевания «жизненного пространства», «великой исторической миссии господства Германии над всем остальным миром», постольку многие исследователи как в Европе, так и в Америке стали сомневаться в научной обоснованности самого понятия. При этом, одна часть ученых стала рассматривать его как псевдонаучный неологизм, служащий для попыток оправдания стремлений к изменению европейского порядка, как орудие в борьбе за власть, пропагандистский инструмент (17). Другие, не отрицая в целом само понятие, высказывают серьезный скептицизм относительно его инструментальных возможностей (см.:

13, р. 186, 198). Третьи полагают, что геополитика способна давать определенные научные результаты, но лишь в очень узкой сфере, отражающей взаимовлияние политики и пространственно-географических характеристик государств или их союзов (18). Четвертые высказывают мнение, в соответствии с которым геополитику должно рассматривать не как науку или дисциплину, а лишь как метод социологического подхода, учитывающий взаимосвязь географической среды и международной деятельности государств (19). Наконец, есть и такие, которые считают, что геополитика — это не наука, а нечто гораздо более сложное (см.:

16, р. 31).

Существует узкое и расширительное понимание геополитики. С точки зрения сторонников первого, термином «геополитика» оперируют тогда, когда речь идет о спорах между государствами

по поводу территории, причем каждая из сторон апеллирует при этом к истории (см.: 16). Однако подобное понимание геополитики становится все более уязвимым в эпоху постиндустриальной революции, когда рушатся практически все традиционные «императивы» «классической геополитики». Современное мировое пространство все труднее характеризовать как только «межгосударственное» — с точки зрения способов его раздела, принципов функционирования социальных общностей, ставок и вызовов нынешнего этапа всемирной истории. Представители социологии международных отношений обращают внимание на то, что сегодня из трех главных принципов, на которых базировались классические представления о международных отношениях — территория, суверенитет, безопасность — ни один не может больше считаться незыблемым или же полностью адекватным новым реалиям (20). Феномены массовой миграции людей, потоков капиталов, циркуляции идей, деградации окружающей среды, распространения оружия массового уничтожения и т.п. девальвируют привычные представления о государстве и его безопасности, национальном интересе и политических приоритетах. Еще раньше (в 1962 году) Р. Арон указал на другой важный недостаток «узкого» понимания геополитики — его способность легко вырождаться в идеологию (см.: 13, р. 193).

Вот почему в последние годы все более влиятельной становится гораздо более широкое толкование геополитики — как совокупности физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющей тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяют ему добиваться своих целей на международной арене. Одним из представителей этого взгляда является Пьер Гал-луа (21).

С точки зрения П. Галлуа, к традиционным элементам геополитики — таким, как пространственно-территориальные характеристики государства (его географическое положение, протяженность, конфигурация границ), его недра, ландшафт и климат, размеры и структура населения и т.п. — сегодня добавляются новые, переворачивающие наши прежние представления о силе государств, меняющие приоритеты при учете факторов, влияющих на международную политику. Речь идет о появлении и распространении оружия массового уничтожения, — прежде всего, ракетно-ядерного, — которое как бы выравнивает силы владеющих им государств, независимо от их удаленности, положения, климата и количества населения. Кроме того, традиционная геополитика не принимала в расчет массовое поведение людей. В

отличие от нее, геополитика наших дней обязана учитывать, что развитие средств информации и связи, а также повсеместное распространение феномена непосредственного вмешательства населения в государственную политику имеют для человечества последствия, сравнимые с последствиями угрозы ядерного катаклизма. Наконец, поле изучения традиционной геополитики было ограничено Земным пространством — сушей и морями. Современный же геополитический анализ должен иметь в виду настоящее и будущее освоения космического пространства, его влияние на расстановку сил и их соотношение в мировой политике.

С позиций «классической» геополитики, географическая среда является тем постоянным и незыблемым фактором, который оказывает существенное влияние на международно-политическое поведение государств. Однако современный геополитический анализ не может не учитывать существенных изменений, которые происходят в нем сегодня. С этой точки зрения, во взаимодействии человека со средой, и, соответственно, в эволюции геополитики могут быть выделены три исторические фазы.

На ранних этапах общественного развития и вплоть до эпохи промышленной революции влияние природной среды на человека, общество и государство было, если и не решающим, то весьма существенным, а во многих отношениях' — определяющим. Эта зависимость человека от окружающей среды объясняет и придает определенную оправданность «географическому детерминизму» (разумеется, в известных исторических и логических пределах). Промышленная революция стала исходной точкой новой фазы во взаимодействии между державной внешней политикой государства и ее географическими рамками. Начинается безудержная, хищническая эксплуатация человеком окружающей среды, использование ее законов в своих целях, возрастают антропогенные нагрузки на естественные условия человеческого существования — на климат Земли, ее флору и фауну, земной покров и воздушное пространство, подземные и водные ресурсы. Синдром «передельвания» природы, подчинения ее человеку, который мы могли бы назвать «синдромом Мичурина», принял столь широкие размеры, что в конечном итоге стал причиной возникновения и чрезвычайного обострения глобальных проблем, создающих угрозу самому существованию цивилизации, поставивших ее на край гибели. Возникает, таким образом, третья стадия, третья фаза во взаимодействии человека и среды. Бумеранг возвращается. Потрясенная до основания бесцеремонным вмешательством человека в свои законы, природа «мстит за себя» тем, что уже не обеспечивает в достаточной мере всех естественных

условий его существования. Тем самым она вновь заставляет государства и политиков считаться с собой¹.

Согласно оценкам Института всемирной вахты, публикующего ежегодные доклады о состоянии мира, только за последние три десятилетия с лица Земли исчезло более 200 га лесов, тысячи видов животных и растений. Ежегодно истребляется не менее 17 млн. га леса и разрушается около 6 млн. га плодородных почв, теряющих в результате этого всякое сельскохозяйственное значение. Огромных размеров достигло загрязнение воздушных и водных бассейнов, что наносит существенный ущерб здоровью жителей городских и сельских регионов.

Все это имеет самое непосредственное отношение к внутренней и внешней политике. В наши дни уже во многих странах и на международном уровне существуют партии, выступающие за новые приоритеты в отношениях человека и среды, за альтернативное использование природных ресурсов. Это усиливает политическую борьбу, поскольку любая инициатива в данной области затрагивает интересы различных групп, влечет за собой новый взгляд на устоявшиеся ценности, влияет на властные отношения. Чтобы прекратить или уменьшить загрязнение окружающей среды, требуются новые решения в области энергетической политики, в способах производства и потребления. Возрастают издержки производства, общественные расходы на структурные перестройки и т.п.

Соответственно, новые проблемы появляются и в сфере международных отношений. Сегодня огромная ответственность за нарушение экологического равновесия лежит на экономически развитых странах. Представляя лишь пятую часть населения планеты, они ежегодно производят более половины всех газовых выбросов в атмосферу, являющихся причиной «парникового эффекта». Согласно Докладу ООН 1989 г. о социальной ситуации в мире, 70% скапливающихся в атмосфере и способствующих разрушению озонового слоя планеты хлорофтористоуглеродородных соединений (СFC) связано с применением бытовых распылителей, производимых странами ОЭСР.

Однако значительным источником загрязнения природной среды являются и бедные страны. Экологические катастрофы, в частности, наводнения, вызываемые истреблением лесов и эрозией почв, чаще и разрушительнее проявляются именно в бедных

¹ Следует отметить, что сегодня эти фазы взаимодействия человека со средой как бы сосуществуют: их проявление наблюдается не только в разных регионах планеты, но нередко и в рамках одной и той же страны.

странах. Экономически слаборазвитые страны не заинтересованы инвестировать в природоохранные программы, финансировать очистные сооружения и т.п. С другой стороны, размещающие здесь свои филиалы транснациональные предприятия и фирмы также склонны использовать общую экономическую, социально-политическую ситуацию и законодательство этих стран в целях экономии на природоохранных мерах, захоронения на их территориях отходов вредных производств и т.п.

Крупные природные катастрофы всегда имели значительные последствия в сфере международных отношений. Так «картофельный кризис» 1846 г. в Ирландии отразился не только на жизни этой страны, экономика которой перенесла необычайное потрясение, а население жестоко пострадало от голода. Он вызвал массовую волну эмиграции из Ирландии в США, что стало феноменом огромного международного значения. В более недавний период наводнения и Тайфуны, обрушившиеся на Бенгальскую часть Пакистана, сыграли значительную роль в самом появлении на мировой арене нового государства — Бангладеш (22).

Наращение экологических проблем и осознание их опасности для всего человечества привело к возникновению таких международных организаций как ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ и др. В 1972 г. ООН принимает Программу мер в области окружающей среды. В последующие годы экологические проблемы стали предметом обсуждения многих международных конференций по «глобальным рискам». Растет число межправительственных соглашений, призванных не только регистрировать нарушения экологического равновесия, но создавать конкретные механизмы сотрудничества государств в деле сохранения окружающей среды и регулирования природных ресурсов.

Однако, как показывает практика международных отношений, дело это не простое и оно встречается с большими трудностями. Достаточно вспомнить так и не вступившее в силу соглашение 1982 г. в области морского права, трактовавшее природные ресурсы морских глубин как «общее достояние человечества», доходы от использования которого должны были направляться на развитие наиболее бедных стран. Фактически, не оправдала своих ожиданий и межправительственная Конференция, созыв которой в июне 1992 г. был приурочен к 20-й годовщине Программы ООН по окружающей среде. Главная проблема международного сотрудничества состоит в том, что государства-партнеры должны находиться на сопоставимом уровне экономического развития. Именно при этом условии они могут сблизить свои подходы к выбору необходимых мер в области охраны природной сре-

ды и выделить для этого необходимые средства. В противном случае кому-то придется пойти на большие, с его точки зрения, жертвы, что всегда достаточно трудно, особенно, если речь идет о государстве, которое не входит в число наиболее развитых. Трудно представить себе, например, что Китай или Индия откажутся от использования работающих на угле тепловых электростанций лишь по той причине, что такое использование способствует увеличению парникового эффекта.

В целом же, масштабы новых императивов таковы, что геополитика перестает быть уделом отдельных государств. Если раньше она могла быть охарактеризована как «картографическое представление отношений между главными борющимися нациями» (23), то теперь этого уже недостаточно. Появляется необходимость согласованного взаимодействия всех членов международного сообщества в выработке и реализации общепланетарной геополитики, в основе которой лежали бы интересы спасения цивилизации для будущих поколений.

Геополитика, бесспорно, оказала и продолжает оказывать влияние как на изучение международных отношений, так и на международную стратегию государств и их правительств. Рассматривая политическую историю США, П. Галлуа с основанием подчеркивает, что главным источником их могущества стало пространство. Во-первых, расстояние, отделяющее их от Старого Света, позволило американцам отказаться от его законов, институтов, нравов и создать новое общество, защищенное удаленностью и океаном. А, во-вторых, протяженность американского континента, явившаяся на первых порах источником опасности для эмигрантов, стимулировала авантюрный и предпринимательский дух их потомков и стала основой величия нации.

Подобные примеры помогают понять причины, благодаря которым теоретические изыскания Х. Макиндера, Р. Челлена, К. Хаусхофера, Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, Н. Спайкмена и др. основателей и «классиков» геополитики, выдвинутые ими афоризмы для объяснения отношений между морскими и сухопутными государствами нашли отклик в политических кругах и генеральных штабах великих держав, предоставив «научную» базу их глобалистским амбициям (см. об этом: 18, р. 37—40). После второй мировой войны отпечаток геополитических установок просматривается и в американской стратегии «сдерживания советской экспансии», и в стремлении руководителей СССР к созданию и удержанию «санитарного кордона» к западу от его государственных границ, и в «доктрине Брежнева». В наши дни элементы геополитической идеологии проявляются не только в пла-

нах великих держав и их поведении на мировой арене, но и в экспансионистской политике региональных квазисверхдержав (например таких, как Ирак или Турция), в соперничестве государств за стратегический или экономический контроль над территориями, расположенными далеко за пределами их национальных границ.

Признавая все это, необходимо, однако, видеть ограниченность геополитических объяснений (а тем более — прогнозов) мировых реалий. Даже при всей произвольности геополитических рамок анализа международной системы, эти рамки слишком узки для их понимания.

Одним из центральных приемов, при помощи которых геополитика аргументирует свои выводы, является то, что Ив Лякост назвал в своей лекции «представлением» — в смысле воображения, а также в том смысле, в каком актер, играющий в театре, представляет свой персонаж (24). Подобного рода эпистемологический прием достаточно широко применяется в социальных науках, более того — составляет важный этап в их развитии. Специфика геополитики, ее особенность состоит в том, что здесь «представление» очень часто принимает самодовлеющий характер, дополняется фантастическими и мистическими рассуждениями и предположениями.

Революция в средствах связи и транспорта, развитие информатики и появление новейших видов вооружений радикально изменяют отношения человека и среды, представления о «больших пространствах» и их роли, делают устаревшим и недостаточным понимание силы и могущества государства как совокупности его пространственно-географических, демографических и экономических факторов. «Геополитический словарь» слишком образен, чтобы претендовать на научную строгость. Альтернативы «Север и Юг», «Запад и Восток», «Теллурократии и Талассократии» слишком метафоричны, чтобы гарантировать от ложных представлений о поляризации «богатых» и «бедных», «развитых и цивилизованных» и «менее развитых, менее цивилизованных», «континентальных» (сухопутных) и морских («островных») государств и их союзов. Положения об исторически перманентном противостоянии «Рима» и «Карфагена», так же как об авторитаризме и демократизме, имманентным, соответственно, сухопутным и морским державам (25) слишком категоричны, чтобы служить достаточным методологическим ориентиром для понимания всех перипетий взаимодействия стран и народов в прошлом, настоящем и будущем. Концептуальные построения как классиков геополитики, так и ее современных приверженцев слишком произвольны, нередко фантастичны, а их аргументы слишком

малоубедительны перед контраргументами (впрочем, нередко столь же малоубедительными, что, однако, не говорит в пользу геополитики) их противников, чтобы исходить из них в понимании основных тенденций в эволюции мировой политики.

Сказанное особенно касается новейших тенденций, связанных с социализацией международных отношений, оттесняющих (хотя и не вытесняющих) государство с роли главного актора трансграничных взаимодействий, во многом изменяющих приоритеты таких взаимодействий.

В связи с вышеизложенным, воздействие, которое оказывает на современную международную систему ее среда, выглядит достаточно неоднозначным. Одним из результатов такого воздействия является резкое возрастание взаимозависимости, интернационализация всех сторон человеческого общения, внутриобщественных и международных отношений, интеграционные процессы, проявляющиеся как объективные, общемировые, а значит, общесоциологические тенденции. Однако эти системообразующие факторы, ведущие к социализации международных отношений, стимулирующие становление своего рода глобального гражданского общества, сопровождаются неравномерным ростом производительных сил в различных странах, находящихся на разных уровнях научно-технического, экономического, социального и политического развития. Сохраняются, а местами и растут национально-государственная обособленность, политические противоречия, столкновение экономических интересов различных стран, усиливающие напряжение в глобальной международной системе, подрывающие ее стабильность, увеличивающие ее конфликтный потенциал. Одновременно все более настоятельными становятся и многообразные формы международного сотрудничества, характерными проявлениями которого выступают интеграционные процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Easton D.* The Political System. — N.Y., 1953.
2. *Sprout H. & M.* Environmental Factors in the Study of International Politics. // *James N. Rosenau (Ed.)*. International Politics and Foreign Policy. - N.Y., 1969, p. 41-56.
3. *Rassett B. & Stair H.* World Politics. Menu for Choice. — San Francisco, 1981, p. 40.
4. *Merle M.* Sociologie des relations Internationales. — Paris., 1988, p. 122.

5. *Sprout H. & M. An Ecological Paradigm for the Study of International Politics.* Princeton. 1968, p. 14.
6. *Singer D.J. The Global System and its Sub-System. A Developmental View.* - N.Y. 1971, p. 32.
7. *Braillard Ph. Theorie des systemes et relations internationales.* Bruxelles. 1977, p. 128.
8. *Modelski G. Agraria and industria. Two Models of the International System.* Princeton. 1961, p. 122.
9. *Easton D. A. Framework for Political Analysis.* — N.J. 1965, p. 66.
10. *Lineage Politics. Essays on the Convergence of National and International System.* Ed. by *James N. Rosenau.* — N.Y.; London, 1969, p. 45.
11. *Young O. A systemic Approach to International Politics.* — Princeton, 1968, p. 24.
12. *Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.* // **Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т.42, с. 116.**
13. *Aron R. Paix et Guerre entre les nations.* — Paris, 1984, p. 398—399.
14. *Samuel A. Nouveau paysage du monde.* — Bruxelles. 1990, p. 109.
15. *Badie B. Culture et politique.* — Paris, 1993, p. 84.
16. *Lacoste Y. Questions de la Geopolitique.* — Paris, 1988.
17. *Angel J. Questions de la Gtopolitique.* — Paris, 1936, p. 103.
18. *Senarclens P. de. La politique internationale.* — Paris, 1992, p. 40.
19. *Huntynger J. Introduction aux relations internationales.* — Paris, 1987, p.134.
20. **См. об этом:** *Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du Monde. Sociologie de la scene Internationale.* — Paris, 1992, p.237—239; Введение в социологию международных отношений. — М., 1992, с. 29—44.
21. *Gallois P.M. Geopolitique. Les voies de la puissance.* — Paris, 1990.
22. **См. об этом:** *Moreau Defarges Ph. Relations internationales. Tome 2. Questions mondiales.* — Paris, 1992, p. 378.
23. *Harkavy R. Great Power Competition for Overseas Dases. The Geopolitics of Access Diplomacy.* — New York, 1982, p. 274.
24. Лекция была прочитана во французском колледже МГУ в ноябре 1992 года.
25. **См. об этом:** *Гливаковский А. Сценарий «атлантистов».*— «День», 03.04.1993.

Глава VII

УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наиболее употребительным термином, которым в науке о международных отношениях принято обозначать участников взаимодействия на мировой арене, является термин «актор». В русском переводе он звучал бы как «актер». И действительно, некоторые зарубежные авторы иногда напоминают об этом его значении. Так, Б. Рассет и Х. Старр подчеркивают, что Шекспир представлял весь мир как большую сцену, а людей — ее актерами (1). Однако, учитывая, что значение термина «актер» в русском языке является гораздо более узким, более конкретным, а также то, что в этом своем конкретном, узком значении (как лицо, исполняющее заранее заданную роль другого персонажа) в науке о международных отношениях он практически не употребляется, в отечественной литературе принят термин «актор» (2).

«Актор» — это любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль, — пишут Ф. Брайар и М.-Р. Джалили. В сфере международных отношений, подчеркивают они, под актором следует понимать любой авторитет, любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние (3).

Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что термин «актор» имеет целый ряд достоинств. Во-первых, он отражает широкий спектр взаимодействующих общностей и поэтому является достаточно всеобъемлющим. Во-вторых, используя его, мы делаем акцент на поведении общностей. Тем самым данный термин помогает понять существо общности, которая ведет себя определенным образом, предпринимает такие-то действия. Наконец, в-третьих, он помогает понять то, что разные актеры играют разные роли: некоторые из них занимают авансцену и являются «звездами», тогда как другие остаются не более чем статистами или же членами хоровой группы. И тем не менее, все они участвуют в создании законченного спектакля на мировой сцене (см.: 1, p. 72).

Социальная общность может рассматриваться как международный актор в том случае, если она оказывает определенное влияние на международные отношения, пользуется признанием со стороны государств и их правительств и учитывается ими при выработке внешней политики, а также имеет ту или иную степень автономии при принятии собственных решений (4). Исходя из этого, становится ясным, что если все акторы являются участниками международных отношений, то не каждый участник может считаться международным актором. Организация, предприятие или группа, имеющие какие-либо отношения с иностранными организациями, предприятиями или гражданами, далеко не всегда могут выступать в роли международных акторов. Наоборот, эту роль может выполнять отдельный человек, — например, такой, как всемирно известный правозащитник А. Д. Сахаров, который, — благодаря тому авторитету, которым он пользовался как среди государственных руководителей многих стран, так и среди демократической общественности, — оказывал известное влияние на отношение Запада к СССР.

Однако в данной связи возникают следующие вопросы. Во-первых, какие из разновидностей социальных общностей, взаимодействующих на мировой арене, могут считаться типичными международными акторами? И, во-вторых, какова иерархия между типами международных акторов, или, иначе говоря, какой из них может рассматриваться как наиболее влиятельный, авторитетный и перспективный? Оба эти вопроса являются, хотя и в разной степени, предметом научных дискуссий, теоретических споров.

Гораздо больше согласия имеется по первому вопросу. Представители большинства теоретических направлений и школ считают, что типичными международными акторами являются государства, а также международные организации и системы. Так, Мортон Каплан различает три типа международных акторов: национальный (суверенные государства), транснациональный (региональные международные организации: например, НАТО) и универсальный (всемирные организации: например, ООН) (5). М. Мерль в качестве типичных международных акторов рассматривает государства, международные организации и транснациональные силы (например, мультинациональные фирмы, а также мировое общественное мнение) (6). Брайар и М.-Р. Джалили добавляют к этим трем типам еще один — так называемых потенциальных акторов (таких, как национально-освободительные движения, региональные и локальные общности: например, Европейский Совет коммун. Европейская Конференция местных органов власти) (см.: 3). Д. Розенау считает основными международными акторами государства, подсистемы (например, органы местной администрации, обладающие определенной автономией

в международной сфере), транснациональные организации (такие, как, например, кампания по производству микросхем «Европейские кремниевые структуры», существующая вне пределов государственной юрисдикции), когорты (например, этнические группы, церкви и т.п.), движения (7).

Вместе с тем, из приведенных примеров видно, что указанное согласие относительно основных типов международных акторов касается прежде всего государства и межгосударственных (межправительственных) организаций. Что же касается вопроса о других участниках международных отношений, то он остается предметом теоретических расхождений. Однако гораздо более серьезные дискуссии ведутся по вопросу о том, какому типу актора следует отдавать предпочтение при анализе международных отношений.

Как мы уже видели, для представителей политического реализма нет сомнений в том, что государство является главным, решающим, если не единственным актором международных отношений. Это касается всех разновидностей политического реализма, хотя одни из них опираются в своей аргументации преимущественно на политические возможности государства (Г. Мор-гентау), другие делают акцент на его социальную сферу (Р. Арон), третьи апеллируют к экономическому потенциалу (Ж. Бертэн).

Более гибкой выглядит точка зрения представителей модернистского направления. Смещая акцент на функционирование международных отношений, опираясь на системный подход, моделирование, количественные методы в их изучении и т.п., представители модернизма не ограничиваются исследованием поведения государств, вовлекая в научный оборот проблемы, связанные с деятельностью международных организаций, международно-политическими последствиями экономической экспансии ТНК и т.п. Вместе с тем, во-первых, чаще всего вопрос о приоритетности того или иного международного актора является для них второстепенным. А, во-вторых, многие представители данного, чрезвычайно гетерогенного направления близки либо к политическому реализму (М. Каплан, К. Райт), либо к другим теоретическим школам, например, таким, как транснационализм и глобализм.

Согласно теоретикам транснационализма или взаимозависимости (Р. Коохейн, Д. Най, Э. Скотт, С. Креснер и др.), одной из характерных особенностей современного этапа в эволюции международных отношений является тот вызов, который бросают позициям государств международные неправительственные организации, мультинациональные фирмы и корпорации, экологические движения и т.п. По мере роста числа международных сделок позиции государств в мировой политике ослабевают, и, на-

против, усиливается роль и значение частных субъектов международных отношений (8). «Глобалисты» (Д. Бартон, С. Митчел и др.) идут еще дальше, представляя мир в виде гигантской многослойной паутины взаимных связей, соединяющих вместе государства и негосударственных акторов, из которой никто не может выбраться (9). Вместе с тем «транснационалисты» остались достаточно лояльными по отношению к политическому реализму и, следовательно, к его трактовке государства как главного международного актора (10). Что же касается «глобалистов», то они имеют тенденцию принижать значение понятия «международный актор» в пользу показа тенденций глобальной взаимозависимости (11).

В неомарксистских концепциях международных отношений (И. Валлерстайн, С. Амин, А. Франк) главное внимание уделяется таким понятиям, как «миросистема» и «мироэкономика», государство же является лишь удобным институциональным посредником господствующего в международном масштабе класса, призванным обеспечить его доминирование над мировым рынком (12).

Каждое из указанных теоретических направлений и школ отражает ту или иную сторону реальности международных отношений. Однако для того, чтобы судить о том, насколько верно такое отражение, необходимо получить более полное представление об особенностях существа и функционирования основных участников взаимодействий на мировой арене.

1. Сущность и роль государства как участника международных отношений

Государство является бесспорным международным актором, отвечающим всем вышеназванным критериям этого понятия. Оно является основным субъектом международного права. Внешняя политика государств во многом определяет характер международных отношений эпохи; оно оказывает непосредственное влияние на степень свободы и уровень благосостояния индивида, на саму человеческую жизнь. Деятельность и даже существование международных организаций, других участников международных отношений в значительной мере зависит от того, как к ним относятся государства. Кроме того, государство является универсальной формой политической организации человеческих общностей: в настоящее время практически все человечество, за небольшими исключениями, объединено в государства. Но процесс образования новых государств продолжается: если в XV веке в мире существовало 5—6 государств, то в 1900 году их становится уже 30, в 1945 г. членами Организации Объединенных наций являлись 60 государств, в 1965 г. в ней состоит уже 100, в 1990 г. — 160, в

1992 г. — 175, а в 1996 году — 185 государств. Для того, чтобы стать членом ООН и, следовательно, получить признание в качестве субъекта международного права, государство должно обладать независимым правительством, территорией и населением.

Происхождение государства связано с переходом человеческих общностей к оседлости, разделением труда, обособлением управленческих функций, сосредоточением их в руках особого социального слоя и установлением политической власти над населением в пределах определенной территории. Американский специалист Д. Фрэнкел связывает формирование государства с развитием у людей потребностей и предпочтений, которые они не могут удовлетворить в одиночку, и поэтому вынуждены объединяться в группы. В зависимости от обстоятельств такие группы различаются по своим размерам и характеру, однако все они сталкиваются с одинаковыми проблемами, связанными со структурой, иерархией и организацией группы, а также ее отношениями с другими группами, которые являются прообразом современных международных отношений (13).

Функции государства в его наиболее развитой форме сводятся к поддержанию порядка и безопасности в рамках отделенной границами территории, созданию условий для социального и экономического развития общества, для распределения благ и услуг, поддержанию занятости и удовлетворению основных потребностей населения (14).

Исторические формы государства характеризуются многообразием: в своем развитии оно прошло путь от мировых империй, предшествовавших античным полисам, до европейских монархий в новое время, возникновения национального государства (или государства-нации) в XIX веке. Однако вплоть до XV—XVI вв. государства в силу отсутствия строгих территориальных границ, слабости центральной власти по отношению к периферии, господства общинной формы организации социума не являлись еще государствами в полном (современном) значении этого понятия (15).

Современная форма государственности связана с понятием суверенитета. Первоначально это понятие означало неограниченную власть монарха осуществлять свою волю внутри страны и представлять государство за его пределами (или, выражаясь современным языком, определять его внутреннюю и внешнюю политику) и отражало стремление правителей освободиться от господства феодальных обычаев и церковной иерархии. После окончания 30-летней религиозной войны в Европе возникает и получает свое закрепление в Вестфальском мирном договоре 1648 г. современная система межгосударственных отношений, основан-

ная на взаимном признании юридического равенства и независимости каждого государства.

В XVIII в. начинается новая фаза в распространении государственности — переход от суверенитета монарха к суверенитету нации. Формируется такая форма государственности, как национальное государство, распространившаяся, начиная с XIX в., на весь европейский регион, а в последующем (особенно с процессом освобождения народов от колониальной зависимости и образованием национальных государств в «третьем мире», который завершается в целом в 60-е годы XX века) и на мир в целом.

Таким образом, генезис и существование современной формы государственности тесно связаны с формированием и развитием такого вида социальной общности, как нация. Следует подчеркнуть, что как не существует «естественных» границ между государствами (все они являются продуктом истории, результатом соотношения сил и потому носят «искусственный», т.е. политический характер), так не существует и оснований для представлений о биологической сущности наций, или их этническом происхождении. Все нации являются многоэтническими образованиями, все они формируются и укрепляются в процессе политической социализации, распространения и усвоения религиозных верований, обычаев, других культурных ценностей, способствующих политической консолидации социальной общности.

Об этом свидетельствуют и основные факторы, лежащие в основе генезиса нации, открытые научным сообществом в результате многочисленных исследований данного феномена. Это, прежде всего, — общность территории проживания, способствующая формированию близости в восприятии природных феноменов и, соответственно, консолидации социальной общности. Это — общность экономической деятельности, определяемая одними и теми же ресурсами, формирующая сходный тип хозяйственной активности. Это — культурное единство, отражаемое в общности языка, религии, социальных норм поведения. Определенную роль в формировании нации может играть и общее этническое происхождение людей, хотя эта роль отнюдь не может считаться решающей. Это, наконец, — общий исторический опыт, ощущение общей судьбы, общности прошлого, настоящего и будущего. В то же время ни один из указанных факторов не является достаточным для того, чтобы рассматривать социальную общность как нацию. Так, для многих наций характерно наличие нескольких языков (Швейцария), религий (Китай), культур (Индия) и т.п. Пожалуй наиболее устойчивой является общность национального самосознания, ощущения единства исторической судьбы (см.: 1, р. 63—65).

Английский специалист Э. Смит отмечает, что формирование национальной идентичности явилось основным элементом процессов легитимизации социального и политического порядка. Назначение национальной идеологии состоит в формировании связей солидарности между индивидами и социальными классами, мобилизации с этой целью общих ценностей и культурных традиций. Национальные доктрины производят мифы, символы, апеллирующие к рациональности идеологии, призванные служить оправданию и укреплению государства. Они предлагают каждому индивиду как личную, так и социальную идентичность, позволяющую ему отличать себя от остального мира и от других культур. Их распространению в той или иной мере способствуют все правительства, заинтересованные в закреплении национальных особенностей, легитимизирующих государственный суверенитет (16).

Определяющую роль в формировании и закреплении национальной идеологии играют политические и интеллектуальные элиты. Это характерно и для тех неевропейских регионов, в которых формирование наций происходит под влиянием империализма: профессиональные элиты указанных регионов, стоящие во главе движения за освобождение от всех форм колониального господства и политическую независимость, фактически воспроизводят в государственности, как форме политической организации общества, политическую модель метрополий. Вместе с тем здесь процесс формирования наций идет как бы «наоборот»: не нация предшествует и сопровождает генезис государственности, а государство используется как решающий инструмент в формировании наций. Именно этим объясняется парадоксальный, на первый взгляд, факт существования на политической карте мира государств (например, в постколониальной Африке), не имеющих нации: речь идет о процессе создания нации «мы-восприятия», которая подошла бы под уже существующее государство, а не о процессе поиска нацией своего собственного государства (см.: 1, р. 63).

Как уже отмечалось, одной из решающих в понимании происхождения и сущности государства является категория «национально-государственный суверенитет». Она имеет два основных аспекта — внутренний и внешний. Речь идет, с одной стороны, о свободе государства избирать свой путь экономического развития, политического режима, гражданского и уголовного законодательства и т.п. А с другой, — о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга, о их равенстве и независимости. Однако принцип суверенитета национальных государств приводит к неоднозначным последствиям в международных отношениях.

Во-первых, каждое государство вынуждено так или иначе сочетать в своей внешней политике достаточно противоречивые

функции. По определению одного из основателей современной американской политической науки А. Уолферса, каждое государство может стремиться к национальной экспансии (self-extension) в самом широком смысле этого термина, включающем увеличение территорий, влияния, ресурсов, союзников и т.п. Оно может быть озабочено защитой (сохранением) своего пространства и своего национального интереса (self-preservation). Наконец, оно может отказываться от тех или иных непосредственных выгод в пользу укрепления мира и солидарности в межгосударственных отношениях (self-abnegation) (17).

Во-вторых, каждое государство стремится к обеспечению собственной безопасности. Однако это стремление, ввиду того, что оно свойственно всем суверенным государствам-нациям в условиях «плюрализма суверенитетов», порождает одну из самых сложных и животрепещущих проблем международных отношений — так называемую «дилемму безопасности». Она состоит в том, что увеличение безопасности одного из государств может рассматриваться как небезопасность для другого и вызывать с его стороны соответствующие реакции — от гонки вооружений до «превентивной войны».

Наконец, в-третьих, если все государства-нации равны, то, как остроумно замечают Б. Рассет и Х. Старр, «некоторые из них равны больше, чем другие» (см.: 1, р. 79). Действительно, формально-юридическое равенство государств с точки зрения международного права не может отменить того обстоятельства, что они различаются по своей территории, населению, природным ресурсам, экономическому потенциалу, социальной стабильности, политическому авторитету, вооружениям, наконец, по своему возрасту. Эти различия резюмируются в неравенстве государств с точки зрения их национальной мощи. Следствием такого неравенства является международная стратификация, с характерной для нее фактической иерархией государств на международной арене.

Исследуя международную стратификацию с позиций исторической социологии, английский ученый И. Луард приходит к выводу, что на всех этапах своего существования — от Римской империи, где государства-данники зависели от центральной власти, и Китайской многогосударственной системы, где власть была неравномерно распределена между большими группами государств, до современности — международные отношения всегда были стратифицированы по тем или иным основаниям (18). В международных отношениях, которые интересуются причинами социальной стратификации и ее последствиями на поведение акторов, в объяснении этого феномена существует два основных направления.

Одно из них — «консервативное» — рассматривает стратификацию как следствие функциональной специализации: общество стратифицируется потому, что позиции, которым приписывается большая ценность, обеспечивают тем, кто их занимает, власть, привилегии или престиж. С этой точки зрения, интеграция общества и социальный порядок являются продуктами стратификации и, более того, в степени стабильности общества отражается степень ценностного консенсуса его членов. Представители второго — «радикального» направления — считают, что общественный порядок всегда основан на принуждении, а стратификация общества постоянно сопровождается процессом, при котором власть, привилегии и престиж определенного социального слоя достигаются и поддерживаются благодаря систематической эксплуатации **им** других слоев. Сформулированная марксистами такая точка зрения разделяется не только близкими к марксизму, но и сторонниками иных теоретических течений.

Большинство идей, связанных со стратификацией международных отношений, было заимствовано именно из радикального направления (19). В рамках науки о международных отношениях литература по вопросу о стратификации подразделяется на два течения: «интеракционизм» и «структурализм». Первое рассматривает взаимодействующие государства в качестве автономных элементов стратифицированной системы международных отношений, положением в которой и объясняется их поведение (М. Кап-лан, А. Органски, Р. Роузкранс, Д. Сингер, К. Дойч, К. Уолц и др.). Второе исходит из того, что в XX веке государства уже не являются автономными, а играют разную роль в общемировой капиталистической системе, причем эта роль зависит от того, какое место они занимают в данной системе — центральное или периферийное (Р. Пребич, Б. Браун, П. Баран, П. Суизи, А. Франк, И. Галтунг, С. Амин, И. Валлерстайн и др.). Таким образом, если для интеракционистов государство как международный актор представляет главный предмет анализа, то структуралисты, рассматривающие прежде всего отношения между центром и периферией в мировой системе, чаще всего не принимают его за единицу анализа.

Как уже отмечалось выше, одним из наиболее широко распространенных видов международной (межгосударственной) стратификации считаются неравные возможности государств защитить свой суверенитет, вытекающие из неравенства их национально-государственной мощи. С этой точки зрения различают сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства и микрогосударства (см.: 5, гл. II).

Сверхдержавы выделяются по следующим признакам: а) способность к массовым разрушениям планетарного масштаба, под-

держиваемая благодаря обладанию и совершенствованию ядерного оружия; б) способность оказывать влияние на условия существования всего человечества; в) невозможность потерпеть поражение от любого другого государства или их коалиции, если в такую коалицию не входит другая сверхдержава.

В отличие от них, великие державы оказывают существенное влияние на мировое развитие, но не господствуют в международных отношениях. Они нередко стремятся играть мировую роль, однако реальные возможности, которыми они располагают, ограничивают их роль либо определенным регионом, либо отдельной сферой межгосударственных отношений на уровне региона.

Средние державы обладают прочным влиянием в своем ближайшем окружении. Это отличает их от малых государств, влияние которых является слабым. Однако малые государства располагают достаточными средствами для сохранения своей независимости и территориальной целостности. Микросоциалства же в принципе неспособны защитить свой суверенитет собственными силами.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какие из государств считать малыми, а какие — микросоциалствами. Большинство склоняется к тому, что критерием в данном случае может выступать количество населения: в одних случаях микросоциалствами считаются страны, население которых не превышает 1 млн. человек, в других эта цифра доходит до 2 миллионов. ЮНИТАР использовал в этом случае более сложный критерий определения величины, мощи и статуса государств, включающий анализ величин их площади, населения и ВВП. Б. Рассет и Х. Старр предложили учитывать также военный потенциал, продолжительность жизни населения, процент детской смертности, количество врачей и койкомест в медицинских учреждениях на душу населения, его расовый состав, долю городских и сельских жителей и т.п. (см.: 1, р. 82—90). Однако в этом случае появляется риск утраты решающих критериев и, следовательно, риск «утопить» проблему в огромной массе важных, но все же не определяющих признаков.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через свою внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение — удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Однако в наши дни такое понимание внешней политики и международных отношений обнаруживает свою явную узость, ибо внешняя политика уже не может не принимать в расчет проблемы экологии и научно-технического прогресса, экономики и средств

ции, коммуникаций и культурных ценностей. А главное — оно не способно отразить как тот факт, что традиционные проблемы международных отношений претерпевают существенные видоизменения под влиянием всех этих новых факторов, так и действительную роль и подлинное место негосударственных международных акторов.

2. Негосударственные участники международных отношений

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют межправительственные организации (МПО), неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Возрастание их роли и влияния — относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Данное обстоятельство в сочетании с длительным и практически безраздельным господством реалистической парадигмы объясняет то, что они все еще сравнительно слабо изучены политической наукой (см.: 14, р. 129). Отчасти это связано и с неочевидностью их подлинного значения, отражаемой в таких терминах как «невидимый континент» (И. Галтунг) или «второй мир» (Д. Розенау). Сказанное касается не только участников, которых Д. Розенау называет «подсистемами», но и международных организаций, которые, казалось бы, у всех «на слуху».

Французский специалист Ш. Зоргбиб выделяет три основных черты, определяющие международные организации: это, во-первых, политическая воля к сотрудничеству, зафиксированная в учредительных документах; во-вторых, наличие постоянного аппарата, обеспечивающего преемственность в развитии организации; в-третьих, автономность компетенции и решений (20).

Указанные черты в полной мере относятся к *международным межправительственным организациям (МПО)*, которые являются стабильными объединениями государств, основанными на международных договорах, обладающими определенной согласованной компетенцией и постоянными органами (21). Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Венский Конгресс 1815 г., возвестив об окончании наполеоновских войн и рождении новой эпохи в международных отношениях, одновременно возвестил и о появлении в них нового участника: Заключительным актом Конгресса было провозглашено создание первой МПО — Постоянной комиссии по судоходству по Рейну. К концу XIX века в мире существовало уже более десятка подобных организаций, появившихся как следствие ин-

дустриальной революции, породившей потребность в функциональном сотрудничестве государств в области промышленности, техники и коммуникаций и т.п.: Международная Санитарная Конвенция (1853), Международный Телеграфный Союз (1865), Международное Бюро Мер и Весов (1875), Всемирный Почтовый Союз (1878), Союз Защиты Промышленной Собственности (1883), Международная Организация Уголовной Полиции (Интерпол, 1923), Международный Сельскохозяйственный Институт и др.

МПО непосредственно политического характера возникают после Первой мировой войны (Лига Наций, Международная Организация Труда), а также в ходе и особенно после Второй мировой войны, когда в 1945 г. в Сан-Франциско была образована Организация Объединенных Наций, призванная служить гарантом коллективной безопасности и сотрудничества стран-членов в политической, экономической и социальной областях. Параллельно с развитием ее специализированных органов и институтов создаются межправительственные организации межрегионального и регионального характера, направленные на расширение сотрудничества государств в различных областях: Организация Экономического Сотрудничества и Развития, объединяющая 24 наиболее развитые страны мира (1960), Совет Европы (1949), Европейское Объединение Угля и Стали (1951), Европейское Экономическое Сообщество (Общий Рынок, 1957), Европейское Сообщество по Атомной Энергии (Евратом, 1957), Европейская Ассоциация Свободной Торговли (ЕАСТ, 1960), Лига Арабских Государств (1945), Организация Американских Государств (1948), Организация Африканского Единства (1963) и др. С 1945 года число МПО удвоилось, составив к началу 70-х гг. 220 организаций. В середине 70 годов их было уже 260, а в настоящее время — более 400 (см.: 1, p. 73).

Потребности функционирования этих организаций вызывают необходимость созыва периодических конференций представителей входящих в них стран, а подготовка таких конференций и выполнение их решений, в свою очередь, ведет к созданию постоянных административных структур — «аппарата». При этом, если администрация и аппарат первых МПО были достаточно скромными (так, например, Всемирный Почтовый Союз был представлен его руководителем и шестью постоянными функционерами), то в ООН в настоящее время занято более пятидесяти тысяч человек (см.: 20, p. 5; 14, p. 128).

Отмеченное увеличение количеств МПО и численности их постоянных работников есть одно из свидетельств роста взаимозависимости государств и их многостороннего сотрудничества на постоянной основе. Более того, будучи созданы, подобные организации приобретают определенную автономию по отношению

к государствам-учредителям и становятся отчасти неподконтрольными им. Это дает им возможность оказывать постоянное влияние на поведение государств в различных сферах их взаимодействия и, в этом смысле, играть роль наднационального института.

Однако здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Наднациональные институты в подлинном значении этого термина, — т.е. такие, чьи решения являются обязательными для всех государств-членов, даже если они с ними не согласны, — в международных отношениях являются редким исключением. Подобные институты существуют сегодня только в рамках Европейского Сообщества. Комиссия, Совет министров и Суд этой организации обладают правом принимать обязательные для исполнения всеми государствами-членами решения в экономической, социальной и даже политической областях на основе принципа квалифицированного большинства. Тем самым происходит изменение взглядов на священный для международного права принцип государственного суверенитета, а органы ЕС все больше напоминают органы конфедерации, являясь выражением растущей интеграции современного мира.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно новом влиятельном международном акторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций как: *универсальный* (например, ООН или Лига Наций); *межрегиональный* (например, Организация Исламская Конференция); *региональный* (например, Латиноамериканская Экономическая Система); *субрегиональный* (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием, различают: *общецелевые* (ООН); *экономические* (ЕАСТ); *военно-политические* (НАТО); *финансовые* (МВФ, Всемирный Банк); *научные* («Эв-рика»); *технические* (Международный Союз Телекоммуникаций); или еще более узко специализированные МПО (Международное Бюро Мер и Весов).

В то же время указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными и субрегиональными (Организация Стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация достаточно относительна: так, даже технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции; тем более это относится к таким органи-

зациям, как, скажем. Всемирный Банк или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах — членах либеральных рыночных отношений, что, конечно, является политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и, тем более, политическую автономию МПО.

Так, например, в статье 100 Устава ООН говорится:

«1. При исполнении своих обязанностей Генеральный Секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией.

2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального Секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей» (22).

Однако на деле господствующее влияние на ориентацию деятельности ООН и ее институтов имеют США и их союзники. Этому способствует действующий в указанных институтах принцип уравнивающего голосования при принятии решений, в соответствии с которым наибольшими возможностями располагают государства, оказывающие этим институтам наибольшую финансовую поддержку. Благодаря этому США располагают около 20% голосов в МВФ и Всемирном Банке (см.: 14, р. 136). Все это ставит проблему эффективности МПО и особенно такой, наиболее крупной и универсальной из них по своим задачам, как

ООН.

Созданная в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, способствуя обмену мнениями и улучшению взаимопонимания между ними, ООН в условиях холодной войны нередко служила местом ожесточенных пропагандистских схваток, выступала как сугубо политизированное учреждение, демонстрировала несоответствие конкретных результатов требованиям современности, неспособность обеспечить решение возложенных на нее задач (23).

Специалисты отмечают и такое противоречие, явившееся обратной стороной принципа равноправия всех членов ООН, как ситуация, когда значительная часть членов ООН — малых или даже микросоударств — обладает равными голосами с крупными странами. Тем самым решающее большинство может быть составлено теми, кто представляет менее десяти процентов мирового населения, что так же недопустимо, как и доминирование

в этой организации небольшой группы великих держав (24). Генеральный Секретарь ООН отмечает, что «двусторонние программы помощи зарубежным странам нередко были инструментом «холодной войны» и до сих пор остаются под сильнейшим воздействием соображений, продиктованных интересами политического влияния и национальной политики» (25).

В конце 80-х — начале 90-х годов окончание «холодной войны» принесло новые возможности укрепления этой всемирной организации, увеличения ее потенциала и эффективности, решения ею проблем, связанных с выполнением своего мандата. Многие из этих проблем объясняются ограниченностью всякой межправительственной организации рамками государственно-центричной модели поведения. Государство — действительно универсальная модель политической организации людей, о чем свидетельствует ее распространение на все новые нации и народы. Однако уже приведенные факты противоречий между формально-юридическим равенством и фактическим неравенством государств доказывают, что ее роль нельзя абсолютизировать. Исследования в области социологии международных отношений показывают, что во многих к тому же становящихся все более частыми ситуациях интересы людей и их «патриотизм» связаны не с государством, а с другими общностями, политическими или культурными ценностями, которые воспринимаются ими как более высокие:

это могут быть ценности панисламизма, связанные с чувством принадлежности к более широкой общности, чем нация-государство, но это могут быть и ценности, связанные с этнической идентификацией субгосударственного характера — как это имеет место у курдов или берберов. В этой связи сегодня все более ощутимо возрастает роль **международных неправительственных организаций (НПО).**

В отличие от межправительственных организаций, НПО — это, как правило, нетерриториальные образования, ибо их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности (см.: 3, р. 47). Вот почему их причисляют к «новым акторам» (М.-К. Смуц), «акторам вне суверенитета» (Д. Розенау), «транснациональным силам» (М. Мерль), «транснациональным организациям» (Ш. Зоргбиб) и т.п.

Существует как узкое, так и расширительное понимание НПО. В соответствии с первым, к ним не относятся общественно-политические движения, транснациональные корпорации (ТНК), а тем более — организации, созданные и существующие под эгидой государств. Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили под НПО понимают структуры сотрудничества в специфических областях, объ-

единяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные организации (например, Экуменический Совет Церквей), организации ученых (например, Пагоушское Движение); спортивные (ФИФА), профсоюзные (МФП), правовые (Международная Амнистия) и т.п. организации, объединения, учреждения и ассоциации (см.: 3, р. 47—50).

Напротив, Ш. Зоргбид считает, что термин «НПО» включает три вида организаций или институтов. Во-первых, это «силы общественного мнения». Они не могут составить реальную конкуренцию государствам как международным акторам, с точки зрения влияния на мировую полигику, но оказывают существенное воздействие на международное общественное мнение. Сюда относятся различного рода «интернационалы»: политические (например, Социнтерн); религиозные (например, Экуменический Совет Церквей); гуманитарные (Международный Красный Крест). Во-вторых, это «частные транснациональные власти», т.е. организации и институты, символизирующие появление на мировой арене новых «экономических, оккультных и неконтролируемых» сил. Они выражают расхождение между политической и экономической властью в международных отношениях и серьезно сотрясают организацию «мирового общества». Сюда относятся транснациональные предприятия (ТНП), с одной стороны, и транснациональный синдикализм, с другой. Наконец, в-третьих, это «ассоциации государств-производителей». Речь идет об организациях, которые являются межправительственными по своей структуре и составу, но транснациональными по характеру деятельности и которые «стремятся утвердить свое экономическое влияние в международном обществе, воспроизводимом как единое пространство, как общепланетарная общность». Сюда относятся:

Межправительственный Совет Стран Экспортеров Меди, Организация Стран Экспортеров Железа, Международная Ассоциация Боксита и, конечно, Организация Стран Экспортеров Нефти (ОПЕП) (см.: 20, р. 91-118).

Таким образом, речь идет, по существу, о всех негосударственных участниках международных отношений, о том, что Д. Розенау назвал, в противовес традиционному миру государственных международных акторов, «вторым миром», или «полицентричным миром», состоящим из огромного, почти бесконечного числа участников, о которых можно с уверенностью сказать только то, что они способны на международную деятельность, более или менее независимую от государства (см.: 7). Подобное понимание свойственно и теоретикам взаимозависимости, или транснационализма (см.: 8; 9).

Однако и в «узком» (и, по-видимому, более точном) понимании данного термина, НПО прошли впечатляющую эволюцию с

XIX в., когда появились первые международные неправительственные организации, до наших дней. Так, Британское и Международное Общество Борьбы против Рабства было образовано еще в 1823 году. В начале XX века создается целый ряд добровольных обществ, в частности ведущих свою деятельность в рамках конфессиональных институций. В 1905 году насчитывается 134 НПО, в 1958 г. — их уже около тысячи, в 1972 г. — от 2190 до 2470, а конце восьмидесятых годов — 4000 (см. 1, p. 76; 3, p. 48; 14, p. 154; 15, p. 209). Особенно интенсивным процесс создания НПО стал с появлением на международной арене Организации Объединенных Наций. Многие НПО получают консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН и ее специализированных институтах и учреждениях, что находит свое отражение в статьях 71 и 58 Устава ООН.

НПО различаются по своим размерам, структуре, направленности деятельности и ее задачам. Однако все они имеют те общие черты, которые отличают их как от государств, так и от неправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, действующие, говоря словами Г. Моргентау, во имя «интереса, выраженного в терминах власти». В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты и, кроме того, принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы. И все же, им все чаще удается добиваться выполнения тех задач, которые они ставят перед собой, — и не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым НПО, — в частности тем, сферой деятельности которых являются защита прав человека, экологические проблемы, или гуманитарная помощь, — удалось добиться «права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств» (этот вопрос будет рассмотрен подробнее в главе XI).

Основным «оружием» НПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей — оказание давления на неправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная Амнистия, Международная Федерация по Правам Человека или Всемирная Организация Борьбы против Пыток (последняя показательна и в том отношении, что объединяет усилия более 150 национальных организаций, целью которых является борьба против применения

пыток). Поэтому НПО подобного рода нередко называют «международными группами давления». Как известно, в политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организаций от политических партий: если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением, с целью защиты своих интересов, оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов (например, профсоюзы, предпринимательские объединения, женские организации и т.п.). Аналогичный характер имеют и международные НПО — как с точки зрения отношения к «власти» и методов действия, так и эффективности в достижении выдвигаемых целей.

Возможно, что не все НПО играют роль международных групп давления (определенные сомнения в этой связи могут иметься относительно организаций, обладающих консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и ее институтах). Однако их совокупное воздействие зримо меняет сам характер международных отношений, делает их существенно отличными от характера традиционных межгосударственных отношений, эпоха которых уходит в прошлое.

Немалое влияние на существо и направленность изменений в характере международных взаимодействий оказывают такие специфические неправительственные организации, как *транснациональные корпорации (ТНК)*, которые «подтачивают» национальный суверенитет государств в такой важной сфере общественных отношений, как экономика. Речь идет о предприятиях, учреждениях и организациях, целью которых (в отличие от НПО, охарактеризованных выше) является получение прибыли, и которые действуют через свои филиалы одновременно в нескольких государствах, в то время как центр управления и решений той или иной ТНК находится в одном из них.

Действительно, крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко и перед средними и даже великими державами. Так, например, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине семидесятых годов достиг свыше 30 миллиардов долларов, что превысило объем внутреннего национального продукта (ВНП) такой экономически развитой страны, как Швейцария (см.: 2, р. 77), и лишь немногим уступало ВНП Мексики. Это дает ТНК возможность оказывать существенное воздействие в своих интересах и на политическую сферу — как в странах базирования, так и в мире в целом. Характерный пример в данном отношении дает роль американской компании ИТТ в свержении правительства С. Альенде в Чили в начале семидесятых годов.

ТНК — явление достаточно противоречивое. Они, несомненно, способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальные потрясения, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства; новые формы господства и зависимости — экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, к разрушению национальных традиций, конфликту культур. Также бесспорно и то, что ТНК усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок для становления единой глобальной культуры как планетарного, общецивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений — как марксистского и неомарксистского, так и либерально-демократического характера. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения». Однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом, что неудивительно, если учитывать заинтересованность наиболее развитых в экономическом и наиболее влиятельных в политическом отношении стран в беспрепятственном функционировании рыночной экономики.

В современном мире насчитывается не менее семи тысяч ТНК, имеющих около 26 тысяч филиалов в различных странах на всех континентах (см.: 1, р. 78). Однако их непосредственная экспортно-импортная и инвестиционная деятельность затрагивает, главным образом, три экономические зоны, представленные США, ЕЭС и Японией, и вне этих зон касается еще около десятка развивающихся государств. Относительная защищенность рынков, развитость инфраструктур образовательной, исследовательской и информационной сфер, обеспечивающих гарантии в необходимой высококвалифицированной рабочей силе, влекут за собой распространение передовых технологий, сходство в образе и уровне жизни и потребления во всех трех экономических зонах. Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Так, торговые связи между США и остальным миром на 80 % находятся в руках ТНК. В 1988 г. экспорт товаров и услуг из американских филиалов ТНК в Соединенные Штаты

составил 87 миллиардов долларов, или 19 % всего импорта США (см.: 14, р. 89).

Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Пожалуй, наиболее значимыми среди этих последствий, вызвавшими эпохальные изменения в облике современного мира и характере международных отношений, явились кризис в СССР, распад «мировой социалистической системы», а затем и разрушение Советского Союза со всеми его драматическими результатами для России и других бывших союзных республик. Конечно, указанные события имели и глубокие внутренние причины — неэффективность установленной в результате революции 1917 года социально-экономической и политической системы, преступные режимы, некомпетентные и коррумпированные руководители и т.п. Но особенно важную роль эти внутренние причины приобрели именно в свете той постиндустриальной революции конца 60-х — начала 70-х годов, которая так нелегко далась Западу и которая, фактически, прошла мимо нашей страны. По вине своих бездарных руководителей, увлеченных сиюминутными выгодами от «нефтедолларов», а по сути, от хищнической эксплуатации природных богатств в сложившейся в те годы мировой экономической конъюнктуре, СССР оказался в ситуации прогрессирующего отставания от века микроэлектронных технологий. Попытки же «подтянуть» систему до уровня экономически развитого мира путем «ускорения» и «перестройки» оказались роковыми для страны, политическая система которой обнаружила свою полную неспособность к какому-либо реформированию. Во всяком случае, сегодня становится все более очевидной бесплодность и разрушительный характер попыток подобного «реформирования», если они не предваряются продуманными, учитывающими социо-культурные реальности и традиции народа экономическими преобразованиями.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике, то есть отвечают всем признакам влия-

тельного международного актора.

В меньшей степени этим признакам отвечают *другие участники международных отношений* — такие, как, например, национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, мафиозные группировки, террористические организации, региональные и местные администрации, отдельные лица. Часть

из них, например, национально-освободительные и сепаратистские движения, являются, скорее, международными субъектами в вышеприведенном социологическом (а не юридическом) значении этого термина, — то есть они стремятся стать акторами (в данном случае, суверенными государствами). С этой целью они добиваются членства или хотя бы статуса наблюдателя в авторитетных межправительственных организациях, считая участие в них важным звеном в обретении статуса международного актора. Так, ООП является членом Лиги Арабских Государств, Организации Исламская Конференция, Движения Неприсоединения и обладает статусом наблюдателя в ООН. Это, однако, не давало ей вплоть до последнего времени полной легитимности в глазах некоторых международных акторов (прежде всего Израиля, но также, в известной степени, и таких арабских государств, как Амман и Иордании). Несмотря на провозглашение председателем ООП Я. Арафатом на сессии Национального Совета Палестины 15 декабря 1988 г. создания Палестинского государства и признание его большинством арабских государств, фактического образования (а соответственно, и международно-правового признания) такого государства не произошло.

Растущая взаимозависимость приводит к развитию функционального и институционального международного сотрудничества, участниками которого выступают различные предприятия, фирмы, административные структуры и граждане приграничных зон соседних государств, а также регионы и отдельные города различных стран (см.: 3, р. 53—55). В первом случае (функциональное трансграничное взаимодействие) речь идет об установлении контактов и обменов между представителями сопредельных государств, в основе которого лежит общность интересов и потребностей, и которое нередко устанавливается как бы стихийно, то есть помимо официальных договоренностей между государствами (а иногда и вопреки им). Таковы, например, отношения между жителями приграничных районов России и Китая или отношения между сопредельными районами стран СНГ, жители которых фактически игнорируют запреты и ограничения властей на взаимную торговлю. Примером второго (институционального сотрудничества локального характера) выступают достаточно представительные международные организации, формирующиеся вне национально-государственных рамок (Ассоциация породненных городов; Совет коммун Европы и т.п.). Кроме того, в федеративных государствах наблюдается феномен своего рода фрагментации внешней политики, когда руководство субъектов федерации в стремлении более полно отстаивать свои интересы устанавливает прямые связи на международной арене и тем самым как бы нарушает прерогативы суверенного государства, частью которого дан-

ный субъект является. Иногда развитие такой, по выражению канадского исследователя П. Сольдатоса, «субнациональной дипломатии» происходит с согласия соответствующих государств и осуществляется в рамках международного права: так, Квебек уже с 1882 г. имеет своего генерального представителя во Франции (см.: там же, р. 54). В других случаях наблюдается конфликт центральных и местных властей. В настоящее время это характерно для Российской Федерации.

Указанные примеры вновь возвращают нас к центральному для проблемы участников международных отношений вопросу:

какой из типов этих участников — государство, международные организации или же «параллельные участники» («акторы вне суверенитета») — будет определять содержание и характер международных отношений в обозримом и более отдаленном будущем? Как мы могли убедиться, по данному вопросу существует множество точек зрения, крайние из которых отдают предпочтение либо традиционным (прежде всего государству), либо нетрадиционным участникам. Важно, однако, подчеркнуть, что сторонники как одного, так и другого из этих полюсов избегают детерминистских подходов. Поэтому существо полемики перемещается в методологическую плоскость: что считать основой для выводов? Поиск специфических факторов, оказывающих влияние на поведение акторов и изучение той роли, которую играют те или иные из этих факторов в эволюции международных отношений? Или же анализ традиционных и нетрадиционных акторов, с целью определения главных и второстепенных из них с точки зрения как состояния, так и тенденций указанной эволюции? Споры продолжаются, и острота их усиливается по мере нарастания признаков изменения привычного международного порядка, исключающих однозначные ответы на вышеприведенные вопросы. Вместе с тем не вызывает сомнений то обстоятельство, что указанные изменения во многом зависят от целей, которые ставят перед собой международные акторы, и от избираемых ими средств их достижения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Rassett B., Starr H.* World politics. Menu for Choice. — San Francisco, 1981, p. 71.
2. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Полнгика. Международные отношения. — М., 1974.
3. *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations Internationales. — Paris, 1988, p. 31.
4. *Kaplan A.* The Language of Inquiry. — N.Y., 1964.

5. *Kaplan M.* System and Process in International Politics. — N.Y., 1957.
6. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. — Paris, 1974.
7. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. — Princeton, New Jersey, 1990.
8. *Най Дж.С (младший).* Взаимозависимость и изменяющаяся международная полигика // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989, № 12; *Keohane R. & Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. — Boston, 1977.
9. *Barton J.W.* World Society. — Cambridge, 1972.
10. *Rioux J.-F., Keenes E., Legare G.* Le neo-realisme ou la reformulation du paradigme hegemonique en relations internationales // *Etudes internationales*, XDC, 1982.
11. *Maghmoni R., Ramberg B.* Globalism Versus Realism — International Relations Third Debate. Boulder. 1982.
12. *Wallerstein I.* The Politics of the World Economy. — Cambridge, 1984.
13. *Frankel J.* International Relations in the Changing World. — Oxford, New York, 1979, p. 10.
14. *Senarckns P. de.* La politique internationale. — Paris, 1992, p. 116.
15. *Huntynger J.* Introduction aux relations internationales. — Paris, 1988, p. 115—117; *Чеушков М.А.* Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение? // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993, М° 1.
16. *Smith A.* State and Nation and the Third World. — Brighton, 1983.
17. *WoVers A.* Discord and Colloboration. — Baltimore, 1962; *Korany B.* et coll. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnfes. — Montreal, 1987, p. 136.
18. *Luard E.* Types of the International Society. — N.Y., 1976.
19. *Little R.* International Stratification. — in: *Internatinal Relations Theory.* - N.Y., 1978.
20. *Zorgbibe Ch.* Les organisations internationales. — Paris, 1991, p. 3.
21. *Зайцева О.* О методологии изучения международных организаций // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992, № 6.
22. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. — М., 1989.
23. *Козырев А.В.* ООН — демократия против тоталитаризма // *Мировая экономика и международные отношения.* 1990, № 12.
24. *Нестеренко А.Е.* Потенциал ООН // *Международная жизнь.* 1990, № 5.
25. *Бутрос-Гали Б.* Укрепление потенциала Организации Объединенных Наций // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993, № 4, с. 11.

Глава VIII

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ характерных особенностей основных участников международных отношений и их взаимодействия друг с другом способствует лучшему пониманию социальной природы этих отношений и одновременно выводит на новую группу вопросов, связанную с таким пониманием. В самом деле, какие цели преследуют и какими интересами руководствуются участники международных отношений? Каковы те наиболее распространенные средства и стратегии, которые используются ими для достижения поставленных целей? Изменилась ли роль силы в составе средств, используемых международными акторами для достижения своих интересов?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, подчеркнем еще раз мысль о том, что основными участниками международных отношений являются государства. Действительно, автономия межправительственных организаций и институтов как участников международных отношений носит относительный характер уже в силу того, что принимаемые ими решения и их реализация невозможны без участия соответствующих государств. Что же касается неправительственных организаций, различного рода движений и частных субъектов, то, хотя они и могут не только вступать в противоречие с теми или иными государственными структурами и государством в целом, но и преодолевать их сопротивление в достижении своих целей, понимание этих целей невозможно без понимания целей, интересов и стратегий государств. Именно поэтому, как правило, в рассмотрении вышеобозначенных вопросов исследователи исходят, прежде всего, из анализа государств как основных участников международных от-

ношений, хотя, как уже подчеркивалось, сведение международных отношений только к межгосударственным было бы неправомерно.

1. Цели и интересы в международных отношениях

Анализ целей участников международных отношений является не только одним из важнейших условий понимания их особенностей, но и одной из наиболее трудных задач. Дело в том, что цель — категория во многом субъективная, и судить о ней можно лишь на основании действительных последствий тех действий, которые предпринимаются участниками международных отношений, причем и в этом случае степень достоверности такого суждения отнюдь не абсолютна и далеко не однозначна. Это тем более важно подчеркнуть, что результаты деятельности людей нередко сильно расходятся с их намерениями.

И тем не менее в социологической науке выработан такой подход к пониманию целей, который, не являясь абсолютной гарантией против субъективности, зарекомендовал себя как достаточно плодотворный. Речь идет о подходе с точки зрения поведения субъекта, то есть с точки зрения анализа последствий его поступков, а не его мыслей и декларируемых намерений. Так, если из нескольких возможных последствий какого-либо действия мы наблюдаем то, которое происходит, и имеем основание считать, что его бы не было без желания действующего субъекта, это означает, что указанное последствие и являлось его целью (1). В качестве примера можно назвать подъем популярности правительства М. Тэтчер в Великобритании в результате его действий по выходу из Мальвинского кризиса.

Основываясь на указанном подходе, большинство представителей науки о международных отношениях определяют цели как предполагаемый (желаемый) результат действия, являющегося его причиной (побудительным мотивом) (см., например: 1; 2; 3). Это относится как к сторонникам политического реализма, так и к представителям других теоретических школ в науке о международных отношениях, в том числе марксистского и неомарксистского течений. Последние основываются, в частности, на положении К. Маркса, согласно которому «будущий результат деятельности существует сначала в голове человека идеально, как внутренний образ, как побуждение и цель. Эта цель как задача определяет способ и характер действий человека, и ей он должен подчинять свою деятельность» (4).

Определенная методологическая близость отмечается также и в понимании значения категории «интерес» для анализа соотношения объективного и субъективного в структуре целей участников международных отношений. Не случайно этой категории уделяется большое внимание в работах представителей самых различных течений в науке о международных отношениях. Так, например, теоретические построения школы политического реализма конструируются, как мы уже видели, на основе категории «интерес, выраженный в терминах силы (power)». С точки зрения Г. Моргентау, национальный интерес содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). В свою очередь, центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств (5).

В первой главе уже отмечалось, что Р. Арон (и ряд его последователей) считал понятие национального интереса слишком многозначным и потому малооперациональным для анализа целей и средств международных отношений. Вместе с тем его положения о так называемых вечных целях любого государства по существу совпадают с традиционным пониманием национального интереса, присущим школе политического реализма. В самом деле, с точки зрения Р. Арона вечные цели могут проявляться как абстрактным, так и конкретным образом. В первом случае, они предстают как стремление к безопасности, силе и славе, а во втором, — выражаются в жажде расширения пространства (или, иначе говоря, увеличения территории, занимаемой той или иной политической единицей), увеличения количества людей (населения государства) и завоевания человеческих душ (распространения идеологии и ценностей данного политического актора) (6).

В наши дни, в условиях возрастания глобальной взаимозависимости человечества, категории «интерес» принадлежит важная роль в понимании существа тех событий, явлений и процессов, которые происходят в сфере международных отношений. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что эта ее роль не абсолютна.

Как отмечал Р. Арон, внешнеполитическая деятельность государства выражается в действиях его лидеров, которые располагают определенными степенями свободы в выборе целей. При этом большое значение играют идеология, амбиции, темперамент и т.п. качества лидеров. С другой стороны, само их положение обуславливает то, что они стремятся создать впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес (см.: там же, р. 97—102). Более того, некоторые исследователи считают,

что хотя интерес объективен, но он, по сути, непознаваем. Поэтому для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и социальных общностей, опасность состоит в почти неизбежной возможности соскользнуть на путь произвольного «конструирования» интересов. Иначе говоря, существует риск заменить субъективность тех, кого изучает социолог, его собственной субъективностью (см.: 1, р. 26).

Подобного мнения придерживается и известный французский специалист в области международных отношений Ж.-Б. Дюро-зель. «Было бы, конечно, хорошо, — пишет он, — если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес. Тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения между национальным интересом, предлагаемым лидерами, и объективным национальным интересом. Беда однако состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» (7).

В конце концов, поскольку с такой точки зрения определить понятие национального интереса не представляется возможным, предлагают считать побудительным мотивом действий участников международных отношений не интерес, а «национальную идентичность» (8). Речь идет о языке и религии как основах национального единства, о культурно-исторических ценностях и национально-исторической памяти и т.п. С этих позиций, например, поведение Франции на международной арене может быть лучше понято, если иметь в виду колебания ее исторических традиций между патриотизмом и пацифизмом, антиколониальной идеологией и идеей «цивилизаторской миссии», лежавшей в основе колониальных экспансий, и т.п. В свою очередь, ключом к пониманию международной деятельности США может служить историческая традиция, сторонами которой являются изоляционизм «отцов-основателей» и интервенционизм (см.: там же, р. 474).

Действительно, без учета культурно-исторических традиций и национальных ценностей понимание внешней политики того или иного государства и международных отношений в целом было бы неполным, а потому и неверным. И все же, скорее всего, ближе к истине Г. Моргеитау, который не противопоставляет национальную идентичность национальному интересу, а считает первую неотъемлемым элементом второго (см: 18, р. 3—12).

В самом деле, в основе всякого интереса лежат объективные потребности, нужды субъекта или-социальной общности, обусловленные его экономической, социальной, политической и иной

ситуацией. Процесс познания социальных потребностей и есть процесс формирования интересов людей (см. об этом: 3, с. 112— 124). Интерес, таким образом, — категория объективно-субъективная. Причем, объективным в своей основе может быть не только истинный, но и ложно понятый интерес. Так, десятилетиями на Западе существовало мнение о советской военной угрозе, а следовательно, о том, что наращивание вооружений служит коренным интересам демократических государств в защите от нападения со стороны тоталитарного режима. И хотя в действительности Советский Союз не был заинтересован в нападении на западные страны, его поведение во внешнеполитической области, как и внутри страны, давало основания для их недоверия к нему (справедливости ради следует отметить, что верно и обратное). Реально же гонка вооружений не служила интересам ни одной, ни другой стороны.

Бывают также мнимые и субъективные национальные интересы. Примером первого могут служить такие обстоятельства, когда идея становится национальным мифом, овладевает умами людей, и доказать им эту мнимость чрезвычайно трудно (9). Что касается субъективного интереса, то хрестоматийный пример здесь — поступок Герострата, добившегося бессмертной «славы» поджогом храма. В сфере современных международных отношений примером субъективного «национального интереса» могут служить мотивы, которыми руководствовался Саддам Хусейн при вторжении Ирака в Кувейт в 1991 году (декларации о необходимости присоединения к Ираку «исконно принадлежавшей ему провинции» были лишь предлогом для попыток решить внутренние трудности иракского режима путем «небольшой победоносной войны»).

Наряду с основными (коренными, постоянными) и неосновными (второстепенными, временными) интересами, интересами объективными и субъективными, подлинными и мнимыми, различают также интересы совпадающие и взаимоисключающие, пересекающиеся и непересекающиеся и т.д. (10).

Исходя из сказанного, общественный интерес можно определить как осознанные потребности субъекта (социальной общности), вытекающие из фундаментальных условий его существования и деятельности. В то же время интерес — это отношение потребности к условиям ее реализации. Соответственно, национальный интерес есть осознание и отражение в деятельности его лидеров потребностей государства. Это относится и к многонациональным и этнически неоднородным государствам: фактически под национальным интересом подразумевается национально-государственный интерес.

ионно понимаемый коренной национально-государ-
интерес включает три основных элемента: военная
; экономическое процветание и развитие; государ-
веренитет как основа контроля над определенной территорией
м.

в наши дни как эти элементы, так и содержание национального
целом претерпевают существенные изменения под давлением
ов и обстоятельств. Бурное развитие производительных сил,
совой коммуникации и информации, новые достижения научно-
революции, усиливающаяся интернационализация всех сторон
ой жизни, возникновение и обострение глобальных проблем,
стремление людей к демократии, личному достоинству и
ому благополучию — все это трансформирует интересы
международных отношений, ведет к переформулированию
взаимодействия.

тоталитарных режимов и сопровождающееся трудностями,
ями, кризисами и конфликтами продвижение европейских
истических стран к рыночным отношениям и
ческой демократии, распад СССР и его многочисленные
, окончание «холодной войны» между Востоком и Западом —
многие другие процессы, происходящие в современном мире,
д международным сообществом новые задачи, вносят коренные
в условия реализации интересов международных акторов. На
го поколения людей мир как бы сужается, государства и ре-
вяются все более проницаемыми для пересекающих их границы
поток идей, капиталов, товаров, технологий и людей.
ые двух- и многосторонние связи между государствами
я новыми, действующими в самых разных областях — таких,
рт, экономика и финансы, информация и культура, наука и
и т.д. На этой основе появляются новые международные
и институты, которым государства делегируют часть своих
, и которые имеют свои специфические цели и интересы,
е из самой сущности их как субъектов международных отно-
тина усложняется и по мере усиления мощи и увеличения числа
нальных корпораций, которые стали значительными и
ыми участниками международных отношений со своими
кими интересами и целями, связанными в первую очередь с
ми финансовыми прибылями и экономическим ростом, но их
касаются и стабильности (экономической, политической,
раны

базирования, всеобщей безопасности и сотрудничества, других
глобального характера.

В этих условиях национальный интерес не может быть об-
создания таких условий существования государства, как
стабильность, экономическое благополучие, моральный тонус
безопасность (причем не только в ее военно-стратегическом аспекте,
более широком плане, включая экологическую обстановку), бла-
внешнеполитическое окружение, престиж и авторитет на миро-
Следует иметь в виду, что обеспечение национального интереса,
лишь при сбалансированности указанных условий, представляю-
открытую систему взаимозависимых и взаимодополняющих
Полное обеспечение каждого из них возможно лишь в идеале. В р-
практике нередки случаи отсутствия и типичны случаи недо-
развития того или другого из указанных элементов или ус-
компенсируется более интенсивным развитием других. В обесп-
добного баланса и состоит существо и искусство международно-
(11). Важную роль играет при этом выбор соответствующих
выработка внешнеполитических стратегий.

2. Средства и стратегии участников международных отношений

Средства — это пути, способы, методы и орудия достиже-
Цели и средства — диалектически взаимосвязанные категории (с-
3, с. 127—130). Никакая, даже самая реальная цель не м-
достигнута без соответствующих средств. В свою очередь
должны соответствовать цели.

Специфика средств, потенциально или актуально нахо-
распоряжении международных акторов, вытекает из ос-
международных отношений и прежде всего из того обстоятель-
применяются к общностям, на которые в большинстве
распространяется власть отдельного государства. Разные с-
называют многообразные типы средств, используемых у-
международных отношений в их взаимодействии. Однако в конц-
это многообразие сводится к ограниченному количеству типо-
случае — это сила, убеждение и обмен (см.: 1, р. 20—23), в дру-
и переговоры (см.: 8, р. 472—473), в третьем — убеждение, тор-
насилие (см.: 7, р. 96) и тд. Нетрудно заметить, что, по сути,
совпадающей типологии средств, полюсами которой выступают
переговоры. При этом насилие и уг-

Традиционно понимаемый коренной национально-государственный интерес включает три основных элемента: военная безопасность; экономическое процветание и развитие; государственный суверенитет как основа контроля над определенной территорией и населением.

Однако в наши дни как эти элементы, так и содержание национального интереса в целом претерпевают существенные изменения под давлением новых фактов и обстоятельств. Бурное развитие производительных сил, средств массовой коммуникации и информации, новые достижения научно-технической революции, усиливающаяся интернационализация всех сторон общественной жизни, возникновение и обострение глобальных проблем, растущее стремление людей к демократии, личному достоинству и материальному благополучию — все это трансформирует интересы участников международных отношений, ведет к переформулированию целей их взаимодействия.

Крах тоталитарных режимов и сопровождающееся трудностями, противоречиями, кризисами и конфликтами продвижение европейских постсоциалистических стран к рыночным отношениям и плюралистической демократии, распад СССР и его многочисленные последствия, окончание «холодной войны» между Востоком и Западом — все эти и многие другие процессы, происходящие в современном мире, ставят перед международным сообществом новые задачи, вносят коренные изменения в условия реализации интересов международных акторов. На глазах одного поколения людей мир как бы сужается, государства и регионы становятся все более проницаемыми для пересекающих их границы растущих потоков идей, капиталов, товаров, технологий и людей. Традиционные двух- и многосторонние связи между государствами дополняются новыми, действующими в самых разных областях — таких, как транспорт, экономика и финансы, информация и культура, наука и образование и т.д. На этой основе появляются новые международные организации и институты, которым государства делегируют часть своих полномочий, и которые имеют свои специфические цели и интересы, вытекающие из самой сущности их как субъектов международных отношений. Картина усложняется и по мере усиления мощи и увеличения числа транснациональных корпораций, которые стали значительными и неотъемлемыми участниками международных отношений со своими специфическими интересами и целями, связанными в первую очередь с собственными финансовыми прибылями и экономическим ростом, но их интересы касаются и стабильности (экономической, политической, военной) страны

базирования, всеобщей безопасности и сотрудничества, других вопросов глобального характера.

В этих условиях национальный интерес не может быть обеспечен без создания таких условий существования государства, как внутренняя стабильность, экономическое благополучие, моральный тонус общества, безопасность (причем не только в ее военно-стратегическом аспекте, но и в более широком плане, включая экологическую обстановку), благоприятное внешнеполитическое окружение, престиж и авторитет на мировой арене. Следует иметь в виду, что обеспечение национального интереса достигается лишь при сбалансированности указанных условий, представляющих собою открытую систему взаимозависимых и взаимодополняющих элементов. Полное обеспечение каждого из них возможно лишь в идеале. В реальной же практике нередки случаи отсутствия и типичны случаи недостаточного развития того или другого из указанных элементов или условий, что компенсируется более интенсивным развитием других. В обеспечении подобного баланса и состоит искусство и искусство международной политики (11). Важную роль играет при этом выбор соответствующих средств и выработка внешнеполитических стратегий.

2. Средства и стратегии участников международных отношений

Средства — это пути, способы, методы и орудия достижения целей. Цели и средства — диалектически взаимосвязанные категории (см. об этом: 3, с. 127—130). Никакая, даже самая реальная цель не может быть достигнута без соответствующих средств. В свою очередь, средства должны соответствовать цели.

Специфика средств, потенциально или актуально находящихся в распоряжении международных акторов, вытекает из особенностей международных отношений и прежде всего из того обстоятельство, что они применяются к общностям, на которые в большинстве своем не распространяется власть отдельного государства. Разные специалисты называют многообразные типы средств, используемых участниками международных отношений в их взаимодействии. Однако в конечном итоге это многообразие сводится к ограниченному количеству типов: в одном случае — это сила, убеждение и обмен (см.: 1, р. 20—23), в другом — сила и переговоры (см.: 8, р. 472—473), в третьем — убеждение, торг, угроза и насилие (см.: 7, р. 96) и т.д. Нетрудно заметить, что, по сути, речь идет о совпадающей типологии средств, полюсами которой выступают насилие и переговоры. При этом насилие и уг-

роза могут быть представлены как элементы силы, а убеждение и торг — элементы переговоров. Каждое из названных понятий отражает относительно широкую совокупность путей, методов, способов и инструментов достижения цели, которые в реальной действительности международных отношений используются в самых различных сочетаниях, поэтому выделение их в «чистом виде» — не более, чем абстракция, служащая задачам анализа.

Так, следует отметить возрастающую роль убеждения и переговоров, иначе говоря, политических средств во взаимодействии современных участников международных отношений. Эти средства предполагают налаживание систематических, постоянных связей и контактов между ними, ведут к росту взаимного доверия. Успеху политических средств способствует наличие у сторон взаимных интересов. Например, именно общая заинтересованность участников СБСЕ в безопасности и стабильности на Европейском континенте явилась той основой, которая способствовала принятию в ноябре 1990 г. Парижской Хартии для новой Европы, в которой признается окончание эпохи конфронтации между Востоком и Западом. С другой стороны, и несовпадение интересов не является препятствием для успешного применения политических средств участниками международных отношений. Более того, специалисты, занимающиеся теорией и методологией переговоров, именно в несовпадении интересов усматривают одну из предпосылок успеха, отмечая, что «удовлетворительное соглашение становится возможным потому, что стороны хотят разного... Различия в интересах и убеждениях открывают возможность того, что тот или иной аспект оказывается весьма выигрышным для вас, но малоценным для другой стороны» (цит. по: 10, с. 20)¹.

Как уже отмечалось, категории «цели» и «средства» являются соотносительными. Они соответствуют не различным событиям, поведением и действиям участников международных отношений, а их различному положению по отношению друг к другу. Определенное событие, поведение или действие является средством по отношению не к любой, а к определенной же цели; последняя, в свою очередь, может выступать средством по отношению к другой цели. Установление соответствия между целями и средствами отражается категорией «стратегия». Специалисты в данной области отмечают, что характер и диалектику любой стратегии определяют: 1) существенное воздействие на кого-то или что-то; б) средства и способы далеко идущего воздействия; в) перспек-

¹ Более подробно проблема переговоров рассматривается в главе XI.

тивно-динамичная ориентация цели (12). В общем виде стратегия может быть определена как долговременная линия поведения, соединяющая науку и искусство в достижении перспективной цели.

В наши дни категория «стратегия» приобрела довольно широкий характер, возникли понятия экономической стратегии, политической стратегии, стратегии развития предпринимательства, стратегии банковского дела... вплоть до «стратегии продажи арбузов в больших городах». Однако во всех случаях стратегия понимается именно как наука и искусство соотнесения целей с имеющимися средствами. Согласно классической военной науке, например, решающее условие высшей победы — это численный перевес над противником. В прямом кратковременном столкновении главным фактором является количество средств (живой силы и вооружений), имеющихся в распоряжении у каждого из противников. В то же время Наполеон выиграл итальянскую кампанию, не располагая необходимым перевесом над силами противника в целом. Дело в том, что он сумел так распределить свои силы, что при каждом прямом столкновении имел над ним локальное и временное превосходство. Таким образом, успешное достижение цели зависит не только от наличных средств, но и от того, как они используются, т.е. от стратегии.

Вопреки встречающемуся иногда мнению, было бы ошибкой считать, что вплоть до середины XX в. стратегия в теоретическом и практическом смысле была исключительной принадлежностью военного искусства и войн (13). Традиционные постоянные интересы государств — безопасность и процветание — могли достигаться лишь при благоприятном соотношении сил. Отсюда традиционными же средствами достижения целей были не только войны, но и «дипломатическо-стратегическая игра», направленная на достижение указанного соотношения. Роль стратегии того или иного актора международных отношений в данном случае заключалась в том, чтобы дипломатическими средствами противостоять давлению более сильных акторов, а также компенсировать собственные геополитические или демографические недостатки. И все же, решающим средством участников международных отношений вплоть до последнего времени оставалась военная сила. Поэтому и основным направлением дипломатической стратегии было формирование коалиций и союзов, призванных обеспечить перевес в силе над потенциальным и актуальным противником, а война, в полном соответствии с известной формулой К. Клаузевица, являлась продолжением политики иными средствами.

В новых условиях это положение коренным образом изменяется. Взаимозависимость мира, его хрупкость перед разрушительными последствиями применения современных средств массового уничтожения, перед опасностью других глобальных проблем требует от участников международных отношений решительного разрыва с прежними стратегиями в отношениях друг с другом. Изменяется и содержание понятия «сила».

3. Особенности силы как средства международных акторов

Сила и насилие издавна являются наиболее распространенными и решающими в арсенале средств международных акторов. С понятием силы связана одна из центральных проблем международных отношений — проблема войны и мира. На его основе акторы судят о возможностях друг друга, строят планы своего взаимодействия, принимают решения, оценивают степень стабильности международной системы. Наконец, категория «сила» выполняет значительную методологическую роль в науке о международных отношениях, являясь важным инструментом их научного анализа: о значении «силового фактора» ведутся дискуссии между различными научно-теоретическими школами, сила выступает критерием многообразных моделей систем международных отношений и т.д.

И все же приходится признать, что если и прежде ни у теоретиков, ни у практиков международных отношений не было полной ясности относительно содержания понятия силы, то нет его и сегодня.

В самом общем виде под силой понимают способность международного актора навязать свою волю и тем самым повлиять на характер международных отношений в собственных интересах. Но что лежит в основе такой способности? Чем она обусловлена? В чем выражается? Эти и другие подобные вопросы до сих пор остаются предметом полемики в теории и источником многих недоразумений в практике международных отношений.

Примерно с конца 40-х годов наиболее распространенными в науке о международных отношениях стали два подхода к пониманию силы — *атрибутивный* и *поведенческий (бихевиоральный)*. Первый рассматривает силу международного актора (прежде всего — государства) как нечто присущее ему изначально, как его неотъемлемое свойство. Второй связывает силу с поведением международного актора, его взаимодействиями на мировой арене (14).

Атрибутивный подход характерен для политического реализма. С точки зрения Г. Моргентау, международная политика, как

и любая другая, есть политика силы. Моргантау не делает различий между силой, мощью, властью и влиянием, выражая все это одним термином «power», который выступает для него как обобщенная характеристика, обозначающая цель и средство политики государства на мировой арене. Представляя собой способность государства контролировать действия других государств, международная политика имеет три основных источника и соответственно преследует три основных цели: стремление к выгоде; опасение понести ущерб или оказаться в невыгодном положении; уважение к людям и институтам. Именно для этого государству и нужна сила (власть, мощь), содержание которой не ограничивается только его военными ресурсами, а включает в себя, помимо них, еще целый ряд составных элементов: промышленный потенциал; природные ресурсы; геостратегические преимущества; численность населения; культурные характеристики (национальный характер); национальную мораль; качество дипломатии и государственного руководства.

В отличие от Г. Моргантау, другой влиятельный представитель школы политического реализма — А. Уолферс — стремится провести различие между силой (властью, мощью) и влиянием международных акторов. По его мнению, сила — это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения. Влияние же — это его способность изменить указанное поведение посредством убеждения. В то же время он подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континуум, что их различия не абсолютны (15). Однако и в этом случае вопросы, связанные с определением силы того или иного государства, остаются нерешенными. Дело в том, что реалисты стремятся представить силу как исчисляемую характеристику государства, как величину, придающую действиям различных государств более или менее однородный смысл. Согласно их подходу, подобно тому как в рыночной экономике стремление предпринимателя к максимальному удовлетворению своих интересов определяется в терминах денег и прибыли, так и для государства реализация его национальных интересов резюмируется в стремлении увеличить свою мощь и/или силу.

Но при таком подходе возникают две трудности. Первая из них связана с разнородностью составных элементов силы: ведь помимо вещественных компонентов, в нее включаются и такие, которые не поддаются сколь-либо точному измерению (например, национальный характер или качество государственного руководства). На это, кстати, обращал внимание и Г. Моргантау, когда в полемике с «модернистами» сравнивал феномен власти с любовью, которая не поддается постижению при помощи рацию-

нальных средств (см.: об этом: 5, с. 169). Вторая трудность вытекает из того, что понимание силы государства как его неотъемлемого свойства изолирует его от той системы международных связей, в которой она проявляется и проверяется и без которой любые измерения силы нередко утрачивают свой смысл. В конечном счете эти трудности обусловили то, что атрибутивное понимание силы стало одним из самых слабых мест школы политического реализма.

Пытаясь преодолеть этот недостаток, Р. Арон делает предметом своего анализа не только различия между силой и влиянием, но также между силой и мощью, мощью и властью, соотношением сил и властными отношениями (см.: 5, с. 58—80). Общее между ними он усматривает в том, что сила и мощь в международных отношениях, как и власть во внутриобщественных отношениях, зависят от ресурсов и связаны с насилием. Являясь приверженцем веберовского подхода, Р. Арон исходит из того, что феномен власти включает три элемента: территорию, монополию на легитимное физическое насилие и институты. В международных отношениях, которые отличаются отсутствием монополии на легитимное насилие и слабой ролью институтов в урегулировании споров, свойственные для власти отношения командования и авторитета часто проявляются как прямое принуждение или угроза насилия. Здесь основная цель — не контроль над административными или институциональными механизмами, позволяющими осуществлять политическое и социальное влияние, а реализация «вечных целей государства», которыми являются его безопасность, сила и слава.

Власть тесно связана с мощью и силой государства. Однако их нельзя смешивать. Власть — понятие внутривластное, тогда как мощь относится к внешнеполитической характеристике государства. Ориентация власти на внешнеполитические цели — свидетельство завоевательной политики. Но власть суверена — будь то наследный монарх или партийный лидер — отличается от власти завоевателя: первый стремится выглядеть легитимным выразителем общества, соответствовать его традициям и законам, второй же опирается (по крайней мере вначале) на откровенную силу. Таким образом, проявление властных отношений на международной арене связано с имперскими амбициями и тенденциями¹. Отличие силы от мощи, с точки зрения Р. Арона, состоит

¹ В этой связи Р. Арон, рассматривая политику США на международной арене, приходил к выводу о ее имперском характере (см.: *R. Aron. Republique unpenale. Les Etats-Unis dans le monde. 1945—1972.* — Pans, 1973).

в том, что мощь международного актора — это его способность навязать свою волю другим. Иначе говоря, мощь — это социальное отношение. Сила же — это лишь один из элементов мощи. Таким образом, различие между ними — это различие между потенциалом государства, его вещными и людскими ресурсами, с одной стороны, и человеческим отношением — с другой. Составными элементами силы являются материальные, человеческие и моральные ресурсы государства (потенциальная сила), а также вооружения, армия (актуальная сила). Мощь — это использование силы. Это способность повлиять не только на поведение, но и на чувства другого. Важный фактор мощи — мобилизация сил для эффективной внешней политики. Следует отличать наступательную мощь (способность политической единицы навязать свою волю другим) и оборонительную мощь (способность не дать навязать себе волю другим).

В структуре государственной мощи Р. Арон выделяет три основных элемента: 1) среда (пространство, занимаемое политическими единицами); 2) материалы и знания, находящиеся в их распоряжении, а также численность населения и возможности превращения определенной его части в солдат; 3) способность к коллективной действию (организация армии, дисциплина бойцов, качество гражданского и военного управления в военное и в мирное время, солидарность граждан перед лицом испытаний благополучием или несчастьем). Лишь второй из этих элементов, по его мнению, может быть назван силой. При этом Р. Арон подвергает критике различные варианты структуры государственной мощи, представленные в работах сторонников американской школы политического реализма (например таких, как Г. Морген-тау, Н. Спайкмен, Р. Штеймец). Он отмечает, что их взгляды на структуру государственной мощи носят произвольный характер, не учитывают происходящих в ней с течением времени изменений, не отвечают условиям полноты. Но главный недостаток указанных взглядов состоит, по его мнению, в том, что они представляют мощь как измеримое явление, которое можно «взвесить на весах». Если бы это было так, подчеркивает Р. Арон, то любая война стала бы невозможной, т.к. ее результат был бы всем известен заранее. Можно измерить силу государства, которая представляет собой его мускулы и вес. Но как мускулы и вес борца ничего не значат без его нервного импульса, решительности, изобретательности, так и сила государства ничего не значит без его мощи. О мощи того или иного государства можно судить лишь весьма условно, через ссылку на его силы, которые, в отличие от мощи, поддаются оценке (правда, только приближительной). Го-

сударство, слабое с точки зрения наличных сил, может успешно противостоять гораздо более сильному противнику: так вьетнамцы в отсутствие таких элементов силы, как развитая промышленность, необходимое количество различных видов вооружений и т.п., нашли такие методы ведения войны, которые не позволили американцам добиться победы над ними.

Несмотря на то, что ему не удалось это полностью, заслугой Р. Арона явилось стремление преодолеть недостатки атрибутивного понимания силы. При этом он не останавливается и на би-хевиральном понимании, связывающем ее с целями и поведением государств на международной арене. Р. Арон идет дальше, пытаясь обосновать содержание мощи как человеческого (социального) отношения. Можно сказать, что в определенной мере он сумел предвосхитить некоторые аспекты более позднего — *структуралистского* подхода к пониманию силы.

Основы этого подхода были заложены уже сторонниками теории взаимозависимости, получившими широкое распространение в 70-е годы¹. Р. Коохейн, Дж. Най и другие представители этой теории предприняли попытку поставить силу в зависимость от характера и природы широкого комплекса связей и взаимодействий между государствами. Теоретики взаимозависимости обратили внимание на перераспределение силы во взаимодействии международных акторов, на перемещение основного соперничества между ними из военной сферы в сферы экономики, финансов и т.п. и на увеличение в этой связи возможностей малых государств и частных субъектов международных отношений (см.: 11). При этом подчеркивается различие степеней уязвимости одного и того же государства в различных функциональных сферах (подсистемах) международных отношений. В каждой из таких сфер (например, военная безопасность, энергетика, финансовые трансферты, технология, сырье, морские ресурсы и т.п.) устанавливаются свои «правила игры», своя особая иерархия. Государство, сильное в какой-либо одной или даже нескольких из этих сфер (например, военной, демографической, геополитической), может оказаться слабым в других (экономика, энергетика, торговля). Поэтому оценка действительной силы предполагает учет не только его преимуществ, но и сфер его уязвимости.

¹ Следует иметь в виду и то, что уже в 1945 г. американский исследователь А. Хиршман в работе «National Power and the Structure of the Foreign Trade» привлек внимание к взаимосвязи, существующей между влиянием государства на мировой арене и структурой его внешней торговли, подчеркивая вытекающие из этого возможности формирования новых форм зависимости (цит по: 2, p. 149).

Так, например, было установлено, что существует корреляция между структурой внешней торговли того или иного государства и его влиянием на мировой арене. В этом отношении показателен пример американо-японских отношений, свидетельствующий о том, что в современных условиях межгосударственного соперничества на смену территориальным завоеваниям приходит дающее гораздо больше преимуществ завоевание рынков. За период с 1958 по 1989 гг. рост японского внешнеторгового экспорта составил 167%, что выглядит весьма впечатляюще по сравнению с 7% роста, которых добились в этой области за тот же период США. Важно, однако, то, что более 30% внешнеторговых операций Японии по-прежнему выпадает на долю США, что делает ее в двусторонних отношениях более уязвимой, чем ее американский партнер (16).

Таким образом, крупный вклад школы взаимозависимости состоит в том, что она показывает несостоятельность сведения феномена силы к ее военному компоненту, привлекает внимание к его вытеснению другими элементами данного феномена, и прежде всего такими, которые относятся к сфере экономики, финансов, новых технологий и культуры. Вместе с тем следует признать, что некоторые выводы и положения указанной школы оказались явно преждевременными. Это касается прежде всего вывода об отрицании роли военной силы в отстаивании международными акторами своих интересов, стремления представить ее не отвечающей реалиям XX века, и, соответственно, принижения методологического значения категории «сила» для анализа международных отношений. Ошибочность подобных позиций стала очевидной уже в 80-е годы в свете резко обострившейся международной обстановки. Последующие события — развал СССР и мировой социалистической системы, вооруженный конфликт 1991 года в зоне Персидского залива, как и вооруженные конфликты на территории бывшего Советского Союза — показывают, что отказываться от понятия силы в изучении межгосударственных взаимодействий и, следовательно, от традиций политического реализма пока не приходится. Другое дело, что эти традиции должны быть переосмыслены с учетом новых реалий и достижений других теоретических направлений, освобождены от односторонностей и абсолютизаций. Попытка такого переосмысления и была предпринята сторонниками структуралистского понимания силы.

В соответствии с таким пониманием, в настоящее время наиболее мощным средством достижения международными акторами своих целей становится «структурная сила» — способность обеспечить удовлетворение четырех социальных потребностей,

которые лежат в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы. Структурная сила изменяет рамки мировой экономики, в которых взаимодействуют друг с другом современные акторы международных отношений. Она зависит не столько от межгосударственных отношений, сколько от системы, элементами которой являются различные типы потребления, способы поведения, образы жизни. Эта система не зависит от территориального деления мира. Власть над идеями, кредитами, технологиями и т.п. не нуждается в территориальных границах. Она распространяется через таких агентов, как банки, предприятия, средства массовой информации и т.п. Границы, которые прежде служили гарантией безопасности, защищали национальную валюту и национальную экономику, стали теперь проницаемыми. Структурная сила влияет на предмет, содержание и исход тех или иных международных переговоров, определяет правила игры в той или иной области международных отношений. Кроме того, что особенно важно, она используется ее обладателями для непосредственного воздействия на конкретных индивидов: производителей, потребителей, инвесторов, банкиров, клиентов банков, руководящих кадров, журналистов, преподавателей и т.д. Тем самым, считает С. Стренж, происходит формирование огромной внетерриториальной транснациональной империи со столицей в Вашингтоне. В указанных основных измерениях глобальной политической экономики, считает она, США располагают более значительными средствами влияния, чем кто-либо еще. Увеличивая их притягательную власть, это влияние усиливается еще и тем обстоятельством, что США способны использовать все четыре измерения одновременно (17).

Рассматривая концепцию структурной силы, французские социологи международных отношений Б. Бади и М.-К. Смуц особо выделяют в ее составе такой элемент, как технология. Технологическая мощь, подчеркивают они, является не просто продолжением экономической и торговой силы (или мощи), но играет и самостоятельную роль в системе средств международных акторов. Она лежит в основе трех решающих для международной деятельности феноменов: автономии решения актора в военной сфере, его политического влияния, а также культурной притягательности (см.: 16, p. 155).

* * *

Завершая рассмотрение категорий целей и средств международных акторов, следует отметить, что, как и любые другие науч-

ные понятия, они носят исторический характер: их содержание развивается, наполняясь под влиянием изменений в объективной реальности и обогащения теоретической базы науки новым содержанием. Вместе с тем в них имеются и определенные устойчивые элементы, сохраняющие свое значение до тех пор, пока сохраняется деление мира на государственно-территориальные политические единицы. Эта устойчивость касается как совокупности основных целей и средств, так и их традиционных компонентов (например, для силы — это военный компонент, для переговоров — это торг, подкрепленный наличными ресурсами). Однако новые явления в международных отношениях, во-первых, трансформируют иерархию и характер взаимодействия между этими традиционными компонентами, а во-вторых, добавляют к ним новые компоненты (так, к традиционным компонентам национального интереса, как цели международного актора, сегодня добавляются экологическая безопасность, требования, связанные с удовлетворением основных прав и свобод человека; в содержании силы на передний план все более заметно выдвигаются характеристики, связанные с экономическим развитием и внутривнутриполитической стабильностью, и т.п.). Картина еще больше усложняется ввиду «узурпирования» традиционных средств нетрадиционными международными акторами (например, международной мафией) и появления нетрадиционных средств в арсенале традиционных акторов (новые средства коммуникации и массовой информации, используемые в межгосударственном соперничестве). Поэтому при осмыслении того или иного международного события или процесса необходимо стремиться к учету всей совокупности влияющих на него обстоятельств и одновременно принимать во внимание относительность, несовершенство концептуальных орудий его анализа, избегая «окончательных», «одномерных» выводов, пытаясь выстроить несколько вариантов его причин и возможных путей дальнейшей эволюции. Некоторыми ориентирами подобного анализа могут выступать принципы и нормы международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Demennic J.-f.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations intemationales. — Grenoble. 1977, p. 2.
2. *Merle M.* Sociologie des relations intemationales. — Paris, 1974.
3. *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. - М., 1976.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е, т. 12, с. 718.

5. См.: Цыганков А.П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. — М., 1992, с. 164.
6. Azon R. Paix et Guerre entre les nations. — Paris, 1984, p. 82—87.
7. Durosellek J.-B. Tout empire périra. Une vision thcorique des relations internationales. — Paris, 1982, p. 88.
8. Merle M. La politique etrangere // Traite de science politique. — Paris, 1985, pp. 473-474; 522.
9. См. об этом: Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 2, 70.
10. Удакое В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь, 1990, № 5, с. 19—20.
11. Кунадзе Г. Новое мышление тоже стареет. // Новое время, 1991, № 11.
12. См.: Chamay J.-P. Essai generale de la Strategie. — Paris, 1973, p. 75-77.
13. См.: Кужулка Ю. Проблемы теории международных отношений. - М., 1980, с. 126.
14. Баланс сил в мировой политике: теория и практика. Сборник статей под ред. академика АЕН России Э.А. Позднякова. — М., 1993, с. 11.
15. См. об этом: Senarclens P.de. La politique internationale. — Paris, 1992, p. 24.
16. См. об этом: Badie B., Suouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. — Paris, 1992, p. 149.
17. Strange S. Toward a Theory of Transnational Empire // E.O. Czempiel, J.N. Rosenau (eds). Approaches to World Politics for the 1990s. — Lexington (Mass.), 1989.
18. Morgenthau H. Politics among Nations. N.Y., 1955.

Глава IX

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как свидетельствует история, различные социальные общности, взаимодействующие друг с другом на международной арене, всегда были заинтересованы в том, чтобы экономические и культурные обмены между государствами и гражданами, политические и социальные процессы, выходящие за рамки межгосударственных границ, сотрудничество, конфликты и даже войны осуществлялись в соответствии с определенными правилами, регулирующими меру допустимого в данной области. Особую важность проблема регулирования международных отношений приобретает в наши дни, что связано с ростом взаимозависимости современного мира, обострением глобальных вызовов человеческой цивилизации в экологии и демографии, экономике и политике, с распространением средств массового уничтожения и остающейся реальной угрозой ядерной войны.

Основными социальными регуляторами общественных отношений, которые были выработаны человечеством в его историческом развитии, стали правовые и моральные нормы. В сфере международных отношений они имеют свои существенные особенности и отличия, характеризуются сложностью и вызывают неоднозначные трактовки и интерпретации в науке. Так, с одной стороны, исследователи справедливо отмечают общее возрастание уровня правового сознания в мире, повышение роли этических факторов в процессе создания, функционирования и развития международного права (1), а с другой, — с неменьшим основанием указывают на то, что как международная мораль, так и международное право продвинулись сравнительно недалеко в своем влиянии на характер взаимодействия государств и народов и потому не могут рассматриваться как эффективные регуляторы такого взаимодействия (2).

Такая неоднозначность в оценке регулирующей роли права и морали в международных отношениях вовсе не является свидетельством того, что эту роль можно не принимать во внимание и что во внешней политике государства действуют в полном соответствии с учением Н. Макиавелли, согласно которому «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпала причина, побудившая его дать обещание» (3). Отмеченная неоднозначность подчеркивает лишь опасность упрощенного подхода к пониманию нравственного и правового аспектов международных отношений, их противоречивой социальной природы и исторического характера. Она говорит как о несовершенстве и относительности роли международной морали и международного права, так и о том, что поскольку мир не знает других средств регулирования международных взаимодействий, постольку от их участников требуется постоянное внимание к моральным и правовым принципам и нормам.

В данной связи в настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные с регулятивной ролью международного права, его основными принципами, а также взаимодействием права и морали в международных отношениях.

1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права

Современное международное право является продуктом длительного исторического развития, на разных этапах которого оно принимало различные формы (4).

На первой стадии своей эволюции международное право существовало в *теологической* форме. В Ассирии, Египте, Дагомее, Перу, государстве ацтеков применение международного права и права войны было уделом жрецов. Именно они освящали церемонии и ритуалы начала и окончания войн. Даже в тех случаях, когда правитель не принадлежал к числу религиозных иерархов, он был заинтересован в том, чтобы его воспринимали хотя бы отчасти именно в этом качестве. И Цезарь, и Август, сосредоточив в своих руках крупнейшие государственные посты, стремились предстать одновременно и как верховные главнокомандующие, и как великие жрецы.

Определенные пережитки теологической концепции международного права можно встретить и сегодня: например, в обычаях кровной мести, «священной войны» (джихад), праве священной мести (вспомним «дело» Салмана Рушди) и т.п.

В средние века концепция международного права приобретает *метафизическую* форму. Международное право конструируется на основе таких понятий и принципов, как абсолютное и неизменяемое понятие суверенитета, право на завоевания, принцип первого оккупанта, династический принцип. Критерий суверенности сводится, в конечном счете, к праву на объявление войны любому государству и праву возможности, даже обязанности ответить на любой вызов извне. Межгосударственная граница понимается как та линия, с которой можно отправиться на завоевание своего соседа, или с которой он сам нападает на вас. В остальном международное право и сегодня постоянно воспроизводит понятия суверенной власти, лиг и союзов, свободы навигации и т.п. Одним словом, подобные понятия практически не изменились со времен Фукидида и Полибия. «Наши мирные договоры, соглашения об арбитраже, пакты о ненападении не более изобретательны, чем во времена Пелопонесской войны. Единственное новое понятие, добавленное метафизическим правом к своему теологическому наследию, это принцип *национальности* (хотя его знали уже греки, отличавшие эллинов от варваров). Его генезис связан, вероятно, с реакцией на династическую политику» (см.: там же, р. 12).

Еще одна историческая форма международного права, роль которой так же велика и так же вредна, представлена *антропоморфным* международным правом. По всей видимости, в ней находит отражение принцип абсолютизма, в соответствии с которым средневековое право делало из политического суверенитета родовое благо, переходящее по наследству из поколения в поколение, а войны между государствами представляли как ссоры между суверенами или споры династий. В наши дни периодически возрождаются проекты международных договоров, законов и судов, которые являются, в некотором смысле, воспроизведением антропоморфных канонов. Таковы, например, попытки запретить войны путем своего рода полицейской регламентации, то же можно сказать о некоторых современных проектах арбитража, которые, не внося по сути ничего нового, фактически воспроизводят частное право или даже феодальное право, напоминая в чем-то придворные суды удельных князей.

Современное международное право определяется юристами как «особая система прав, функционирующая в международной системе» (5), как «государственно-волевое явление; система юридических норм, регулирующих определенные общественные отношения», с указанием на ее обеспечение в необходимых случаях государственным принуждением (6). Важным является уточне-

ние, согласно которому «международное право есть совокупность прежде всего общепризнанных норм» (7). Субъектами международного права являются прежде всего существующие государства, государства в стадии становления, МПО, некоторые государственно-подобные образования (вольные города, Ватикан и др.) (см.: 6, с. 27). Вместе с тем, в последние годы субъектами международного права становятся и отдельные граждане, что является одним из важных проявлений демократизации современных международных отношений.

Действительно, 80-е годы XX века ознаменовались широким распространением либеральной демократии в мире, которое продолжается и сегодня. В эти годы произошло падение военных режимов в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Чили) и Азии (Филиппины), начались демократические преобразования в Южной Корее, Тайване, демократические выборы прошли в ряде африканских стран к югу от Сахары (Мали, Буркина Фасо и др.). Бурные перемены в Восточной Европе — начиная от «перестройки» и падения Берлинской стены, обретения странами бывшего «советского блока» возможности самостоятельно выбирать свою судьбу, и кончая достижением независимости бывшими республиками СССР — также вписываются в эту общую тенденцию. В то же время в них, вероятно, наиболее выпукло отражаются и противоречия как самой идеи либеральной демократии, так и международного права, которое издавна является ее неотъемлемым спутником.

В соответствии с указанной идеей, между демократическими государствами, использующими для разрешения возникающих между ними разногласий и споров прежде всего политические средства (переговоры, посредничество, международный арбитраж, и т.п.), практически немислимы вооруженные конфликты, а тем более войны. Для них характерны осуждение ксенофобии, соблюдение прав человека и национальных меньшинств на своей территории, отсутствие притязаний на территории соседних государств и т.п. Однако вопреки этому подобного нельзя сказать о «молодых демократиях» на пространстве бывшего СССР, в том числе и о государствах, присоединившихся к Европейской конвенции по правам человека, международным правовым обязательствам и встречающих благожелательную поддержку со стороны Запада: так, например, дискриминационные законы в отношении национальных меньшинств (Эстония, Латвия), нарушения прав человека остаются практически без каких-либо серьезных международно-правовых последствий. Все это питает сомнения в действенности норм международного права, в возможнос-

та правового решения проблем, возникающих в отношениях между независимыми государствами, дает аргументы сторонникам точки зрения о чисто «символическом» значении права для функционирования международных отношений.

Исторически одной из первых попыток демократизации международных отношений явилась доктрина так называемого естественного права, которое может считаться определенным прообразом современного международного права.

Элементы естественно-правовой доктрины можно найти у древнегреческих софистов и стоиков, в учении Аристотеля, в сочинениях средневековых теологов Фомы Аквинского и Августина, в трактатах канонистов эпохи Возрождения (Ф. де Виттория и Ф. Суарес), в работах первых протестантских юристов (Г. Гроций), философии эпохи Просвещения. При всем различии социально-исторических основ этих идей, в них имеется единое содержание. Как писал Г. Гроций, «мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем... Однако к естественному праву присоединяется также польза, ибо по воле создателя природы мы, люди, в отдельности на самом деле беспомощны и нуждаемся во многих вещах для благоустроенного образа жизни... Но подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности таких сообществ. Это и есть то право, которое мы называем правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права» (8).

Таким образом, основатели современного международного права усматривали в естественном праве как средство, которое позволяет подчинить политическую жизнь неким сознательным правилам, сделать государственную власть ответственной за свои действия, так и источник права народов. Однако при всей привлекательности отдельных положений концепции естественного права, следует видеть и то, что ей свойственна тенденция сводить многообразие правовых основ жизнедеятельности (в том числе и в сфере международных отношений) всех государств и народов, во все времена к единым рациональным основам, вытекающим из самой природы или божественных предустановлений. В действительности же, попытки составить некий «вечный кодекс естественного права» представляют собой перенесение на все чело-

вечество нравов и обычаев, свойственных европейской цивилизации, что является фактическим игнорированием существования плюрализма цивилизаций как во времени, так и в пространстве.

В политической практике опасность абсолютизации естественного права, связана с вытекающей из него возможностью морального релятивизма. Поскольку сама природа не остается неизменной, порождая новые обстоятельства, постольку, следуя логике естественного права, изменение ситуации влечет за собой необходимость изменения критериев моральной и правовой оценки. Отсюда в марксизме, например, право фактически подменяется политической целесообразностью, в экзистенциализме — стремлением к свободе и т.п.

В то же время не менее верным остается и то, на чем настаивал еще Г. Греции: без права нет справедливости, и только через право лежит путь к действительной выгоде государств в их взаимодействии друг с другом (см.: там же, с. 49—50).

Присущие концепции естественного права недостатки и противоречия находят свое отражение и в современном международном праве. Оно во многом остается основанным на Западной либерально-демократической модели прав и обязанностей международных субъектов. Однако в мире не существует единого юридического пространства, как универсальной системы, основные концепты которой (свобода, равенство, право и т.п.) имели бы один и тот же смысл для всех людей и народов. С другой стороны, международное сообщество все же располагает определенными инструментами воздействия на международные отношения. Главным из них является, как мы уже видели, ООН. Принятая Генеральной ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека обращается «ко всем членам человеческой семьи», призывая их действовать в отношении друг друга в духе справедливости и братства. В 1966 году Генеральная ассамблея принимает два пакта: один об экономических, социальных и культурных правах, второй (в первых строках которого содержится положение о том, что все народы обладают правом распоряжаться своей судьбой) — о гражданских и политических правах. В отличие от Декларации, указанные пакты выступают как обязательные к исполнению каждым государством. Однако к ним присоединилось менее половины членов ООН и только 20 из них ратифицировали Протокол, относящийся к гражданским и политическим правам и предусматривающий рассмотрение обращений частных лиц. Кроме того, во-первых, указанные пакты не предусматривают никаких механизмов их реализации, а во-вторых, противоречат седьмому параграфу второй главы Хартии ООН, запрещающей

любое вмешательство во внутренние дела суверенных государств (9). Определенные противоречия свойственны и основным принципам международного права.

2. Основные принципы международного права

Под основными принципами международного права понимаются его наиболее широкие и важные нормы, в которых выражается его главное содержание и характерные черты и которые обладают высшей, императивной юридической силой (10). Основные принципы современного международного права закреплены в ряде документов наиболее авторитетных международных организаций и форумов, в частности, в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права 1970 г., в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Как правило, в международных актах речь идет о следующих десяти принципах: суверенное равенство государств; неприменение силы и угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву (см.: там же, с. 19). Их функции состоят в закреплении и охране устоев системы международных отношений, содействии ее нормальной жизнедеятельности и развитию, а также в обеспечении приоритета общечеловеческих интересов и ценностей — мира и безопасности, жизни и здоровья, международного сотрудничества и т.п.

Основные принципы международного права носят исторический характер, — то есть в них закрепляются основные права и обязанности государств применительно к потребностям существующего этапа и состояния международных отношений. Их значение и роль в регулировании международных отношений нельзя абсолютизировать — как показывает практика, эти принципы нередко игнорируются, оставаясь, по существу, не более чем благими пожеланиями. Вместе с тем было бы ошибкой и отрицать всякое влияние принципов на характер межгосударственного взаимодействия.

Несмотря на их относительную многочисленность, легко заметить, что содержание принципов пересекается, они так или иначе перекликаются друг с другом. Поэтому в системе основных принципов международного права могут быть выделены три группы: 1) принципы, формулирующие положения о равенстве субъ-

ектов международных отношений; 2) принципы, настаивающие на их независимости; 3) принципы, направленные на мирное урегулирование межгосударственных противоречий.

В первую группу входят нормы, в которых отражается одна из наиболее древних и фундаментальных идей, касающихся международно-правового регулирования взаимодействия государств. В Хартии ООН она формулируется следующим образом: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех своих членов» (Статья 2, § 1). Этот принцип проявляется в положениях о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничестве между государствами; добровольном выполнении обязательств по международному праву. Он получает дальнейшее развитие также в принципах иммунитета, взаимности и недискриминации (11). Согласно первому из них, государство не может быть подчинено законодательству любого другого государства (иммунитет юрисдикции); его представители обладают правом неприкосновенности на территории другого государства (дипломатический иммунитет). Второй нацеливает субъектов международного права на прагматическое поведение; речь идет о равенстве обязательств в конкретных областях взаимодействия, например в торговле, культурных обменах и т.п. Наконец, в соответствии с третьим, речь идет о так называемом негативном обязательстве, когда права или выгоды, признаваемые за одним субъектом международного права, должны быть гарантированы и другому.

Вторая группа включает такие принципы как невмешательство; нерушимость границ; территориальная целостность. Являясь предметом особой озабоченности и постоянных напоминаний, они в то же время не менее часто нарушаются, чем принципы первой группы. Это в полной мере может быть отнесено и к принципам третьей группы (неприменение силы или угрозы силой; мирное урегулирование споров; соблюдение прав человека).

Одним из основополагающих принципов международного права является принцип соблюдения прав человека и основных свобод, заметно превращающийся в последние десятилетия (Всеобщая декларация прав человека была принята в 1948 г.) в самостоятельную тему, оказывающую возрастающее влияние на международные отношения. Именно в силу этой причины данная тема длительное время оставалась одной из наиболее заидеологизированных, использовалась как орудие конфронтации между «Западом» и «Востоком». В то же время она и сегодня служит достаточно красноречивой иллюстрацией, демонстрирующей противоречия и двусмысленности, свойственные международному праву в целом.

В послевоенные годы своего рода лабораторией, в которой вырабатываются и апробируются юридические нормы, касающиеся защиты прав и свобод человека, стала Западная Европа. Так, в рамках созданного в 1949 г. Совета Европы была принята (4 ноября 1950 г.) Европейская конвенция по правам человека. Это система, позволяющая конкретным индивидам вносить соответствующие жалобы ^ходатайства через органы того или иного государства, а гражданам стран, подписавших протокол Конвенции, — обращаться непосредственно в Комиссию по правам человека. Комиссия, состоящая из независимых лиц, оценивает обоснованность таких обращений, после чего передает их в Европейский суд по правам человека. В 1972 г. им было принято 63 решения в этой области, в 1982 — уже 146 (см.: 12, р. 453). Тем самым конкретное лицо, любой человек соответствующей страны становится самостоятельным субъектом международного права, в центр всей системы ценностей выдвигается человеческая личность. Однако уже здесь появляются и противоречия.

Действительно, концепция соблюдения прав человека предполагает защиту конкретного индивида от неправомερных действий государства. В то же время она имеет юридическую правомерность только в том случае, если принята в качестве нормы тем же самым государством. Иначе говоря, с одной стороны, государство является главным источником угрозы правам и свободам человека. Но, с другой стороны, реализация этих прав и свобод невозможна без соответствующих процедур, правил и механизмов, которые гарантировали бы их защиту — то есть без государства. Именно государства формулируют содержание, способы выражения прав человека, а также вырабатывают санкции за их нарушение. В итоге между международной нормой и ее объектом существует своего рода «экран», представленный государством. И есть все основания предполагать, что именно в области прав человека этот экран «отражает» любые проявления, которые не вписываются в сферу внутригосударственных юридических норм. Поэтому можно сказать, что в том виде, в каком он представлен в международном праве, принцип соблюдения прав человека и основных свобод выполняет свое предназначение только в рамках тех государств, которые и без того выполняют его в силу его соответствия их внутреннему законодательству (12).

Еще одно противоречие состоит в том, что в соответствии с идеологией западного рационализма, в недрах которой зародилась концепция прав человека, угнетенные народы должны получить эти права в качестве своего рода дара цивилизации, как нить, которая приведет их к общественному прогрессу. Однако эти на-

роды сразу же сумели обратить данные права против их инициаторов, продолжая в то же время рассматривать их как нечто внешнее по отношению к собственным традициям. Вообще разнородность мира, существующее в нем многообразие культур обуславливает несовпадение в понимании содержания прав человека. Поэтому межправительственные организации, призванные служить гарантами соответствующих прав и потребностей индивида (такие, как, например, ФАО, МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО), вместо того, чтобы способствовать формированию единого международного сообщества, служат, чаще всего, рупором нового конформизма, новой господствующей идеологии (см.: 12, р. 444—445).

Принцип прав человека тесно связан с международным гуманитарным правом — правом на вмешательство в целях оказания помощи в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих массовыми страданиями и гибелью людей. Эти изначально два разных вида международного права (они различаются по источникам, по целям, по природе, по текстам и по методам применения) в последние годы все в большей мере сближаются друг с другом. Основой такого сближения является то, что в обоих случаях речь идет о защите фундаментальных, естественных прав людей — праве на нормальные условия существования, на сохранение здоровья, на саму жизнь. С другой стороны, в обоих случаях речь идет о столкновении с таким классическим принципом международного права, как принцип государственного суверенитета, запрещающий любое вмешательство во внутренние дела государства и делающий из государственных границ настоящий оплот, который ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен без согласия государства.

Проблема права на вмешательство известна еще с XVI в., когда теологи Ф. де Витория, а затем Ф. Суарес поднимают вопрос об ответственности христианства по отношению к любому человеку как творению Бога, члену единой в политическом и моральном отношении человеческой общности. В международно-правовую практику она проникает, начиная с конца XIX в., когда заключаются первые договоры, касающиеся обращения с военнопленными, запрещения некоторых видов вооружений, миссии Красного креста и т.п. Однако в последние годы эта проблема приобретает качественно новое измерение. Во-первых, было конкретизировано поле применения гуманитарного права, в которое входят ситуации трех типов: природные катастрофы; массовые политические репрессии; экологические бедствия. Во-вторых, впервые в международном праве принимается принцип свободного доступа к жертвам — доступа для спасателей, представите-

лей Красного креста, организаций и систем ООН, Верховного комиссариата по делам беженцев, Фонда детей и других межправительственных и неправительственных (например, «Врачи без границ») организаций.

Так, в связи с землетрясением в Армении, 8 декабря 1988 г. Генеральная ассамблея ООН принимает резолюцию 43/131. Подтверждая принцип суверенитета и первостепенную роль государств в организации помощи населению, резолюция подчеркивает значение гуманитарной помощи и обязанность содействия ей со стороны государств.

5 апреля 1991 г. Совет безопасности ООН принимает резолюцию 688, осуждающую репрессии режима С. Хусейна против курдов и шиитов (в результате которых ежедневно погибало до 600 человек) и призывает его обеспечить немедленный доступ международных гуманитарных организаций к нуждающимся в помощи во всех уголках Ирака. В резолюции, впервые в истории ООН, было подчеркнуто, что массовые нарушения прав человека представляют собой угрозу всеобщему миру. Исходя из этого, резолюция не только разрешает вмешательство, но и предусматривает защиту спасателей при помощи «голубых касок». 16 декабря 1991 г. Генеральная ассамблея ООН принимает резолюцию 46/182 об усилении координации в оказании срочной гуманитарной помощи населению бывшей Югославии, страдающему от гражданской войны. Тем самым происходит институализация обязанности оказывать гуманитарное вмешательство.

Подобные примеры можно было бы продолжить. Они говорят о том, что в современных условиях появляются некоторые механизмы сознательного регулирования международных отношений и тем самым преодоления «естественного состояния». Вместе с тем, специалисты указывают на целый ряд возникающих в этой связи вопросов (13) (см. также: 10, с. 456—457; 12, р. 136—137).

Одна группа таких вопросов относится к ситуации, в которой может иметь место гуманитарное вмешательство. Действительно, нарушения прав человека — явление отнюдь не редкое. Почему в одних случаях (как, например, в Югославии) они влекут за собой вмешательство, а другие (например, массовые страдания мирного населения в ходе армяно-азербайджанского конфликта) — остаются в этом отношении без последствий? Кто должен принимать решение о вмешательстве — влиятельные межправительственные организации (ООН, СБСЕ) или сами государства? Могут ли подобные решения приниматься без согласия того государства, населению которого оказывается гуманитарная помощь?

Другая группа вопросов касается границ между гуманитарным вмешательством и вмешательством политическим. Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим? Ведь ни одно государство никогда не может абстрагироваться от своих национальных интересов, а любое решение ООН является продуктом политического соглашения. Оказывая помощь иракским курдам в 1991 г., США и их союзники не пошли на создание «зон защиты», опасаясь, что они могут стать зародышем курдского государства. Не следовало бы пойти значительно дальше и найти политическое решение курдской проблемы?

Наконец, еще одна группа вопросов связана с принципом равенства. Может ли гуманитарное право применяться одинаково ко всем государствам? Трудно представить, чтобы оно применялось, например, по отношению к США или любой великой державе Европы.

Указанные вопросы являются еще одним свидетельством противоречивости международного права и, в частности, того, что наиболее динамичные из его основных положений, отражающие реальность все большей взаимозависимости мира и выходящие за рамки межгосударственных отношений, неминуемо сталкиваются с наиболее традиционными, настаивающими на понятиях суверенитета, неприкосновенности границ и независимости государств.

И все же было бы неверно не видеть того, что основные принципы являются главным каналом проникновения общечеловеческих норм взаимодействия между социальными общностями в международные отношения. Как отмечает немецкий юрист Г. Каде, в десяти основных принципах взаимоотношений между государствами «были сформулированы основные международно-правовые нормы политических взаимоотношений и этические правила, соблюдение которых всеми государствами-участниками... является непременной предпосылкой дальнейшего прогресса» (цит. по: 2, с. 119). В этой связи необходимо представлять себе как общие черты, так и особенности международного права и морали.

3. Взаимодействие права и морали в международных отношениях

Взаимодействие международного права и международной морали, их диалектическое единство не исчерпываются общностью основных принципов поведения международных акторов. В основе этого единства лежат их генетическая общность (т.е. общ-

ность социальных основ происхождения, обусловленность особым родом общественных отношений); функциональная общность (регулятивное назначение); общность международного права и международной морали в плане их нормативно-ценностной природы: и право, и мораль представляют собой обязательные правила поведения, приобретающие роль юридического или нравственного долга и ответственности за его нарушение, отражающие существующий уровень развития международной системы, человеческой цивилизации в целом (см. об этом: 2, с. 54—56; 3, с. 193).

Вместе с тем нравственное и правовое единство не означает тождественности международного права и международной морали. В одних принципах преобладают юридические элементы (например, в принципе суверенного равенства государств), в других, напротив, — моральные элементы (например, в принципе сотрудничества). «Единство означает лишь тождественность их идейного содержания» (см.: 2, с. 22). В рамках объективно обусловленного единства мораль и право характеризуются существенными различиями, которые необходимо учитывать при анализе той роли, которую они играют в регулировании международных отношений. Суммируя выводы специалистов, указанные различия можно свести к следующим основным положениям.

Во-первых, правовые нормы носят фиксированный характер, записанный в соответствующих уставах, соглашениях, международных договорах и т.п. С этим тесно связан и институциональный характер права вообще и международного права, в частности: оно тесно связано с государственными институтами и межправительственными организациями (ООН и ее организации, Совет Европы, другие региональные организации). Система международного права охватывает, таким образом, такие элементы, как правовое сознание, правовые нормы, правовые отношения и правовые институты. В отличие от нее, в механизме нравственного регулирования международных отношений последний элемент (т.е. институты) отсутствует. Вместе с тем, здесь надо иметь в виду и специфику международной морали. Она «также непосредственно связана с государством: она создается и реализуется в процессе межгосударственного отношения (конечно, данная особенность относится лишь к одной разновидности международной морали — межгосударственной)» (см.: 2, с. 57). Следует однако оговориться, что эта «институциональность» достаточно условна, относительна, ибо в конечном итоге институты, продуцирующие международные моральные нормы (государства, межправительственные организации) не являются некими специали-

зированной органами по выработке и распространению всеобщих нравственных правил взаимодействия на мировой арене.

В конечном итоге и государства, и международные организации опираются на нравственные нормы, складывающиеся в самой практике международного общения, основой которых являются вырабатываемые в процессе всей истории человеческой цивилизации универсальные образцы поведения и взаимодействия социальных общностей и индивидов. С другой стороны, в разработке и развитии норм международной морали бесспорной выглядит и роль такого социального института, как наука (хотя в данном случае речь идет об ином смысле самого термина «институт»).

Во-вторых, международная мораль и международное право различаются по сферам своего действия: моральные нормы носят всеохватывающий характер, в то время как право имеет в каждый данный момент ограниченную сферу применения. «Во многом международные отношения регулируются одновременно нормами как права, так и морали. Например, военная агрессия является и нарушением общепризнанных правовых норм, и моральным преступлением. Однако моральные нормы шире и эластичнее, чем нормы правовые» (см.: 3, с. 197).

Действительно, и моральные, и правовые нормы связаны с системой ценностей, принятой в той или иной социальной общности и определяющей выбор средств для обеспечения ее потребностей и интересов. Для того, чтобы эти средства были адекватными и гарантировали достижение поставленных целей, они должны согласовываться с обязательными в системе международных отношений образцами или, иначе говоря, с такими способами поведения, которые признаны как нормальные или допустимые в определенной обстановке. Полностью они могут быть понятными только в той социокультурной среде, в которой они сформировались. В то же время это не означает невозможности их передачи или заимствования. Содержащийся в них универсальный элемент способствовал тому, что некоторые из них были закреплены и формализованы в нормах международного права.

Закрепление общепринятых образцов поведения имеет большое практическое значение: от степени согласованности с ними поведения общности зависит ее успех в системе международных отношений, ими определяется предсказуемость действий актора и, в конечном счете, динамическое равновесие самой международной системы. Однако далеко не все универсальные образцы поведения могут быть формализованы в международно-правовых нормах. Значительно большая их часть закрепляется в нормах международной морали. В принципе каждая этническая, терри-

ториальная или функциональная общность имеет свои специфические образцы поведения и собственные системы ценностей, которые не подвержены влиянию международного права. В то же время она способна модифицировать некоторые из них под воздействием существующих и вновь возникающих в международной жизни правил и норм этического поведения. Необходимость их усвоения и применения во взаимодействии с другими международными акторами (что может быть достигнуто только при условии определенной трансформации таких правил и норм с учетом собственных образцов поведения и ценностей) особенно возрастает в современных условиях взаимозависимости и кризисных явлений в развитии человеческой цивилизации. Но если моральные нормы допускают и даже предполагают такую трансформацию, то правовым нормам это противопоказано: они рассчитаны на внешнее поведение актора, носят преимущественно рациональный характер, их пределы четко изучены и направлены на достижение стандартов такого поведения (см. об этом: 2, с. 58—62).

В-третьих, международное право и международная мораль различаются с точки зрения форм, методов, средств и возможностей воздействия на поведение международного актора, а следовательно, — и возможностей регулирования системы международных отношений. Правовое регулирование предполагает использование средств принуждения (международный суд, военные, экономические и политические санкции, исключение из членов межправительственных организаций, разрыв дипломатических отношений и т.п.). Основным регулятором в соблюдении нравственных норм международного поведения — мировое общественное мнение, причем его влияние на участника международных отношений может оказаться более эффективным, чем воздействие международного права. В то же время специфика международного права состоит в том, что в отличие от внутригосударственного законодательства, его нормы носят, как правило, рекомендательный характер, применяются с согласия его субъектов. Случаи обязательного и насильственного применения норм международного права относительно редки и всегда вызывают проблемы.

Различия международно-правовых и моральных норм могут служить источником возникновения противоречий между ними (см. об этом: 2, с. 73—75). Это не отменяет их единства и взаимодействия как регуляторов системы международных отношений и вместе с тем требует глубокого понимания особенностей, которые присущи каждому из них. В данной связи необходимо остановиться на специфике этического измерения международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский Н.Н.* Новое мышление по-американски // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991, № 12, с. 20; *Дмитриева Г.К.* Мораль и международное право. — М., 1991, с. 10.
2. *Кортунов А.* Реализм и мораль в политике // *Прорыв. Становление нового политического мышления*. — М., 1988, с. 193—194; *Поздняков Э.А.* Мировой социальный прогресс: мифы и реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989, № 11, с. 56.
3. *Макиавелли Н.* Государь. — М., 1990, с. 52.
4. *Soutoul G.* Traite de polemologie. Sociologie des guerres. — Paris, 1970, p. 11-12.
5. Курс международного права. **Том 1.** Понятие, предмет и система международного права. — М., 1989, с. 9.
6. *Тункин Г.И.* Право и сила в международной системе. — М., 1983, с. 26.
7. *Блищеико И.П., Солнцева М.М.* Мировая политика и международное право. — М., 1991, с. 106.
8. *Граций Гуго.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. — М., 1956, с. 48.
9. *Moreau Defarges Ph.* Les relations intemationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. — Paris, 1991, p. 448.
10. Курс международного права. В **семи** томах. Том 2. Основные принципы международного права. — М., 1989, с. 5.
11. *Martin P.-M.* Introduction aux relations intemationales. — Toulouse, 1982, p. 107-111.
12. *Demichel F.* Elements pour une theorie des Relations intemationales. - Paris. 1986, p. 134-135.
13. *Moreau Defarges Ph.* Relations intemationales. 2. Questions mondiales. - Paris, 1992, p. 239.

Глава X

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Присутствие этического лексикона в словаре акторов международных отношений — факт эмпирически очевидный и потому общеизвестный: вооруженное вторжение того или иного государства на территорию другого почти всегда аргументируется либо необходимостью обеспечить собственную безопасность путем восстановления справедливого равновесия сил, либо стремлением защитить права этнически родственных национальных меньшинств, либо отстаиванием общезначимых ценностей, либо ссылками на исторические, религиозные и т.п. соображения. Иначе говоря, ни одно правительство не хочет выглядеть агрессором в глазах как собственного народа, так и международного общественного мнения, каждое ищет моральных оправданий своего поведения на мировой арене. К моральным мотивам в объяснении своих действий нередко прибегают и другие акторы: транснациональные корпорации говорят о том, что они помогают экономическому и культурному развитию слаборазвитых стран; международные террористы мотивируют свои акции необходимостью борьбы против нарушения тех норм, которым они привержены и которые считают высшими, даже если они не совпадают с общепринятыми нормами; исламские фундаменталисты исходят из убеждения о наличии на Земле единой и единственно легитимной общности всех людей в социальном, политическом, военном и конфессиональном отношении «**УММЫ**», которая не ограничена никакими географическими пределами и может существовать только в непрерывной экспансии (1). Не менее многообразны и этические представления индивидуальных акторов международных отношений.

Таким образом, признавая, хотя бы на словах, существование моральных норм и необходимость следовать им во взаимодействии на мировой арене, разные участники международных отношений понимают эти нормы по-разному. Вот почему главным для понимания международной морали является вопрос не о том, каким нормам следуют международные акторы *de facto*, а о том, существуют ли некие моральные ценности, которыми они руководствуются в своем поведении или которые влияют на это поведение?

1. Многообразие трактовок международной морали

Проблема политической морали сложна сама по себе, что проявляется как в конфликте (несовпадении) между различными системами ценностей в разных культурах и идеологиях, так и в конфликте теоретических представлений о политической морали.

Действительно, как подчеркивает П. де Сенарклен, «структура той или иной политической системы не может быть понята без учета принятых в ней принципов, а объяснение этих принципов невозможно без анализа их нормативных и идеологических основ» (2). При этом социологическое понимание культуры ориентирует на точный, конкретный анализ политических систем, базирующийся на выявлении культурных кодов, или, иначе говоря, «исторически сформировавшихся смысловых систем, выполняющих функцию контроля по отношению к трансформации социальных и политических процессов» (см.: 1, р. 89).

Общим для разных культурных кодов является вопрос о легитимности политического действия и, следовательно, необходимости отличать власть от авторитета. Общим является также признание обоснованности политической критики и оценка ее идеологического характера. Однако, если, например, обратиться к анализу мировых религий, то на этом общие черты их культурных кодов и заканчиваются.

Так, в рамках конфуцианской культуры, основывающейся на земной морали, власть и авторитет имеют тенденцию к слиянию и сосредоточению в руках Императора, обладающего «мандатом» Неба, который он, однако, может использовать лишь в исключительных обстоятельствах (политические катаклизмы, угроза разрушения социальной гармонии и т.п.). Буддистско-индуистский культурный код, для которого характерна обращенность к потустороннему (понимаемому, правда, крайне метафизически), ориентирован, в отличие от конфуцианского, на создание могущес-

твенной религиозной элиты, претендующей на только ей известный справедливый социальный порядок, соответствующий божественным предписаниям. Тем самым политическое действие обесценивается, становится вторичным, а роль монарха оказывается десакрализованной: она ограничена функцией поддержания земного порядка и лишь в этом качестве признается и легитимизируется религиозной элитой. В этих условиях политическая дискуссия, политическое оспаривание, так же как и политическое участие ограничены, хотя и по другим причинам.

Совершенно иной культурный код присущ монотеистическим религиям, в рамках которых спасение мыслится в тесном соединении Земного и Небесного миров, между которыми существует постоянное напряжение, разрешение которого требует непрерывных усилий от человека, имеющих целью перестроить земной мир в соответствии с божественными законами. Подобное видение придает политическому действию ту ценность, которой оно не имело в буддистской модели. Вместе с тем политическое действие в данном случае помещается в рамки легитимности, обращенной к священному и потому — легитимности бесконечно более принудительной, чем в конфуцианской модели (см.: там же, р. 93-95)¹.

Однако указанное противоречие между земным и потусторонним и, следовательно, проблема спасения, являясь общей для христианства и мусульманства, решается ими существенно различным образом. Так, например, христианству присуща идея институциональной дифференциации: являясь наместником Бога, государь должен действовать на Земле в соответствии с божественными предписаниями, но светскими методами. Тем самым политические элиты и институты не совпадают с религиозными, а, следовательно, существует два вида ответственности: ответственность государя по отношению к Богу, подсудная Церкви, и ответственность государя в управлении земными делами, в рамках которой он состоит в отношениях только со своим народом. Поскольку политическая сфера отделена от религиозной, постольку она открыта для соперничества между политическими элитами. В культурной модели ислама, напротив, Бог не делегирует свой авторитет, и политическое пространство может быть лишь про-

¹ Описывая рассматриваемые модели, Б. Бади ссылается на концепцию американского исследователя С.Н. Эйзенштадта, которого он, впрочем, критикует за абстрактность анализа, существующего как бы вне временных рамок, за этноцентризм, но особенно — за невнимание к принципиальному различию христианского и исламского культурных кодов.

странством исполнения божественного закона. Разрешение противоречия между земным и потусторонним предполагает в этом случае стремление к слиянию, к *дифференциации* политической и религиозной сфер. Тем самым в рамках ислама теряет всякое значение любая попытка создания легитимной иерархической власти: власть легитимна только в том случае, если она соответствует божественному Закону, она не допускает никакого делегирования или опосредования.

Более того, существенные различия в понимании морального долга наблюдаются и в рамках христианской традиции. Так, томистское течение исходит из существования «естественного закона», то есть единого для всех людей морального сознания, общей потребности в справедливости. Мораль в этом случае выступает в виде некоего кодекса, свода правил, предписанных извне, которые должны выполняться в обыденной действительности. Эта модель характерна для католицизма, а также для православия. Августинское течение, напротив, опирается на библейское откровение об антиномии между предписанием любви к ближнему и реальностью греха.

Проявляясь в протестантской традиции, такое понимание исключает возможность обращения к «естественному закону», ибо само «естество», сама человеческая природа подверглась, с этой точки зрения, радикальному искажению под влиянием первородного греха. Только прощение, Слово Божие просвещают человека относительно его долга (3). Поэтому поведение и жизненный уклад христианина тяготеют в данном случае не к мистическо-эмоциональной культуре, а к аскетической деятельности, направлены на преобразование религиозной аскезы в чисто мирскую, на необходимость найти подтверждение своей вере в светской профессиональной деятельности (4).

Несовпадение моральных принципов можно констатировать и в рамках разных идеологий, где они выступают своего рода идеологической надстройкой над экономической борьбой и конфликтами интересов. И почти всегда принципы, используемые для морального оправдания политических действий (таких например, как войны, репрессии, пытки или терроризм) стремлением к общему благу, справедливости, национальному освобождению и т.п., вступают в противоречие с принципами индивидуальной морали.

Наконец, указанное несоответствие проявляется и в конфликте теоретических школ, который резюмируется М. Вебером в дилемме социальной морали: «...всякое этически ориентированное действие, — пишет он, — может подчиняться двум фунда-

ментально различным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности» (5). Приверженцы первой исходят из вечных и неизменных норм абсолютной морали. При этом они «не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями», не заботясь о последствиях своих действий (см.: там же, с. 704). Если же такие последствия окажутся скверными, то сторонники этики убеждения винят в этом кого угодно — глупость людей, несовершенство мира, волю Бога — только не самих себя, ибо они всегда руководствуются чистыми помыслами и благородными побуждениями, опираясь на всеобщие ценности. Напротив, исповедующие этику ответственности главным считают именно последствия своих действий, полагая, что не имеют права рассчитывать на совершенство окружающего мира и должны считаться с заурядными человеческими недостатками. Они учитывают, что политика «оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие» (см.: там же, с. 694), тогда как сторонники этики убеждения отрицают его право на существование.

Анализируя проблему соотношения морали и политики, М. Вебер обращает особое внимание на необходимость постоянно помнить о напряжении между целью и средствами с этической точки зрения, подчеркивая, что «ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать:

когда и в каком объеме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия» (см.: там же, с. 697).

Еще более сложной выглядит проблема морали в международных отношениях. Здесь появляется дополнительная и не менее трудная дилемма: обязан ли международный актер защищать интересы особой общности, к которой он принадлежит (государство, МПО, НПО, предприятие, социальная группа), или же можно (и должно) пожертвовать ими ради блага более широкой общности (этнической, региональной, общедемократической, всемирной), за судьбу которой он также несет моральную ответственность? Действительно, как опровергнуть аргумент Н. Макиавелли, который, допуская возможность нравственного и просвещенного поведения индивидов и социальных групп в стабильном и процветающем обществе, настаивал на том, что государственный дея-

тель, призванный защищать общие интересы данного общества, не может выполнить свою задачу, не прибегая ко лжи и обману, насилию и злу?

Проблема обостряется тем обстоятельством, что возможности морального выбора в сфере международных (и, особенно, межгосударственных) отношений выглядят ограниченными: во-первых, существованием здесь долга государственного эгоизма; во-вторых, практически безграничной областью морального конфликта (в отличие от сферы внутриобщественных отношений, где эта область ограничена легитимной монополией государства на насилие); наконец, в-третьих, постоянно присутствующей возможностью вооруженного насилия, войны, превращающей вопросы безопасности и выживания в первостепенные для государств и отодвигающей тем самым заботу о морали и справедливости на задний план (6).

Драма международных отношений, подчеркивает известный американский исследователь Стенли Хоффманн, состоит в том, что и сегодня не существует никакой общепринятой замены макиавеллевскому пониманию морального долга государственного деятеля. Более того: макиавеллевская мораль обладает вполне определенной притягательной силой. Она отнюдь не представляет собой некий «закон джунглей» и не является полной противоположностью христианской или демократической морали (см.: там же, р. 33). Скорее, речь идет о том, что другой американский ученый, Арнольд Уолферс, называет «этикой, не претендующей на чрезмерное совершенство», нравственностью, руководствующейся принципом «мы против них», «которая требует от человека не следовать абсолютным этическим правилам..., а выбирать наилучшее из того, что позволяют обстоятельства», то есть выбирать то, что допускает возможность как можно меньше жертвовать ценностями (7).

Популярность такого понимания объясняется и непривлекательностью высокомерных претензий государственного деятеля на следование принципам христианской или демократической морали, и вызываемой ими скрытой неудовлетворенностью различных слоев, на их взгляд, слишком мягкой, расплывчатой, неконкурентноспособной внешней политикой. Кроме того, подчеркивая существование ограниченности морального выбора в сфере международных отношений, указанное понимание позволяет раскрыть не только теоретические недостатки политического идеализма, но и опасность, которую может представлять воплощение его в практику межгосударственного взаимодействия (см.: 6, р. 34).

Так, выдвинув в 1916 году свой мирный план, который должен был установить «верховенство права над любой эгоистичес-

кой агрессией» путем «совместного соглашения об общих целях», президент США Вудро Вильсон основывался «на ясном понимании того, чего требует сердце и совесть человечества» (8), и поэтому исключал необходимость применения силы для защиты международного права, считая, что для этого вполне достаточно мирового общественного мнения и осуждения со стороны Лиги Наций. Агрессивная политика пришедшего в тридцатые годы к власти в Германии нацистского руководства и ее ремилитаризация не вызвали со стороны европейских демократий и Лиги Наций никакой практической реакции, кроме вербальных протестов. А когда Гитлер потребовал аннексии части Чехословакии, под предлогом помощи судетским немцам, Чемберлен и Даладьё на сентябрьской конференции 1938 г. в Мюнхене уступили ему, полагая, что если Судеты будут присоединены к Германии, то это поможет предохранить мир от тотальной войны. На деле результат оказался прямо противоположным: Мюнхенская конференция стала прологом Второй мировой войны, фактически поощрив Гитлера на дальнейшую эскалацию агрессии (9).

Политический идеализм оказался, таким образом, дискредитированным как в теории, так и на практике и уступил место политическому реализму. Как уже отмечалось, политический реализм отнюдь не выступает против международной морали. Из шести сформулированных Гансом Моргентау принципов политического реализма три непосредственно касаются взаимодействия морали и внешней политики государства (10). Подчеркивая существование непримиримых противоречий между универсальными моральными нормами и государственными ценностями, Г. Моргентау настаивает на необходимости рассмотрения моральных принципов в конкретных обстоятельствах места и времени. Государственный руководитель не может позволить себе сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus*», а тем более — действовать, руководствуясь этой максимой. Иначе он был бы либо сумасшедшим, либо преступником. Поэтому высшая моральная добродетель в политике — это осторожность, умеренность. О моральных ценностях нации-государства нельзя судить на основе универсальных моральных норм. Необходимо понимание национальных интересов. Если мы их знаем, то можем защищать свои национальные интересы, уважая национальные интересы других государств. Главное при этом — помнить о существовании неизбежной напряженности между моральным долгом и требованиями плодотворной политической деятельности.

С подобным пониманием солидарен, по сути, и Р. Арон, не разделяющий концепцию Г. Моргентау относительно националь-

ного интереса. Основываясь на «праксеологии» — науке о политическом действии и политическом решении, Арон весьма скептически относится к роли универсальных ценностей в области политики. В конечном итоге он настаивает на том, что за неимением абсолютной уверенности относительно моральности того или иного политического решения следует исходить из учета его последствий, руководствуясь при этом мудростью и осторожностью. «Быть осторожным — значит действовать в зависимости от особенностей момента и конкретных данных, а не исходить из системного подхода или пассивного подчинения нормам или псевдонормам. Это значит предпочесть ограничение насилия наказанию так называемого виновного, или так называемой абсолютной справедливости. Это значит намечать себе конкретные, достижимые цели, соответствующие вековому закону международных отношений» (11).

Таким образом, в основе политического реализма — веберовское понимание политической морали. Действительно, по М. Веберу, свойственная политической морали необходимость прибегать к плохим средствам находит свое логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего государства, он не только устраняет из этой сферы моральный выбор по поводу целей государственной внешней политики, но и, фактически, переносит этот выбор в область средств, где он также достаточно ограничен, поскольку решающим средством политики Вебер называет насилие.

Указанное понимание является неизбежным для гоббсовской традиции, рассматривающей международные отношения как сферу непримиримых моральных конфликтов, разрешаемых насильственными средствами. Однако и оно далеко не бесспорно.

Во-первых, сколь бы хрупкими и относительными ни были универсальные ценности в сфере межгосударственных взаимодействий, они тем не менее существуют, как существует и тенденция к увеличению их количества и возрастанию их роли в регулировании международных отношений. Появляются новые ценности, связанные с императивами сохранения окружающей среды, сокращения социального неравенства, решения демографических проблем. В число наиболее приоритетных ценностей, приобретающих все новые измерения, выдвигается соблюдение прав человека. Как подчеркивает А. Самюэль, сегодня концепция прав человека наполняется новым содержанием, включая право журналистов на независимую информацию, права личности на эмиграцию и конфессиональную свободу, права заключен-

ных и беженцев, права ссыльных и права детей. В результате возникает настоящий «интернационал Прав Человека». Проводятся международные конференции, стоящие над межгосударственными конфликтами и мобилизующие общественное мнение против насилия, где бы оно не совершалось — в ЮАР или в Ираке, в секторе Газа или на площади Тянаньмынь. Правительства испытывают растущее давление, призванное обеспечить соблюдение Хельсинкских соглашений (12).

Во-вторых, даже если согласиться с тем, что высшей ценностью для государственного руководителя является сила (могущество) его государства, трудно отрицать то, что разные лидеры имеют различные представления как о приоритетных элементах ее состава (темпы экономического роста, благосостояние нации, военное могущество, лидирующее положение в союзах, социально-политическая стабильность, престиж в международном сообществе и т.п.), так и о средствах ее достижения. Достаточно сравнить соответствующие представления официальных лиц советского государства и постсоветской России.

Наконец, в-третьих, не удовлетворяет и то, что политический реализм персонифицирует моральный выбор в области международных отношений, отдавая его «на откуп» государственным лидерам, что неизбежно приводит не только к моральному релятивизму, когда остается «только давать советы правителям и надеяться, что они не будут сумасшедшими» (13), но и к моральному прагматизму, то есть к подчинению индивидуальной морали политической этике, столь знакомому нам во времена советского режима.

Пытаясь избежать нормативных суждений, представители модернизма считают этику несовместимой с экспериментальной наукой. Вместе с тем некоторые из них полагают, что в рамках позитивного исследования можно (а в какой-то степени и нужно) принимать во внимание признанные в обществе нормы, если рассматривать их как факты. Можно также задаться вопросом об эффективности моральных норм. Так, К. Холсти различает три уровня, на которых моральные нормы способны влиять на поведение международного актора: уровень целей, провозглашаемых правительством (мир, справедливость и т.п.); уровень методов действия (декларируемая правительством приверженность некоторым принципам поведения, например принципу ненасилия);

все решения, принимаемые «*hic et nunc*» («здесь и теперь»). Именно последний уровень «важнее всего в этическом плане, так как именно здесь проявляется способ достижения государством своих целей, и этика кажется наиболее применимой к международ-

ной политике» (14). В целом же представители данного направления сходятся с политическими реалистами в позитивистском искушении установить четкое различие между объективными фактами и ценностями, которые, по их мнению, не могут оказать сколь-либо существенного влияния на международные отношения, а, напротив, сами зависят от соотношения сил между государствами.

Однако в действительности анализ международных отношений не может не учитывать нормативных суждений и ценностей, затрагивающих такие существенные явления, как мир и война, справедливость и свобода, интересы и цели и т.п. Без этого невозможно понять мотивы поведения международных акторов, а значит и скрытые пружины функционирования международных отношений, которые отнюдь не сводятся к конфликту национальных интересов или соотношению сил между государствами.

Таким образом, ни одна из рассмотренных теоретических школ не может претендовать на окончательное решение вопроса о сущности и роли морали в международных отношениях. Тем не менее, это вовсе не лишает их значимости: каждая из них обращает внимание на тот или иной аспект, раскрывает ту или иную сторону проблемы, обогащая ее видение. Кроме того, они взаимно дополняют друг друга в том, что подводят к выводу, тривиальному лишь на первый взгляд, — о действительном наличии этических норм в международных отношениях.

Вопреки противоположному мнению, дефицит правил вовсе не свойствен международным отношениям, пишут французские ученые Б. Бади и М.-К. Смуц (15). Добавим, что значительная доля среди этих правил принадлежит моральным нормам, побуждающим, согласно Э. Дюркгейму, к добровольному подчинению социальному принуждению.

В то же время, как мы могли убедиться, эти нормы носят противоречивый характер. Поэтому, отвечая утвердительно на вопрос о существовании специфического рода морали — морали международных отношений, мы сразу же сталкиваемся со следующим вопросом: каковы ее главные требования?

2. Основные императивы международной морали

Исходным при рассмотрении этого вопроса является тезис о том, что моральные императивы определяются принципами международных отношений. Резюмируя их, можно сказать, что минимальный моральный императив международно-политического поведения требует от каждого государственного актора руковод-

ствоваться необходимостью сохранения других легитимных участников международных отношений, ибо это — то «минимальное добро, без которого все исчезнет» (16). Речь идет, таким образом, прежде всего о сохранении мира, так как именно в войне находит свое наиболее полное проявление национальное высокомерие, презрение к общечеловеческим нормам и правам других (см.: 6, р. 55). Вместе с тем, как свидетельствует история человечества и современные события на мировой арене и, в частности, в постсоветском геополитическом пространстве, указанный императив далеко не стал основой осознанного международно-политического поведения всех государственных деятелей. Теоретическое объяснение этому факту можно найти в стихийном следовании традиционному подходу к состоянию войны. В соответствии с ним война не противоречит политике, во-первых, потому что человек воспринимает свою принадлежность к политическому миру именно через борьбу с другими. А в межгосударственных отношениях война даже обеспечивает политику, является ее основным средством, поскольку она является условием выживания государств. Во-вторых, война не противоречит человеческой сущности, она даже придает смысл существованию человека, поскольку, когда он готов жертвовать собой, он способен осознать подлинное значение свободы. Отказ от войны, при таком подходе, равносителен отказу от свободы. А без свободы нет политической демократии. И в-третьих, война не противоречит общечеловеческой морали: библейское «не убий» не относится к уничтожению вооруженного противника — представителя другого государства-нации — на поле брани (17).

Однако современные реалии ядерно-космического века в корне меняют ситуацию: учитывая новейшие средства вооружений, существование в мире многочисленных АЭС, огромного количества хранилищ горюче-смазочных материалов и потребляющих их механизмов и устройств, близкое к критическому состояние окружающей среды и т.п., нравственная оценка войны не может оставаться прежней. Это тем более важно, что изменился и сам характер вооруженных конфликтов: сегодня они фактически лишены традиционного разделения фронта и тыла, а потому неизбежно сопровождаются несоразмерными жертвами и лишениями среди мирного населения. Так, например, число беженцев (главным образом женщин, детей и стариков), которым удалось покинуть зону грузино-абхазского конфликта только организованным путем (при помощи российских военно-транспортных средств), достигло более 2 тыс. человек. Никто не подсчитывал соотношение жертв среди гражданского населения в вооруженных кон-

фликгах на территории бывшего СССР, но есть все основания полагать, что оно близко к соотношению жертв арабо-израильского конфликта, где 90% пострадавших приходится на мирное население (см.: 13, р. 207).

Вот почему усилия международных организаций, и прежде всего ООН, направлены не только на привлечение мирового общественного мнения к моральному осуждению войн и насилия в международных отношениях, но и на организацию действенных мер по прекращению существующих и предотвращению новых вооруженных конфликтов. Задачи эти отличаются чрезвычайной сложностью, особенно учитывая неоднозначный, рискованный характер принимаемых мер, — в том числе и с точки зрения неоднозначности их актуальных и потенциальных моральных оценок. Так, например, позиция руководства России по отношению к войне в Персидском заливе и в особенности к ракетным ударам американской авиации по Багдаду вызвала противоречивую реакцию со стороны различных политических сил как в самой стране, так и за ее пределами. При этом налет демагогичности в рассуждениях коммунистов и «патриотов» об аморальности российского правительства, поддержавшего «агрессию американского империализма» против суверенного государства, имевшую следствием гибель невинных людей из числа гражданского населения, не избавляет от самой проблемы. Действительно ли главной целью администрации Д. Буша была защита ростков нового — правового, следовательно, справедливого — международного порядка, предпосылки к сознательному созданию которого усилиями мирового сообщества появились с окончанием холодной войны? Или же в основе принятого решения лежал холодный расчет, связанный с геополитическими интересами США в этом наиболее богатом нефтью регионе мира? Как увязать данное решение с взятой на себя Соединенными Штатами ролью основного поборника прав человека во всем мире? Ведь в рассматриваемом примере было нарушено основное из этих прав — право на жизнь множества ни в чем не повинных людей, ставших жертвами решения, принятого за тысячи миль от их дома. Следовало ли России, учитывая все эти вопросы, оказывать политическую поддержку действиям США? Аналогичные вопросы встают и в связи с ракетным ударом США по иракскому разведцентру 26 июня 1993 года, в результате чего погибло шесть мирных жителей. Можно ли считать достаточным основанием для такой акции доказанность (даже доказанность!) вины нескольких человек, готовивших (то есть имевших намерение) по заданию иракской разведки покушение на экс-президента Дж. Буша? И не является ли данная акция

следствием политики «двойного стандарта», подобно подходу Запада к оценке эстонского Закона об иностранцах, нарушающего права русскоязычного населения в этой стране?

Если же говорить не только о межгосударственных, а о международных отношениях в целом, то вышеназванный императив приобретает еще более широкий характер, трансформируясь в необходимость действовать так, чтобы способствовать преобразованию международной среды «из состояния джунглей в состояние международного общества» (см.: 6, р. 46), или, точнее говоря, более тесной интеграции мирового сообщества (см.: 3, р. 174). Иначе говоря, речь идет о том, чтобы способствовать социализации международных отношений в том ее аспекте, который касается моральных (и правовых) норм, призванных играть, по крайней мере, такую же роль, какую они уже играют во внутриобщественных отношениях. Данная задача является не менее сложной и противоречивой, чем та, о которой упоминалось выше. Во-первых, потому что она связана с задачей сознательного формирования нового международного порядка, который, как будет показано в следующей главе, понимается по-разному, в том числе и в морально-нравственном отношении. Во-вторых, социализация, сама по себе, отнюдь не панацея в решении проблем международной морали, особенно в том, что касается таких принципов, как счастье и справедливость.

Еще Ж.-Ж. Руссо предупреждал, что социализация влечет за собой эффект сравнения себя с другими, последствиями чего являются зависть и корыстолюбие, хитрость и насилие. Во времена обострения «холодной войны», которое сопровождалось наибольшей непроницаемостью разделяющего человечество на «два мира» «железного занавеса», отсутствие возможностей для сравнения имело следствием то обстоятельство, что, например, многие советские люди, лишенные информации об условиях жизни в западных странах, чувствовали себя относительно счастливыми, ощущая «заботу партии и правительства о справедливом распределении социальных благ и неуклонном повышении уровня жизни советского народа». Когда же, с крахом «железного занавеса» и появлением новейших средств связи и массовой информации, они получили эти возможности, возник эффект относительной депривации: многие почувствовали себя обездоленными, лишенными элементарных благ цивилизации и, соответственно, глубоко несчастными. Даже та минимальная либерализация, которая стала чертой российской социально-политической действительности последних лет, вместо ожидаемых от наиболее динамичной части населения усилий по обустройству своей страны, при-

несла эффект массовой эмиграции на Запад. Культурная экспансия Запада, ставшего своего рода референтной группой в обмене культур, приносит с собой не только богатство и многообразие мировой цивилизации, но и агрессивные суррогаты искусства, сопровождаемые подавлением национальных культурных ценностей. В более широком плане указанные процессы депривации затронули целые народы и даже континенты (Африка), которые столкнулись с проблемой сохранения своей культурной идентичности, разбалансированности социальных и политических условий жизни (в то время как процессы демократизации проходят крайне болезненно и неровно).

Иначе говоря, новые явления в международной жизни порождают новые явления и новые моральные вызовы. В этой связи встает еще один вопрос: действительны ли нормы и принципы международной морали?

3. О действительности моральных норм в международных отношениях

Ответ на поставленный выше вопрос отнюдь не очевиден. В самом деле, как мы могли убедиться, в основе международной морали лежит признание ценности как универсалий — общечеловеческих принципов взаимодействия социальных общностей и индивидов, — так и частных интересов, определяющих оценку последствий поведения международных акторов. Другими словами, в международных отношениях, как и в общественных отношениях в целом, всегда существует дистанция между должным и сущим, а следовательно, и разрыв между этикой долга и этикой обязанностей. Действительно, может ли мораль выполнять регулирующую функцию в международных отношениях, если сами ее критерии имеют здесь двойственный характер?

В поисках ответа на этот вопрос следует учитывать, что процесс социализации международных отношений не вышел за рамки сосуществования «двух миров», о которых говорит Д. Розенау, — мира государств и мира акторов «вне суверенитета», первый из которых значительно превосходит второй по своему общему потенциалу воздействия на характер общения на международной арене. Поэтому об уважении принципов и норм международной морали может идти речь только в рамках конкретных социокультурных общностей, и чем более глубоким является разрыв между ними, тем больше вероятность несоблюдения указанных норм. Нормы и установки международной морали вполне конкретны. Они зависят от обстоятельств: места — той социокультурной среды,

в которой находятся акторы; времени — характерных именно для данного момента общепризнанных международных принципов; и ситуации — имеющих в распоряжении акторов вполне определенных политических, экономических, технических и иных средств и возможностей реализации нравственных целей и ценностей.

Ясно, что, во-первых, разные международные акторы исходят в своих действиях из различающихся между собой нравственных установок и норм: так, то, что является сегодня добром и справедливостью в вопросе о судьбе Черноморского флота бывшего СССР с точки зрения украинских руководителей, иначе воспринимается российскими политиками; позиции же самих моряков или администрации Севастополя (вынужденного считаться с дестабилизирующей социально-политической ролью нерешенности указанного вопроса) имеют собственные оттенки.

Социологическое измерение рассматриваемой проблемы имеет дело с дилеммой «социального адреса»: справедливость для кого? Для государств? Для их руководителей? Для их граждан (или для граждан одного из них)? Для регионального (или для мирового) сообщества? Политическое измерение сталкивается с еще более жесткой дилеммой: из чего исходить при решении проблемы общепризнанных принципов международной морали — невмешательство, соблюдение договоров, сохранение мира, права человека и т.п. или из национальных интересов? Но интерпретация первых зависит от социального контекста, а определение вторых никогда не может быть свободным от субъективизма и идеологии. Вот почему нельзя абсолютизировать ни то, ни другое. Как отмечают крупные авторитеты международно-политической науки, необходимо сочетание вечных общечеловеческих нравственных норм и интересов конкретной социальной общности, учета культурных особенностей международных акторов и рационального поведения, предусматривающего возможные последствия международных акций, использования всех резервов разума и осторожности во взаимодействии на международной арене. Конечно, и такое сочетание не избавляет от проблем. Так, резюмируя свою позицию в данном вопросе, С. Хоффманн, настаивая на том, что международная мораль (в данном случае мораль государственного деятеля) должна основываться на трех главных элементах — целях, средствах и умеренности, — подчеркивает, что ни один из них и даже все они вместе взятые не дают окончательной гарантии нравственной политики.

Действительно, цели международного актора должны быть нравственными, ибо они зависят от его моральной позиции. Однако последняя никогда не бывает простой: во-первых, остаются

открытыми вопросы о том, кто судит о моральности целей, или как определить, какие из них являются «хорошими», а какие «плохими». Во-вторых, намечаемым целям должны соответствовать и избираемые средства: они не должны быть чрезмерными, то есть хуже, чем то зло, которое предстоит исправить или не допустить (так, вступив в вооруженный конфликт с Азербайджаном за самоопределение Нагорного Карабаха, не принесли ли его руководство и политики Армении еще большее зло защищаемому ими народу?). Неверно избранные средства способны разрушить саму цель (так, попытка членов ГКЧП спасти СССР путем введения чрезвычайного положения стала одной из причин, ускоривших его развал). Поскольку же, кроме того, международные акторы никогда не могут быть абсолютно уверенными, что избранные ими средства приведут к намеченной цели, постольку они должны руководствоваться моралью умеренности, которая, в конечном счете, означает «просто необходимость принимать во внимание моральные требования других» (см.: 6, р. 46). Иначе говоря, этика международных отношений требует от их участников взвешенности в определении целей, отказа от категоричности в выборе средств, постоянного соотношения своих действий как с их возможными последствиями для данной социальной общности, которую они представляют, так и с общечеловеческими нравственными императивами; опора на интересы, не ограниченные соображениями собственной силы и безопасности при учете потребностей и интересов других акторов и международного сообщества в целом. Большого от нее ожидать нельзя. Нравственное поведение международного актора — это не действия на основе некоего незыблемого свода правил, сформулированных для него кем-то внешним, однажды и навсегда (как бы хороши ни были эти правила). Скорее, это действия на основе разумного эгоизма, возможности которых зависят от данного социального контекста. Именно из этого следует исходить при оценке регулирующей функции международной морали: ее нельзя переоценивать, но невозможно и отрицать. Нарушение нравственных принципов и требований справедливости противоречит не только нормам международного права, но и интересам тех, кто пренебрегает этими принципами и требованиями, ибо подрывает их международный престиж, а следовательно, уменьшает возможности достижения целей, или же делает более сложными и дорогостоящими средства, ограничивая их выбор.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что проблема моральных ценностей и норм в международных отношениях является одной из наиболее сложных и противоречивых. Однако, при всей

относительности их роли в регулировании взаимодействия акторов на мировой арене, в социализации международных отношений, в преодолении присущей им некоторой аномии, указанная роль, несомненно, возрастает.

Подтверждение данного вывода можно найти, помимо сказанного выше, и во все более настойчивых поисках учеными и политиками эффективных путей сотрудничества, преодоления конфликтов, интеграции международных отношений. Именно этим проблемам и посвящена следующая глава.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sadie B.* Culture et politique. — Paris, 1993, p. 100—103.
2. *Senarclens P. de.* La politique internationale. — Paris, 1992, p. 166.
3. *Base Я.* Sociologie de la paix. — Paris, 1965, p. 153—155.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма// М. Вебер. Избранные произведения. — М., 1990, с. 150—157.
5. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия// М. Вебер. Избранные произведения. — М., 1990, с. 696.
6. *Hoffmann S.* Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics. — New York, 1981, p. 25—28.
7. *Woffers A.* Discord and Colloboration; Essays on International Politics. — Baltimore, 1962, p. 50.
8. **См.:** *Zorgbibe Ch.* Les politiques etrang, res des grandes puissances. — Paris, 1984, p. 11.
9. См. об этом: История дипломатии. Том третий. М., 1945, с. 639—643; *Pacteau B., Mougel F.-C.* Histoire des relations Internationales (1815—1889). - Paris, 1990, p. 75-78.
10. *Mofgenthau G.* Politics among nations. The Struggle for Power and Peace. - N.Y., 1948.
11. *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. — Paris, 1984, p. 572.
12. *Samuel A.* Nouveau paysage international. — Bruxelles; Lyon, 1990, p. 211-215.
13. *Aron R.* Une sociologie des relations intemationales. — Revue Fran[^]aise de Sociologie. 1963, Vol. IV, № 3, p. 321.
14. *Holsti K.J.* International Politics. A Framework for Analysis. — N.Y., 1967, p. 432.
15. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retouement du monde. Sociologie de la scene intemationale. — Paris, 1992, p. 114.
16. *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations intemationales. — Paris, 1988, p. 103.
17. *Tenyr N.* La politique. — Paris, 1991, p. 61.

той и другой из сторон, при условии такого «переосмысления» ими восприятия друг друга, которое позволит **им** сотрудничать на функциональной основе совместного использования оспариваемого ресурса» (5).

Представители акционалистской ветви в социологии международных отношений стремятся объединить преимущества обоих подходов. Рассматривая конфликт как несовместимость целей, они в то же время подчеркивают, что суждение об этом не может основываться на одном лишь логическом сопоставлении последних, а требует «анализа практических условий, необходимых для их реализации» (6).

Методологической основой отечественных исследований международного конфликта, нашедших отражение в литературе семидесятых—восьмидесятых годов, чаще всего выступает положение диалектической философии, согласно которому конфликт — это крайняя форма обострения противоречия (7). «Проявившееся противоречие, — пишут авторы учебного пособия «Основы теории международных отношений», — требует от сторон—носителей противоположных интересов—действий по его разрешению (конечно, не обязательно немедленных). Если одна или обе стороны... при этом прибегают к стратегии конфронтации, то налицо конфликт» (8). Близкое понимание международного конфликта характерно и для других авторов (9).

Различия в трактовке содержания понятия «международный конфликт» находят свое отражение и в подходах к анализу его как феномена международной жизни. Как уже отмечалось, одним из наиболее традиционных среди них является подход с позиций *«стратегических исследований»*.

Отличительные черты анализа международных конфликтов с позиций стратегических исследований состоят в их направленности на решение практических задач, связанных с обеспечением национальных интересов и безопасности государства, созданием благоприятных условий для победы в возможной войне. Отсюда ясно, что эти исследования осуществляются в рамках парадигмы политического реализма с ее приоритетом государственно-центричной модели международных отношений и силовых методов в достижении целей. Как подчеркивает известный канадский специалист А. Лего: «В своем главном значении стратегия всегда состояла в использовании силы для достижения политических целей. Ее крупнейшим теоретиком был Клаузевиц» (10). Более того, представители стратегических исследований нередко склонны редуцировать международный конфликт к одному из его видов — вооруженному столкновению государств. С этой точки зрения, конфликт начинается тогда, «когда одна или другая сторона начинает рассматривать Противоречие в военных

терминах» (11). И все же чаще подчеркивается, что «большая стратегия» отличается от военной стратегии, «поскольку ее подлинная цель заключается не столько в том, чтобы искать военных действий, сколько в том, чтобы добиться выгодной стратегической ситуации, которая, если и не принесет сама по себе решения, то, будучи продолжена средствами военных действий, безусловно, обеспечит его» (12). Американский ученый Дж. М. Коллинз определяет «большую стратегию» как «науку и искусство использования элементов национальной мощи при любых обстоятельствах, с тем, чтобы осуществлять в нужной степени и в желательном виде воздействие на противную сторону путем угроз, силы, косвенного давления, дипломатии, хитрости и других возможных способов и этим обеспечить интересы и цели национальной безопасности» (13). Большая стратегия, — пишет он, — в случае ее успеха устраняет необходимость в прямом насилии. Кроме того, ее планы не ограничиваются достижением победы, но направлены и на сохранение прочного мира (см.: там же).

Центральная задача стратегических исследований состоит в попытке определить, каким должно быть наиболее адекватное поведение государства в конфликтной ситуации, способное оказывать влияние на противника, контролировать его, навязывать ему свою волю. С появлением ядерного оружия перед специалистами в области таких исследований появляется ряд принципиально новых вопросов, поиски ответов на которые придали новый импульс стратегической мысли. Стратегические исследования становятся на Западе одним из ведущих направлений в науке о международных отношениях. Достаточно сказать, что в США существует более тысячи созданных с целью осуществления таких исследований институтов, не говоря уже о Рэнд Корпорейшн, Вашингтонском институте оборонных исследований, Центре стратегических и международных исследований Джоржтаунского университета и др. (см.: 10, р. 38). В Советском Союзе соответствующие изыскания велись в рамках ведомственных научных подразделений и прежде всего — исследовательских учреждений системы «силовых министерств». В настоящее время появились и независимые аналитические центры.

Одной из приоритетных проблем стратегических исследований является проблема войны, ее причин и последствий для того или иного государства, региона и международной (межгосударственной) системы в целом. При этом, если раньше война рассматривалась как, хотя и крайнее, но все же «нормальное» средство достижения политических целей, то огромная разрушительная мощь ядерного оружия породила парадоксальную, с точки зрения традиционных подходов, ситуацию. С одной стороны, обладающее им государство получает новые возможности для

проведения своей внешней политики и обескураживающие любого потенциального агрессора способности обеспечить свою национальную безопасность (в военном значении этого понятия). А с другой стороны, избыток мощи, который дает ядерное оружие, делает абсурдными всякие мысли о его применении, о перспективе прямого столкновения между его обладателями.

Отсюда главный акцент делается не на военных, а на политических аспектах ядерных вооружений, не на стратегии вооруженного конфликта, а на стратегии устрашения противника. Порожденное стратегией устрашения «равновесие террора» позволяло удерживать глобальную международную систему в состоянии относительной стабильности. Однако это была, во-первых, статическая стабильность в ее конфронтационной форме (14), и, во-вторых, она не способствовала устранению вооруженных конфликтов на уровне региональных и субрегиональных подсистем.

В конце 80-х годов, с приходом к власти в ведущих странах Запада неоконсервативных сил, появляется попытка преодоления вышеназванного парадокса ядерных вооружений, стремление выйти за рамки стратегии устрашения и реабилитировать понятие военной победы в ядерный век. С другой стороны, возникают новые тенденции в американской и западноевропейской политике в области вооружений и военных технологий. Были предприняты инициированные администрацией Рейгана в США и французскими официальными политическими кругами в Европе попытки выработать новую «большую стратегию», которая позволила бы открыть новую, «постядерную» эру в мировой политике. В рамках проектов, известных как, соответственно, СОИ и «Эврика», ставится цель создания принципиально новых типов вооружений, дающих преимущество не наступательной, а оборонительной стратегии и минимизирующих возможные последствия гипотетического ядерного удара, а в перспективе призванных обеспечить их обладателям «ядерную неуязвимость». Вместе с тем оба проекта имеют и самостоятельное значение, стимулируя научные и технологические изыскания в ключевых отраслях экономики и общественного производства.

Окончание «холодной войны», развал Советского Союза и крушение биполярной структуры глобальной международной системы знаменуют поворот к новой фазе в разработке «большой стратегии». На передний план выдвигаются задачи адекватного ответа на вызовы, которые диктуются распространением в мире новых «типов конфликтов, генерируемых ростом децентрализованного политического насилия, агрессивного национализма, международной организованной преступности и т.п. Более того, сложность указанных задач, приобретающих особую актуальность в условиях все большей доступности новейших видов оружия мас-

сового уничтожения как ядерного, так и «обычного» характера, снижает возможности их решения на пути стратегических исследований с традиционной для них «точкой зрения «солдата», пытающегося избрать наилучшее поведение перед лицом противника, и не задающегося вопросами о причинах и конечных целях конфликтов» (см.: 38, р. 101). В этой связи все большее распространение получают другие подходы, и в частности те, которые находят применение в рамках такого направления, как *«исследования конфликтов»*.

Центральными для этого направления являются как раз те вопросы, которые не ставятся в рамках *«стратегических исследований»** — то есть вопросы, связанные прежде всего с выяснением происхождения и разновидностей международных конфликтов. При этом по каждому из них существуют расхождения.

Так, в вопросе о происхождении международных конфликтов могут быть выделены две позиции. В рамках одной из них международные конфликты объясняются причинами, связанными с характером структуры международной системы. Сторонники второй склонны выводить их из контекста, то есть внутренней среды системы межгосударственных отношений.

И. Галтунг, например, предложивший «структурную теорию агрессии» (15), считает причиной международных конфликтов разбалансирование критериев, позволяющих судить о том месте, которое занимает данное государство в международной системе, когда его высокое положение в этой системе, в соответствии с одними критериями, сопровождается недостаточным или непропорционально низким положением в каком-либо другом отношении. Например, финансовая мощь такого государства, как Кувейт, диссонирует с его незначительным политическим весом; ФРГ, являвшаяся экономическим гигантом, была ограничена в своих дипломатических возможностях. С этой точки зрения, можно сказать, что демографический, ресурсный, научно-технический и производственный потенциал России находится в явном противоречии с характерной для нее сегодня экономической ситуацией и, соответственно, с тем местом, которое она занимает в системе межгосударственных отношений.

«Возникновение агрессии, — утверждает Галтунг, — наиболее вероятно в ситуации структурного разбалансирования» (см.: там же, р. 98—99). Это касается и глобальной международной системы с наблюдающимся в ее рамках «структурным угнетением», когда индустриально развитые государства, уже в силу самих особенностей функционирования присущего им типа экономики, выступают в роли угнетателей и эксплуататоров слаборазвитых стран. Однако само по себе наличие структурного разбалансирования еще не означает, что вытекающие из него конфликты обязатель-

но достигнут своей высшей степени — военного противостояния. Последнее становится наиболее вероятным при двух условиях: во-первых, когда насилие превращается в неотъемлемую и привычную черту жизни общества; во-вторых, когда исчерпаны все другие средства восстановления нарушенного баланса (см.:

там же).

К рассмотренным взглядам примыкают и взгляды американского исследователя Органски. Основываясь на теории политического равновесия, или баланса сил, он исходит в анализе причин конфликта из того, что нарушения структурного равновесия в международной системе объясняются появлением в ней государств—«челленджеров». Их растущая мощь приближается к мощи наиболее сильных держав, занимающих в мировом порядке ведущие позиции, но значительно отстает от уровня их политического влияния (16).

Еще одной разновидностью «структурного» подхода к вопросу о происхождении международного конфликта является стремление объединить предложенный К. Уолцем анализ трех уровней анализа — уровня индивида, уровня государства и уровня международной системы (17). На первом уровне исследование причин международного конфликта предполагает изучение естественной природы человека («*animus dominandi*», о котором упоминает Г. Моргентау) и его психологии — прежде всего особенностей психологического облика государственных деятелей (отражаемых, например, в теориях инстинктов, фрустрации, агрессии и т.п.). На втором — рассматриваются детерминанты и факторы, связанные с геополитическим положением государств, а также специфика господствующих в них политических режимов и социально-экономических структур. Наконец, на третьем уровне выясняются характерные черты международной системы: «полярность», или «конфигурация соотношения сил» (Р. Арон), другие структурные признаки.

К структурным представлениям о происхождении международных конфликтов могут быть отнесены и господствовавшие в советской литературе взгляды на их характер и природу. Происхождение конфликтов объяснялось неоднородностью глобальной международной системы со свойственным ей разделением на мировую капиталистическую систему, мировой социализм и развивающиеся страны, в среде которых, в свою очередь, усматривались процессы размежевания на классовой основе. Причины же конфликтов, их основной источник выводились из агрессивной природы империализма.

Как уже говорилось, некоторые авторы видят происхождение международных конфликтов в особенностях взаимодействия межгосударственной системы и ее внутренней среды. С этой точки

зрения, наиболее благоприятным для вооруженных конфликтов или предшествующих им кризисов является международный контекст, характеризующийся размыванием или же резким изменением в соотношении сил. В том и другом случае государства теряют ясное представление о их взаимном положении в международной иерархии и пытаются покончить с возникшей двойственностью (как это произошло, например, в отношениях между США и СССР во время «Карибского кризиса» 1962 г.).

Отсутствие общепринятого понимания структуры международной системы делает различия между «структурным» и «контекстуальным» подходами трудноуловимыми. Впрочем, как подчеркивают исследователи теорий международных отношений, указанные подходы тесно связаны друг с другом и содержат ряд общих идей (см.: 17, р. 327). В самом деле, их объединяет, например, явная приверженность государственно-центричной модели международной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых является сведение всего многообразия международных конфликтов к межгосударственным противоречиям, кризисам и вооруженным столкновениям. Об этом говорят и различные типы классификации конфликтов.

Так, Ф. Брайар и М.-Р. Джалили выделяют три группы международных конфликтов, которые отличаются по своей природе, мотивациям их участников и масштабам. К первой группе они относят классические межгосударственные конфликты; межгосударственные конфликты с тенденцией к интеграции; национально-освободительные войны и т.п. Во вторую группу включаются территориальные и не территориальные конфликты; в свою очередь, последние могут иметь социально-экономические, идеологические мотивы или же просто вытекать из воли к могуществу. Наконец, в зависимости от масштабов, конфликты подразделяются на генерализованные, в которые втянуто большое количество государств и которые способны перерасти в мировые конфликты, а также региональные, субрегиональные и ограниченные (по количеству участвующих государств) конфликты (см.: 38, р. 109).

Существует множество других классификаций, критериями которых выступают причины и степень напряженности международных конфликтов, характер и формы их протекания, длительность и масштабы и т.п. Подобные классификации постоянно дополняются и уточняются, предлагаются новые критерии и т.п. В то же время следует отметить, что по крайней мере в одном отношении радикальных изменений в общей картине типологии и классификации международных конфликтов, за небольшими исключениями, пока не произошло. Речь идет о том, что подавляющее место в таких классификациях и сегодня по-прежнему

отводится конфликтам между государствами. Это касается как отечественных, так и зарубежных работ, систематизированных в нашей литературе в восьмидесятые годы (см., например: 9, с. 58—87)¹. Такое положение не может не влиять и на состояние третьего направления в анализе международных конфликтов — *«исследований мира»**.

По существу, в рамках названного направления («автономность» которого, как и тех, что были рассмотрены выше, носит относительный характер) речь идет о широком комплексе вопросов, связанных с поисками урегулирования международных конфликтов. В рассмотрении данной проблематики могут быть выделены три основных подхода. Один из них связан с традициями англосаксонской школы «Conflict Resolution» («регулирование конфликта»), второй основывается на видении, присущем европейскому течению «Peace Research» («Исследования мира»), третий делает акцент на процессе международных переговоров.

Значительную роль в развитии первого подхода продолжает играть созданный в 1955 году при Мичиганском университете «Journal of Conflict Resolution». Приверженцы данного подхода уделяют центральное место анализу вопросов, относящихся к механизмам разрешения и контроля конфликтов и поиску на этой основе путей перехода от конфронтации к сотрудничеству. Большое значение придается разработке математических и игровых методов изучения социального конфликта. Одна из широко распространенных позиций состоит в том, что конфликты являются универсальным феноменом, присущим всем сферам общественной жизни. Это означает, что они не могут быть устранены — в том числе и из области международных отношений. Поэтому речь должна идти о таком анализе конфликтов, который позволил бы управлять ими с целью нахождения общей пользы для каждого из участников (18). С этой точки зрения, существует четыре способа разрешения социальных конфликтов: 1) соглашение в результате совпадения мнения всех сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение, навязанное одной из сторон конфликта; 4) ситуация, когда застарелый конфликт теряет свою актуальность и разрешается сам собой (19).

¹ Как известно, отечественная социально-политическая литература этого времени отличалась идеологической перегруженностью, в значительной мере носила откровенно апологетический характер, объявляла любые позиции, не совпадающие с марксистско-ленинской парадигмой, ненаучными и т.п. В то же время указанные особенности нередко носили в большой степени формальный, внешний характер. Это, в частности, относится ко многим работам, посвященным «критике буржуазных теорий», которые способствовали ознакомлению научной общественности с состоянием зарубежной науки в той или иной области.

В осознании возможностей разрешения международных конфликтов мирными средствами большую роль сыграли публикации выходящего в Осло периодического издания — *Journal of Peace Research*. Одним из важных выводов, сделанных в рамках формируемого им идейно-теоретического течения, стал вывод о том, что мир — это не просто отсутствие войны, но прежде всего — законность и справедливость в отношениях между государствами (20). И. Галтунг идет еще дальше, считая, что мир — это не просто отсутствие прямого насилия, но и отсутствие любых форм насилия, в том числе и тех, которые проистекают из структурных принуждений. Одной из характерных черт данного течения западной конфликтологии является присущая ему значительная степень нормативизма. Мир рассматривается его представителями не только как ценность, но и как цель, достижение которой предполагает активные действия его сторонников. Средства таких действий могут быть разными — некоторые из авторов не исключают даже временного использования силы, усугубля тем самым внутреннюю противоречивость течения (21).

Различие между рассматриваемыми течениями носят в значительной мере условный характер. Подтверждением может служить тесное сотрудничество их представителей в исследовании происхождения, природы и способов урегулирования конфликтов. Так, Д. Сингер, один из известных представителей американской школы бихевиоризма в науке о международных отношениях, в 1972—73 гг. избирается президентом Международного общества исследователей мира (*Peace Research International Society*), а с 1974 г. возглавляет Комитет по изучению конфликтов и мира Международной Ассоциации политических наук. Немаловажным является и то обстоятельство, что оба течения одним из важнейших средств урегулирования конфликтов считают *переговоры*.

Проблема переговоров принимает относительно самостоятельное значение в западной конфликтологии с середины 60-х годов. Как отмечают отечественные специалисты, на работы по международным переговорам оказали влияние два во многом противоречащих друг другу направления: с одной стороны, это разработка проблем мира (*Peace Research*), а с другой — идеи «силового подхода». Соответственно, если первая тенденция способствовала формированию представления о переговорах как средстве разрешения международных конфликтов и достижения мира, то вторая была направлена на разработку оптимальных путей достижения выигрыша на переговорах (22). Вместе с тем, завершение эпохи холодной войны и глобальной конфронтации приводит к новым тенденциям в состоянии переговоров. В целом, эти тенденции сводятся к следующему:

Во-первых, международные переговоры становятся основной формой взаимодействия государств. Они активно воздействуют на дальнейшее уменьшение роли военного фактора.

Во-вторых, растет объем и количество переговоров. Их объектом становятся все новые области международного взаимодействия (экология, социально-политические процессы, научно-техническое сотрудничество и т.п.).

В-третьих, возрастает переговорная роль международных организаций.

В-четвертых, в сферу переговоров вовлекаются специалисты, не имеющие дипломатического опыта, но располагающие той компетенцией в области сложных научно-технических и экономических проблем, которая необходима при анализе новых сфер взаимодействия между государствами.

Наконец, в-пятых, возникает необходимость коренного пересмотра процесса управления переговорами: выделения наиболее важных проблем для высшего государственного руководства; определение сферы компетенции разных рабочих уровней; разработка системы делегирования ответственности; повышения координирующей роли дипломатических служб и т.п. (23).

Разработка проблемы международных переговоров, обогащаясь новыми выводами, все более заметно выходит за рамки конфликтологии. Сегодня переговоры становятся постоянным, продолжительным и универсальным инструментом международных отношений, что вызывает необходимость выработки имеющей прикладное значение «переговорной стратегии». Такая стратегия, по мнению специалистов, предполагает: а) определение действующих лиц; б) классификацию, в соответствии с подходящими критериями, их характеристик; в) выявление иерархии ценностей (ставок) в том порядке, в каком ее представляют себе стороны; г) анализ соотношения между целями, которых хотят достичь, и средствами, которыми располагает определенная сторона в тех областях, где она имеет возможность действовать (см.: там же, с. 76; 78).

В анализе международных переговоров бесспорны наметившиеся попытки целостного, системного подхода, понимание их как процесса совместного принятия решения — в отличие от других видов взаимодействия (например, консультации, дискуссий, которые необязательно требуют совместного принятия решений), стремление выделить их отдельные фазы (структуру), с целью нахождения специфики действий участников на каждой из них (см.: там же, с. 109—110). Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что сегодня уже существует некая общая теория переговоров, частью которой являлась бы теория международных переговоров. Скорее можно говорить лишь о существовании определенных те-

еретических основ анализа и ведения переговоров. И не только потому, что переговоры не занимают самостоятельного места в решении международных проблем. Они не представляют собой цель, а являются лишь одним из инструментов ее достижения.

Сказанное во многом относится и к исследованиям конфликтов. Несмотря на многочисленные попытки создания общей теории конфликтов, ни одна из них не увенчалась успехом (24). Не существует и общей теории международных конфликтов. На эту роль не могут претендовать ни полемология, ни конфликтология, ни социология конфликтов. Во-первых, многочисленные исследования не выявили какой-либо устойчивой корреляции между теми или иными атрибутами международных акторов и их конфликтным поведением. Во-вторых, те или иные факторы, которые могли бы рассматриваться как детерминирующие конфликтный процесс, как правило, варьируются на различных фазах этого процесса и поэтому не могут быть операциональными в анализе конфликта на всем его протяжении. Наконец, в-третьих, характер мотивов и природа конфликтов редко совпадают между собой, что также затрудняет возможности создания единой теории конфликтов, годной на все случаи (см.: 38, p. 108).

Более того, определенный оптимизм, высказываемый некоторыми из видных специалистов относительно состояния исследований международных конфликтов (25), не помешал заметному кризису, в который эти исследования вступили с конца 80-х годов.

Окончание «холодной войны», крушение «социалистического лагеря» и развал СССР выводят на передний план те вопросы, которые, не являясь радикально новыми по своему существу, отражают сегодня феномены массового масштаба, свидетельствуют о переходном характере современного международного порядка и не освоенные ни одним из рассмотренных выше теоретических направлений в исследовании международных конфликтов. Глубина встающего в этой связи комплекса проблем показана американским ученым Дж. Розенау, обратившим внимание на все более заметное «раздвоение» международной арены, на которой «акторы вне суверенитета» демонстрируют сегодня влияние, конкурирующее по своим последствиям с влиянием традиционных (государственных) акторов (26). Его значение подчеркивают М.-К. Смуц и Б. Бади — французские специалисты в области политической социологии, отмечающие трудности в идентификации негосударственных акторов, которые придают международным конфликтам и насилию роль «рационального» средства в достижении своих целей (27).

Движения сопротивления, партизанские и религиозные войны, национально-этнические столкновения и другие типы негосударственных международных конфликтов известны человечеству

издавна. Однако господствующие социально-политические теории, основанные на государственно-центристской парадигме, отказывали им в праве на концептуальную значимость, рассматривая их либо как явления маргинального порядка, не способные оказывать существенного влияния на основные правила международного общения, либо как досадные случайности, которые можно не принимать в расчет ради сохранения стройности теории.

Утрата монополии на легитимное насилие и обвальная дезинтеграция ранее унитарных государств, а в иных случаях соединение обоих этих процессов («ливанизация») вызвали к жизни новые виды конфликтов, не укладывающихся в привычную типологию, построенную на основе различий в применяемых средствах (политическое давление, экономическая блокада, вооруженное столкновение), степени используемого насилия (войны малой интенсивности и т.д.), геостратегических (глобальные, локальные и региональные конфликты), мотивационных (территориальные и нетерриториальные конфликты), структурных (идеологические, экономические, политические и т.п.) и других известных критериев. Одновременно происходит и банализация вышеотмеченных типов негосударственных конфликтов. Как и новые их виды, они уже не могут быть урегулированы при помощи механизмов из арсенала классической международной стратегии (военное подавление, «баланс сил», «равновесие страха» и т.п.). В конфликтах в Северной Ирландии, на Ближнем Востоке, на юге и на севере Индии, в Камбодже, в Афганистане, между республиками бывшей Югославии, на территории прежнего СССР, конечно, можно найти сходные черты. Однако это сходство в большей степени касается отсутствия сколь-либо полной ясности относительно природы и путей урегулирования указанных конфликтов, их «неправильности», с точки зрения соотношения целей и средств их участников, опасности, которую они представляют для мирового сообщества. Каждый из этих конфликтов многомерен, содержит в себе не один, а несколько кризисов и противоречий, каждый уникален по своему характеру. Переговоры, консультации, посредничество, соглашения и т.п. средства урегулирования обнаруживают здесь свою весьма низкую эффективность. Их действенность определяется возможностями формализации конфликта, придания ему официального статуса, четкого определения его причин и идентификации бесспорных легитимных представителей сторон — то есть как раз тем, что, как правило, оспаривается участниками рассматриваемых конфликтов. Отсюда нарушение уже заключенных соглашений, неуважение к посредникам (и даже их физическое устрание). Отсутствует ясность и относительно протагонистов конфликтов, их главных действующих лиц. «Бое-

вики», «мафиозные группировки», «сепаратисты», «бандформирования» и т.п. термины отражают не столько понимание проблемы, сколько ее эмоциональное восприятие.

Таким образом, известные сегодня результаты исследования международных конфликтов если и не утрачивают своего значения в свете новых явлений, то обнаруживают беспочвенность своих претензий на всеобщность, отражают лишь часть международных реалий. Данный вывод верен и в отношении международного сотрудничества.

2. Содержание и формы международного сотрудничества

Понятие «международное сотрудничество» отражает такой процесс взаимодействия двух или нескольких акторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов. Вопреки обыденному пониманию, сотрудничество — это не отсутствие конфликта, но «избавление» от его крайних, кризисных форм. Иллюзия «прозрачности» содержания данного понятия послужила, видимо, причиной того, что попытки его определения встречаются достаточно редко. Одна из них принадлежит Ж.-П. Дерриену, согласно которому «два актора находятся в состоянии сотрудничества, когда каждый из них может быть удовлетворен только в том случае, если удовлетворен и другой, т.е., когда каждый из них может добиться достижения своей цели только тогда, когда этого может добиться и другой... Результатом чисто кооперативного отношения может быть ситуация, в которой либо оба актора удовлетворены, либо не удовлетворен ни один из них» (см.: 6, р. 110). Такое определение достаточно адекватно отражает суть проблемы, поэтому на него вполне можно опираться при дальнейшем рассмотрении вопроса.

Традиционно отношения сотрудничества включают в себя двустороннюю и многостороннюю дипломатию, заключение различного рода союзов и соглашений, предусматривающих взаимную координацию политических линий: например, в целях совместного урегулирования конфликтов, обеспечения общей безопасности или решения других вопросов, представляющих общий интерес для всех участвующих сторон.

Как уже было показано, развитие сотрудничества между государствами и другими акторами международных отношений вызвало к жизни целую систему межгосударственных и негосударственных организаций глобального и регионального значения. Рост взаимозависимости мира, возникновение и обострение глобальных проблем необычайно увеличили объективные потребности в

усилении многостороннего сотрудничества и способствовали расширению его сфер. Сегодня это уже не только вопросы торговли, таможенных правил, пограничных урегулирований или военно-политических союзов, но и задачи, связанные с необходимостью нахождения адекватных ответов на экологические вызовы, освоением космоса, совместным использованием ресурсов общего пользования, развитием коммуникационных сетей, контролем вооружений и тд. В то же время, как бы ни многообразны были эти сферы и направления и сколь бы велико ни было их значение, центральным и наиболее важным из них остается политическое сотрудничество, от успешности которого во многом зависит решение задач взаимодействия и в других областях. Особое значение приобретают вопросы *политической интеграции*. Она { тесно связана с экономической интеграцией, однако не сводится к ней и не представляет собой явление «вторичного» или «надстроечного» порядка.

В отечественной литературе осмысление интеграционных процессов было связано с развитием и институализацией западноевропейского сотрудничества, а также сотрудничества стран-членов СЭВ, и ограничивалось, главным образом, обсуждением экономических аспектов проблемы. При этом в основе такого осмысления лежала идеологическая установка, основная суть которой сводилась к перепеву старой ленинской догмы, в соответствии с которой Соединенные Штаты Европы либо невозможны, либо реакционны (28). «В рамках капитализма, — писал, например, в 1963 году один из авторов, — «интегрируются» не только экономические потенциалы разных стран, но и все пороки и противоречия их экономики, во много раз увеличиваемые «интеграцией». Именно поэтому капитализм не в состоянии обеспечить подлинного сближения наций» (цит. по: там же, с. 59). Такая возможность признавалась лишь за «социалистической интеграцией». Дальнейшая разработка проблемы, как показывает Ю.В. Шишков, под давлением практических потребностей постепенно принимала более содержательный характер. И тем не менее, в силу «естественных» и понятных причин, освободиться от идеологических установок » и экономического детерминизма советской науке не удалось.

В политическом отношении международная интеграция представляет собой более высокую — по сравнению с вышеназванными — форму сотрудничества. Это создание единого политического сообщества на основе союза двух или более политических единиц (29). «Интеграция, — пишут П.-Ф. Гонидек и Р. Шарвэн, — это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими обь

единениями, наделенными минимальными полномочиями решений либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц. На уровне индивидуального сознания интеграция призвана породить лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне — участие каждого в его поддержке и развитии» (30).

Различают, с точки зрения географических масштабов объединительных процессов, глобальный, региональный, субрегиональный уровни интеграции. Существуют также различные этапы, или фазы интеграции — от связей взаимозависимости в рамках плюралистической международной системы, или стремления «встроиться в систему цивилизованных государств», до формирования единой политической общности. Впрочем, следует сразу же сказать, что последняя является скорее идеальным типом и как феномен реальной практики международных отношений не существует. И все же основная суть интеграционного политического процесса, его главная тенденция ведет в направлении к выходу за рамки простой координации внешних политик и постепенной передаче суверенитета к новым коммунитарным структурам. Поэтому первые исходные ступени, вроде только что названных, могут быть отнесены к интеграции лишь условно.

Научное исследование проблемы интеграции связано с осмыслением реальных интеграционных процессов — начиная с попытки создания в довоенный период Лиги Наций и вплоть до нынешних усилий США, Канады и Мексики по формированию североамериканского экономического союза¹ — и направлено на то, чтобы выявить в них общие тенденции, связанные с причинами, детерминирующими факторами, основными чертами данного феномена, наиболее продвинутой формой которого является сегодня Европейский Союз (до ноября 1993 г. называвшийся Европейским экономическим сообществом). Наиболее известными являются три теоретических направления, или три научные школы: школа функционализма и неофункционализма, школа фе-

¹ Договор о свободной торговле между тремя странами (НАФТА), предусматривающий создание с 1 января 1994 года самого обширного в мире общего рынка с ежегодным товарооборотом в 6,4 трлн. долларов, уже одобрен парламентом Канады и ратифицирован конгрессом США. Что касается Мексики, то в силу очевидности тех выгод, которые ей сулит договор, в стране отсутствует сколь-либо серьезная оппозиция ему. О политическом значении договора для США свидетельствует выступление Б. Клинтона накануне ратификации, в котором он предупредил, что в случае отказа от НАФТА «мы можем лишиться не только экономических, но и политических возможностей, чтобы содействовать демократии, свободе и стабильности в нашем полушарии» (цит. по: Независимая газета. 19.11.93).

дерализма и школа транснационализма¹ (или «плюралистическая школа»).

Отправным моментом изучения феномена международной интеграции с позиций «функционализма» стал вопрос о причинах неудачи в создании Лиги Наций, которым занялся английский исследователь Д. Митрани. В разгар второй мировой войны, в 1943 году он публикует статью, озаглавленную «Мир и функциональное развитие международной организации», в которой делает вывод о несостоятельности любой предварительной модели политической интеграции. С его точки зрения, Лига Наций потерпела поражение прежде всего потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Между тем глобальная международная организация не только не способна преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов, но и просто гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому для поддержания мира после окончания второй мировой войны нет смысла в амбициозных проектах создания международных институтов, наделенных наднациональной властью и призванных обеспечить политическую интеграцию государств. Вместо этого необходимо способствовать сотрудничеству между государствами в решении задач, представляющих совместный интерес и связанных с их конкретными потребностями экономического, социального, научно-технологического и т.п. характера. Прагматические выгоды подобного сотрудничества постепенно подтолкнули государства к созданию необходимых для этого межгосударственных органов, которые, в свою очередь, создадут предпосылки и для политической кооперации.

Тем самым, «функционализм» предлагает не просто расширение межгосударственного сотрудничества в отдельных сферах, которое носило бы чисто технический характер. Он видит в нем путь к достижению политической цели — интеграции государств в более широкую общность через постепенное отмирание их суверенитетов. Национальное государство он рассматривает как слишком узкое с точки зрения возможностей для решения новых экономических, социальных и технических проблем, которые могут быть решены только на уровне международного сотрудничества. Поэтому межгосударственные отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы вместо «вертикальной» территориаль-

¹ Иногда их рассматривают отдельно — фактически, как разные направления. Так, например, Ж. Барреа выделяет четыре школы: «плюралистическую», «функционалистскую», «неофункционалистскую» и «федералистскую» (Barrea J. *Theorie des relations internationales*, — Louvain, 1984).

ной замкнутости были созданы действенные «горизонтальные» структуры, администрация которых была бы призвана координировать межгосударственное сотрудничество в конкретных сферах. Это позволит устранить экономические и социальные причины конфликтов, а затем — постепенно и безболезненно — преодолеть государственные суверенитеты. В результате длительной эволюции сотрудничество между государствами станет столь тесным, а их взаимозависимость столь высокой, что не только станет немыслимым вооруженный конфликт между ними, но будет достигнуто состояние необратимости. Международная среда претерпит глобальные изменения, благодаря которым солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями — прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов — прагматическому решению конкретных вопросов (31).

Таким образом, наряду с прагматизмом, функциональный подход к исследованию интеграционных процессов содержит и заметную долю нормативности. Подобная двойственность, как отмечает Ш. Зоргбиб, отчасти способствовала его успеху: «идеалист чувствителен к содержащемуся в нем «мондиализму»; реалист успокоен сохранением в среднесрочной перспективе, основных атрибутов государственного суверенитета — в конечном счете «финальная фаза», как и в других доктринах, может быть отодвинута в очень далекое будущее» (32). Очевидно и практическое влияние «функционализма» — особенно на создание и развитие Организации Объединенных Наций и, в частности, такого ее института, как ЭКОСОС (Социальный и экономический совет Объединенных Наций), получившего мандат на координацию межгосударственной деятельности в соответствующих сферах. В Хартии ООН уделено значительное внимание именно ее функциональным обязанностям, а Генеральная Ассамблея формирует такие институты, как Конференция Объединенных Наций по торговле и сотрудничеству и Организация Объединенных Наций по индустриальному развитию. В то же время именно практическое применение положений «функционализма» в практике международной интеграции обнаружило и его недостатки.

Во-первых, его следствием стала слишком большая децентрализация международного сообщества, определенная дисперсия его усилий. Громоздкие и многочисленные технические организации породили новые проблемы координации. Одновременно появилась и опасность того, что параллельно с падением значения государственного суверенитета будет происходить рост суверенитета специализированных организаций. Так, представитель МОТ на конференции в Сан-Франциско отказывался от субординации ООН во имя суверенитета своей организации (см.: там же,

р. 120). Во-вторых, обнаружилось, что в реальной практике международной интеграции функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета». Более того, европейский процесс показал, что особенно болезненной является именно проблема передачи государствами «в общий котел» части их политической и военной компетенции. В-третьих, само функциональное сотрудничество нуждается в подкреплении его мероприятиями политического характера.

Указанные недостатки отчасти были воспроизведены и «неофункционализмом». Его представители — Э. Хаас (33), Линдберг (34) и др. отстаивают идею, согласно которой потребности сотрудничества в том или ином секторе экономической, социальной или культурной деятельности способны вызвать эффект цепной реакции в других, что, в свою очередь, приведет к необходимости создания специализированных наднациональных институтов для их координации и таким образом — к ускорению процесса политической интеграции. При этом начинать следует с ограниченных экономических проектов, которые воспринимаются гораздо легче, чем «крупные политические повороты». Поскольку для их осуществления от государств не требуется отказа от собственной политики, а достаточно лишь простого схождения интересов в конкретной области, постольку и добиться его относительно легче. Вместе с тем «неофункционалисты» подчеркивают необходимость структурных условий успеха интеграции, которым должны отвечать государства (например, политический плюрализм, консенсус относительно фундаментальных ценностей), а также отмечают, что логика функциональной интеграции носит не механический, а вероятностный характер, и сам этот процесс зависит от множества факторов.

Если «функционализм», придавая политическим институтам немаловажное значение, считает их производными, или же параллельными экономическим, социальным и др. процессам, то «федерализм» ставит их в центр своей концепции. Вместе с тем его представители (А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих, Дж. Элзэр и др.) характеризуют федерализм как «договорный отказ от централизма, структурно оформленную дисперсию полномочий между различными центрами, законные полномочия которых гарантируются конституцией» (35). Международная интеграция на пути федерализма рассматривается по аналогии с «внутренними режимами» государств, построенными на принципах федерального устройства, то есть — на основе этатистской модели. В основе этой модели лежит несколько принципов, раскрывающих ее суть. Во-первых, это двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств. Во-вторых, — многообразие роли региональных правительств. В-треть-

их, — цикличность изменения силы и роли региональных правительств. Наконец, в-четвертых, это происхождение федерализма, которое имеет два источника и, соответственно, две цели: воздействие центростремительных сил и проблем, влекущих за собой федерализм как средство проведения единой политики; влияние центробежных сил, в результате которого федеративные признаки формируются с целью предотвращения распада общества (см.: там же, с. 42—43). «Федерализм» обоснованно подчеркивает то значение, которое имеет для международной интеграции политическая воля ее участников, а также роль распределения полномочий, их фрагментации между различными уровнями, как гарантии против возможных злоупотреблений своей властью со стороны центра.

Казавшаяся едва ли не полностью иллюзорной на первых порах (первые работы А. Спинелли были опубликованы тоже в разгар второй мировой войны), концепция федерализма медленно, через противоречия, но все же убедительно обретает некоторые зримые черты в интеграционном процессе в Западной Европе. Они становятся особенно заметными с первых всеобщих выборов в Европарламент в 1979 г., придавших новый импульс институциональному развитию. В 1984 г. Европарламентом был принят разработанный А. Спинелли проект договора о Европейском союзе. В нем отмечалось, что в сферу деятельности Союза входит область сотрудничества, находящаяся под эгидой Совета Европы, а также деятельность, подведомственная институтам Союза. Полномочия между Союзом и государствами распределяются на основе принципа субсидиарности: Союз выполняет только те задачи, которые сообща могут быть решены более эффективно, чем государствами в отдельности. Институты призваны служить эффективному укреплению позиций Комиссии, оптимизации процесса принятия решения, разделению законодательной власти между Советом и Парламентом.

В феврале 1985 г. был принят Единый Европейский Акт, который еще не институализировал Европейский союз, но стал важным этапом на пути к этому. Он состоит из двух частей, одна из которых посвящена Сообществам, другая — политическому сотрудничеству. В первой фиксируется цель создания единого рынка к концу 1992 г. Вторая ограничивается институализацией пятнадцатилетней практики и ее закреплением в юридических обязательствах. В качестве цели называется формирование и проведение единой внешней политики, что предполагает постоянные взаимные консультации между двенадцатью странами, учет ими позиций друг друга, а также обязательные совместные обсуждения в вопросах, затрагивающих общие интересы, до принятия решений на национальном уровне. Наконец, 1 ноября 1993 года

вступили в силу Маастрихтские соглашения, предусматривающие создание к 2000 году валютно-экономического и военно-политического союзов 12 европейских государств. Европейское сообщество изменило свое название и стало Европейским союзом. Было принято решение о месте нахождения 10 новых европейских организаций — Валютного института, Европола, Европейского агентства по проблемам окружающей среды и др. Решено также о принятии в ряды Европейского союза к 1 января 1995 года Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Кроме того, после многократных отсрочек было принято решение о вступлении в силу с 1 февраля 1994 года Шенгенских соглашений, подписанных восемью из двенадцати государств. В дополнение к свободному перемещению капиталов, товаров и услуг внутри союза они предусматривают беспрепятственное передвижение людей, т.е. фактическую отмену границ.

И все же это не означает, что федерализм с самого начала являлся концептуальной базой европейской интеграции. В начале этого процесса теоретически были возможны три пути: 1) наиболее традиционный — сотрудничество в рамках союзов или ассоциаций между государствами, остающимися суверенными и независимыми; 2) наиболее смелый — федерация, учреждающая в ряде областей единую наднациональную политическую власть;

3) наиболее оригинальный — функциональная интеграция, дающая возможность общих действий в рамках специализированных институтов. На практике первый путь оказался необходимым и полезным, но недостаточным, второй — нереализуемым. Поэтому процесс интеграции пошел по пути развития функциональной модели, позволяющей выйти за рамки простого сотрудничества и подготовить условия для возможной федерации (36).

Таким образом, одним из главных недостатков федералистской модели международной интеграции является то, что при всей своей внешней привлекательности, она имеет значительно меньше шансов на успех, чем функциональная модель, поскольку удельный вес элемента нормативности в ней еще более высок. Поэтому, учитывая недостатки других рассмотренных выше концепций, реальный процесс международной интеграции может быть понят лишь с учетом комплексного понимания преимуществ каждого из них. В сущности, именно об этом и идет речь в «плюралистической» концепции К. Дойча.

Процесс интеграции рассматривается в рамках этой концепции в терминах коммуникационных сетей, передающих сообщения и сигналы, обменивающихся информацией, способствующих выполнению определенных функций и накоплению опыта. Дойч анализирует два типа политических объединений, каждому из

которых соответствует свой особый процесс интеграции — «амальгамное» и «плюралистическое».

Под первым понимается «слияние в соответствующей форме двух или нескольких ранее самостоятельных единиц в более широкое объединение, наделенное определенным типом общего управления» (37). Во втором — интегрирующиеся единицы сохраняют свою политическую самостоятельность. При этом осуществление «амальгамной» интеграции нуждается в целом комплексе разнообразных условий социокультурного и политического характера, среди которых: приверженность населения интегрирующихся общностей одним и тем же ценностям; обоснованное ожидание выгод от интеграции; достаточное знание друг друга и, соответственно, предсказуемость поведения. Процесс интеграции должен сопровождаться лояльностью населения к возникающим новым политическим институтам, глубоким осознанием своего единства, а также выходом на политическую арену новой генерации руководителей. В конечном итоге должен сформироваться общий образ жизни, который и становится основой для «амальгамной» интеграции.

Реализация «плюралистического» типа интеграции не требует столь обширных и столь жестких условий. Основные социокультурные ценности интегрирующихся единиц просто не должны противоречить друг другу; предсказуемость поведения касается лишь ограниченной сферы общих интересов; требуется также адекватная реакция политических элит на сигналы и действия заинтересованных правительств и населения. Кроме того, успеху интеграции способствует восприятие объединительной идеи интеллектуальными кругами и политическими движениями, как и постоянное развитие сетей коммуникации и всестороннего взаимодействия. В 70-е годы под руководством К. Дойча было проведено обширное исследование в Германии (ФРГ) и Франции, в процессе которого были осуществлены интенсивный контент-анализ различных крупных ежедневных изданий, зондажи общественного мнения, экспертные опросы руководящих кадров, изучение статистики международных сделок. В результате обнаружилось, что благоприятный образ единой Европы, сформировавшийся у населения обеих стран, не привел к вытеснению приверженности национальным ценностям. Поэтому был сделан вывод о том, что «плюралистическая» версия европейской интеграции имеет более вероятное будущее, чем «амальгамная» (цит. по: 33, р. 125-127).

В обобщенном виде рассмотренные теоретические модели международной интеграции представлены в Таблице (см.: с. 255—256).

Теоретические модели международной интеграции

	"Функционализм" (Д. Митрани)	"Неофункционализм" (Э. Хаас, Л. Линдберг)	"Федерализм" (А. Этциони)	"Плюрализм" (К. Дойч)
ПРЕИМУЩЕСТВА В ПРЕОДОЛЕНИИ НЕДОСТАТКОВ И РЕШЕНИИ СОЗДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	— Неадаптивность гос. структур к управлению общими социальными интересами; принцип разяеленности.	Современ. общество: индустриальное, демократическое, плюралистическое и идеологически нейтральное.	Давление внешней угрозы; угроза процветанию и общим ценностям.	— Сохранение своего образа жизни; возможности экономической выгоды для всех. — Социальная мобильность.
АГЕНТЫ	— Прагматичная лояльность населения.	— Коалиция интересов социально-экономических элит.	— Выдающаяся личность; — Политическая элита; — Государство-авангард.	Государство-локомотив.
НЕДОСТАТКИ	— Чрезмерная децентрализация МО и связанные с этим новые проблемы координации. — Делегирование политических и военно-политических компетенции сталкивается с приверженностью государств национальным приоритетам.	— Хрупкость коалиций социально-экономических интересов. — Национализм и восставление государственной мощи.	— Престиж обычных государств.	— Слишком продвинутая институализация (сообщество амальгамной безопасности).
МЕХАНИЗМЫ	Сотрудничество в решении задач технического, экономического, социального характера и его политическое закрепление.	— Роль центральных институтов в формировании нового "национального сознания"; Передача суверенитетов новому центру. поставление и согласование точек зрения.	— Институализация; Принятие общефедеральной конституции; Двойное гражданство в условиях "двойного правительства"; Субсидиарность.	— Институализация. Адекватное и постоянное реагирование политических элит на сигналы и действия заинтересованных правительств

	"Функционализм" (Д. Митрани)	"Неофункционализм" (Э. Хаас, Л. Линдберг)	"Федерализм" (А. Этциони)	"Плюрализм" (К. Дойч)
ПУТИ	— Замена "вертикальной" территориальной замкнутости "горизонтальными" структурами в конкретных сферах; прямые контакты с администрацией; "отмирание" нац.-гос. суверенитетов.	— Совершенствование механизмов ППР; возрастание численности функционеров.	— Согласованный отказ от централизации и от политической обособленности. Разграничение полномочий центральных и региональных органов власти.	— Рост обменов (товарами, идеями, людьми): расширение сетей коммуникаций.
ТЕМПЫ, ЭТАПЫ	— Постепенность: последовательная передача технико-социально-экономич. компетенции международным организациям. — Делегирование прагматичной лояльности.	— Постепенность: последовательное делегирование социально-экономического суверенитета (включенность и наднациональность). — Передача утилитарн. верноподданности.	— Институциональная революция; или переходный этап конфедерации.	— Медленное социальное обучение от использования насилия.
возможный РЕЗУЛЬТАТ	— Переплетение МПО огранич. компетенции. — Поддержание мира путем распространения принципа нетерриториальности власти или "отмирания" государства.	— Создание территориального государства на высшем уровне.	— Воссоздание территориального государства. — Достижение мира посредством политической власти.	— Всеобщее распространение отказа от применения насилия: "сообщество плюралистической безопасности". — Мир не смотря на "плюрализм суверенитетов".

Завершая рассмотрение проблемы международного сотрудничества, следует подчеркнуть, что здесь так же, как и при анализе конфликтов, было бы ошибкой делать выводы относительно их причин каждый раз, когда обнаруживаются какие-либо корреляции. Так же как и конфликты, интеграционные процессы являются многомерным и сложным явлением, как бы «ускользающим» от анализа и «неподдающимся» единой и окончательной типологизации. Поэтому та или иная региональная (субрегиональная, государственная) модель интеграции не может быть механически «перенесена» — ни в теоретическом, ни (тем более) в практическом плане — на другой, даже очень «похожий» регион, но с иными социокультурными и экономическими особенностями и традициями. Во-вторых, стихийно возникнув в какой-либо сфере взаимодействия международных акторов, интеграция может остаться без последствий во всех остальных сферах, более того — может обратиться вспять или даже смениться противоположным процессом, — если она не будет подкреплена соответствующими политическими мероприятиями, закрепляющими благоприятные предпосылки и условия ее реализации и формирующими институциональные основы ее дальнейшего продвижения. Наконец, в-третьих, вряд ли верно рассматривать интеграционные тенденции как процессы, определяющие существо международных отношений, а тем более — пытаться на этой основе судить о будущем этих отношений. Как было показано выше, содержание международных отношений определяется не только сотрудничеством, но и конфликтами, в том числе и такими, которые сопровождаются дезинтеграцией ранее единых политических образований (примеры этого дают судьба СССР, Югославии, Чехословакии). Современная реальность не дает оснований полагать, что на смену им придет гармоничный международный порядок. Рассмотрим эту проблему более подробно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hoffmann S.* International Systems and International Law. In: *The International System. Theoretical Essays.* — Princeton, 1961, p. 208.
2. *Groom A.J.* Paradigms in conflict: The strategist, the conflict researcher and the peace researcher. // *Conflict: Readings in management and resolution.* — London, 1990; *Braillard Ph., Djalili M.-R.* Les relations internationales. — Paris, 1988, ch. 5.
3. *Coser L.* The Functions of Social Conflicts. — New York, 1956, p. 8.
4. *Boulding K.* Conflict and Defence. A General Theory. — New York, 1962.
5. *Burton J.* Resolution of Conflict. In: *International Studies Quarterly*, XV, 1, March 1972, p. 9-10.

6. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. — Paris, 1977, p. 110.
7. См.: *Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрустале» М.А.* Основы теории международных отношений. — М., 1988, с. 96; *Доронина Н.И.* Международный конфликт. — М., 1981, с. 31; *Международные конфликты / Под редакцией В.В. Журкина и Е.М. Примакова.* — М., 1972, с. 15.
8. См.: *Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрустале» М.А.* Основы теории международных отношений. — М., 1988, с. 96.
9. См., например: *Доронина Н.И.* Международный конфликт. — М., 1981, с. 33-34.
10. *Legault A.* Vingt-cinq ans d'etudes strategique: Essai critique et survol de la documentation. In: В. Korany et coll. *Analyse des relations internationales.* — Montreal, 1987, p. 42.
11. *Boomfield L.* Controlling Small Wars. - Penguin Press, 1972, p. 26.
12. *Гарт Лиддел.* Стратегия не прямых действий. — М., 1957, с. 339.
13. *Коллинз Джон М.* Большая стратегия. Принципы и практика. — М., 1975, с. 40.
14. См. об этом: *Богатуров А.Д., Плешаков К. В.* Динамика международной стабильности // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991, № 2.
15. *Galtung J.* A Structural Theory of Agression. In: *Journal of Peace Research.* № 2, 1964.
16. См. об этом: *Barrea J.* Theories des relations internationales. — Paris, 1978, p. 325.
17. *Senarclens P. de.* La politique internationale. — Paris, 1992, p. 41—49.
18. *Wright Q.* Escalation of International Conflict // *Journal of Conflict Resolution,* 1965, № 4.
19. Социальный конфликт: современные исследования. Реферативный сборник. — М., 1991.
20. *Senghaas D., ed.* Kritische Friedensforschung. — Frankfurt, 1971.
21. *Schmid H.* Politics and Peace Research. In: *Journal of Peace Research.* Vol.V, 1968.
22. *Лебедева М.М., Хрустале» М.А.* Основные тенденции в зарубежных исследованиях международных переговоров // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989, № 9, с. 107.
23. О процессе международных переговоров (опыт зарубежных исследований) / Отв. редакторы — *Р. Г. Богданов, В.А. Кременюк.* — М., 1989, с. 7.
24. См. об этом: *Международные отношения как объект изучения.* — М., 1993, с. 57.
25. *Singer D.* Vers une science de la politique internationale: perspectives, promesses et resultats. In: В. Korany et coll. *Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees.* — Montreale. 1987, p. 292 .
26. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. — Princeton. 1990.
27. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la s?ne internationale. — Paris, 1992.

28. *Шушков Ю.В.* Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции //Мировая экономика и международные отношения. 1993, № 10.
29. *Braillard Ph.* Theories des relations internationales. — Paris, 1977 p. 135.
30. *Gonidec P.-F; Charvin R.* Relations internationales. — Paris, 1984, p. 435.
31. *Mitlany D.* A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. — London, 4-th ed., 1946.
32. *Zorgbibe Ch.* Les relations internationales. — Paris, 1975, p. 119.
33. *Haas E.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. - London, 1958.
34. *Lindberg L.* The Political Dynamics of European Economic Integration. — London, 1963.
35. См.: *Натан Р.П., Хоффманн Э.П.* Современный федерализм // Международная жизнь. 1991, № 1, с. 42—43.
36. *Gerbet P.* Penser l'Union europeenne. In: Penser le XX-e siècle. Sous la direction de Andre Versaille. — Bruxelles, 1990, p. 198.
37. *Deutsch K.* Political community and North Atlantic area. — Princeton. 1957, p. 6.
38. *Braillard Ph., DjalW M.-R.* Les relations internationales. Paris, 1988.

Глава XII

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

Проблеме международного порядка принадлежит одно из центральных мест поскольку в ней концентрируется представление о взаимодействующих на мировой арене социальных общностях как о составных частях, элементах единого социума — «международного общества», — характер отношений между которыми все больше напоминает характер отношений, существующих в рамках тех или иных внутригосударственных границ. При сохранении своих отличительных особенностей (отсутствие центральной власти, плюрализм суверенитетов, территориальная раздельность и т.п.), рудиментов «права сильного», конфликтов и войн международные отношения наших дней уже никак не могут быть представлены в виде «естественного состояния», когда сильный делает все то, что он хочет, а слабый — лишь то, что может. Конечно, как единой социально-политической организации, управляемой единым правительством на основе общих законов, международного общества не существует. Трудно предполагать, что оно вообще возможно в сколь-либо обозримом будущем. Однако столь же трудно и отрицать, что государства и народы, населяющие планету, связаны сегодня нитями единой мировой экономики, в большинстве своем разделяют сопоставимые идеалы и ценности, представлены в совместных политических и иных структурах, наконец, сталкиваются с общими вызовами и проблемами. Иначе говоря, существует тот минимум единства и организации, который вполне позволяет говорить о том, что существование международного общества — вполне очевидная реальность. А это означает, что такой же реальностью является и международный порядок.

Анализ проблемы международного порядка требует уяснения ряда вопросов. Во-первых, это вопрос о том, что такое «международный порядок», что вкладывается в содержание этого понятия. Во-вторых, это вопрос о типах международного порядка в исто-

рии человеческого общества. В-третьих, — вопрос о характерных чертах послевоенного международного порядка. И, наконец, в-четвертых, это вопрос об особенностях современного международного порядка и о возможности и путях построения качественно нового мирового порядка. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

1. Понятие международного порядка

В определении международного порядка следует исходить из характеристики социального, или общественного (социетально-го) порядка. Общественный порядок — это такая организация социальной жизни, которая противоположна анархии, отрицающей всякую власть одних социальных общностей над другими, проповедующей неподчинение любому руководству и ничем неограниченную свободу личности. Иначе говоря, общественный порядок — это определенная организация в жизни социума, ее регулирование на основе определенных (например, государственно-правовых) норм и общих (например, национальных, культурных, морально-этических и т.п.) ценностей.

Понятие «международный порядок» относится к глобальной социальной общности, образованной совокупностью различных общественных субъектов (акторов), действующих на мировой арене. Возникает вопрос, возможен ли общественный порядок в сфере международных отношений, которая характеризуется отсутствием единой центральной власти, многообразием несовпадающих между собой ценностей, а также отсутствием высшего органа, который определял бы правомерность или неправомерность действий участников международных отношений? Ведь общие ценности здесь играют весьма слабую роль, а нормы международного права, в сущности, носят необязательный характер.

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, следует иметь в виду то, что с самого начала истории международных отношений человечеству было свойственно стремление к их сознательному регулированию, в основе которого лежала всеобщая потребность их участников в безопасности и выживании. По мере возрастания степени зрелости международных отношений, это стремление находило свое выражение во все более интенсивном развитии международного права, создании и укреплении международных организаций и институтов, в усилении их роли в стабилизации международной жизни и, наконец, в постепенном формировании на этом пути целостной глобальной международной системы (1).

Таким образом, международный порядок — это такое устройство международных (прежде всего межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности госу-

дарств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. В данном случае речь идет об институциональном понимании, которое, конечно, не исчерпывает всего содержания понятия «международный порядок».

В литературе, посвященной анализу международных отношений не существует однозначного, общепризнанного определения международного порядка. Некоторые исследователи склонны сводить его к совокупности юридических норм, сводя тем самым к международному праву, другие делают упор на международную стабильность, третьи связывают с сохранением на международной арене определенного статус-кво в отношениях между государствами. Например, с точки зрения американского автора Т. Франка, основу международного порядка составляет законность — совокупность правил, созданных в ходе общепринятых юридических процедур, характеризующихся ясностью, взаимосвязанностью и вписывающихся в существующую систему международного права (2). Однако с позиций, основанных на существовании международного общества, такая точка зрения представляется слишком узкой, поскольку она не только сводит проблему международного порядка к межгосударственным отношениям, но и эти последние рассматривает лишь в одном измерении.

Поскольку содержание термина «международный порядок» традиционно связано с межгосударственными отношениями, С. Хоффманн предложил отличать его от термина «мировой порядок». С этой точки зрения, международный (а вернее сказать, межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка. В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Напротив, мировой порядок немислим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека.

Разница между рассматриваемыми понятиями заключается и в том, что если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке.

Один из крупнейших немецких философов XX в. К. Ясперс понимал мировой порядок как «принятое всеми устройство, воз-

нижнее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этоса» (3). Мировая история до сих пор не знала подобного устройства. Это не означает, однако, что мировой порядок невозможен в принципе. Напротив, с расширением круга участников международных отношений, а также усилением взаимозависимости мира, стимулируемым и научно-техническим прогрессом, и обострением глобальных проблем, тенденция к общемировому устройству человеческой жизни становится все более отчетливой, приобретая особо зримые черты в наше время. В самой этой тенденции отражаются общесоциологические процессы и закономерности, обусловленные деятельностью социальных общностей на мировой арене.

Таким образом, международный порядок — важная составная часть мирового порядка, его ядро, но к нему не сводится все содержание мирового порядка. Поэтому с точки зрения строгого, академического подхода их не следует отождествлять. В то же время было бы неверно и абсолютизировать их различие. Они имеют общие корни, общие основы, которые цементируют единство человеческого общества, обеспечивают его целостность. К числу таких основ относятся международные экономические обмены, возрастающее значение которых резюмируется в формировании единого мирового рынка; научно-технические достижения (особенно в области коммуникационных систем, средств связи и информации); политические структуры и интересы; социокультурные ценности. Они играют неодинаковую роль в формировании и поддержании международного порядка: на различных этапах исторического развития одни из них выступают на передний план, тогда как значение других снижается; точно так же изменения, происходящие в структуре, например, политических основ того или иного типа международного порядка, не ведут автоматически к изменениям в мировой экономике или в ценностных ориентациях международных акторов, хотя и влияют на них. В то же время, правильное понимание сущности и значения проблемы международного порядка возможно только при комплексном рассмотрении основ его формирования и функционирования.

Исходя из этого методологического требования, С. Хоффманн принимает за отправной пункт своего анализа проблемы международного порядка его основные измерения — характеристики, отражающие эмпирические данные, в которых резюмируются исследования методов создания и поддержания международного порядка (4).

Наиболее изученным из них является *горизонтальное измерение*, т.е. отношения между главными акторами международных

отношений. При этом, если международная система носит в структурном отношении многополюсный характер, то механизмом поддержания в ней порядка является механизм политического равновесия. Что же касается биполярных систем, то и здесь баланс сил выступает главным средством от сползания к беспорядку.

Вертикальное измерение международного порядка представлено отношениями между сильными и слабыми акторами. Именно триумф силы выступает гарантом иерархической и жесткой организации международных отношений и регулирования взаимодействий в рамках империй, являющихся типичным примером доминирования в международной системе вертикального измерения международного порядка. При этом насилие — главное, но не единственное средство сохранения империи: история показывает, что она подвергается угрозе развала именно тогда, когда сила превращается в ее единственную опору, а остальные средства — такие, как «вертикальная дипломатия», специальные органы имперской бюрократии и правовые системы, а также экономические компенсации для лояльных вассалов, — по тем или иным причинам дают сбой и перестают действовать (см.: там же, р. 679).

Основу *функционального измерения* международного порядка составляет та роль, которую играют в стабилизации международной жизни различные области международных отношений — дипломатия и стратегия поведения акторов, экономические обмены между ними, моральные ценности и политические амбиции лидеров, а также деполитизированная сфера деятельности частных субъектов международных отношений (например, транснациональных обществ деловых людей, ассоциаций ученых, специалистов и т.п.). При этом любой из указанных аспектов функционального измерения может служить как стабилизирующим фактором, т.е. фактором поддержания международного порядка, так и источником его дестабилизации и беспорядка (см.: там же, р. 681).

Главное же заключается в том, что во всех измерениях международного порядка основным средством его поддержания на разных этапах исторического развития международных отношений оставалась сила — и прежде всего военная сила. Положение начинает отчасти меняться лишь в последние десятилетия нашего века. Выяснение деталей этих изменений требует более подробного рассмотрения вопроса об исторических типах международного порядка.

2. Исторические типы международного порядка

В науке о международных отношениях существует согласие относительно того, что современный международный порядок и современная система межгосударственных отношений ведут свое

начало с 1648 года, когда Вестфальский мирный договор положил конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и санкционировал распад Священной Римской империи на 355 самостоятельных государств. Именно с этого времени в качестве главной формы политической организации общества повсеместно утверждается национальное государство (в западной терминологии — «государство-нация»), а доминирующим принципом международных отношений становится принцип национального (т.е. государственного) суверенитета. До этого времени, как подчеркивал известный юрист-международник прошлого века Ф. Мартене, международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны (5).

Вестфальский договор имел целью закрепить сложившееся в результате войны соотношение сил и, закрепив границы национальных государств, создать противодействие их стремлению установить свое господство над территориями друг друга (см.: 1, с. 52). Таким образом, вместе с государством-нацией и правовым закреплением национально-государственного суверенитета в международных отношениях закрепляется система политического равновесия. Основной ее смысл — компромисс между принципом суверенитета и принципом общего интереса. В процессе своего функционирования данная система вынуждает каждого из акторов ограничивать свои экспансионистские устремления, чтобы не оказаться в ситуации, когда подобное ограничение будет навязано ему другими. Одним из главных средств поддержания равновесия является тот или иной вид коалиции: либо объединение «всех против одного», либо — когда этот «один» предусмотрительно окружил себя союзниками, — коалиция блокады, в которую вступают те, кто хочет сохранить сложившееся соотношение сил. Коалиция направлена на устрашение государства, которое потенциально в той или иной форме нарушает политическое равновесие. В случае неудачи устрашения, средством обуздания такого государства, используемым коалицией, становится локальная война за ограниченные цели. Таким образом, в этой системе одностороннее использование силы является фактором создания беспорядка, тогда как ее коллективное использование рассматривается как инструмент поддержания порядка (см.: 4, р. 676—677).

В дальнейшем понятие политического равновесия приобрело более широкий смысл и стало означать: а) любое распределение силы; б) политику какого-либо государства или группы государств, направленную на то, чтобы чрезмерные амбиции другого государства были обузданы с помощью согласованной оппозиции тех, кто рискует стать жертвами этих амбиций; в) многополярную со-

вокупность, в которую время от времени объединяются великие державы с целью умерить чрезмерные амбиции одной из них (6).

Идея равновесия как принцип международных отношений и международного права просуществовала до 1815 г., когда поражение Наполеона и временная победа монархических реставраций были закреплены на Венском конгрессе в принципе «легитимизма», означавшем в данном случае попытку победителей восстановить феодальные порядки (см.: 1, с. 52—57). Из этого не следует, что механизм равновесия в дальнейшем уже не используется для поддержания порядка. Напротив, в приведенном выше широком понимании он становится едва ли не универсальным средством, которое в той или иной степени находит себе применение вплоть до наших дней.

«Легитимизм» как оправдание вооруженных интервенций европейских монархий с целью насаждения феодальных порядков не мог сохраниться длительное время. Уже во второй половине XIX в. рушится созданный в результате Венского конгресса Священный союз, а к концу столетия в Европе происходит формирование двух основных военно-политических группировок — Тройственного союза и Антанты, развязавших в начале XX в. первую мировую войну. Ее итогом стали новый раскол Европы и мира в целом, Октябрьская революция и образование СССР. К трем измерениям международного порядка, на которые указывал С. Хоффманн, добавилось четвертое — *идеологическое измерение*. Это отнюдь не способствовало стабилизации международных отношений, доказательством чего стала вторая мировая война. В результате раскол Европы и мира углубился, ибо образовались два противостоящих друг другу лагеря, две общественно-политические системы, исповедующие противоположные идеологии. Шаткая стабильность между ними поддерживалась при помощи «холодной войны» и взаимного устрашения, подкрепляемого растущим ядерным арсеналом обеих сторон и ведущего к безудержной гонке вооружений, которая становилась все более обременительной для их экономик и для мировой экономики в целом. В структурном отношении сформировавшийся после второй мировой войны международный порядок предстает как явно выраженное биполярное устройство, усложняемое по всем измерениям целым рядом обстоятельств, более подробно о которых будет сказано далее. Здесь же отметим, что ситуацию, сложившуюся в международных отношениях в послевоенное время и сохранявшуюся вплоть до конца 80-х годов, вряд ли правомерно рассматривать как сосуществование двух типов международного порядка — капиталистического и социалистического. В сущности, каждая из систем функционировала по одной и той же схеме, в соответствии с которой держава-гегемон фактически подчиняла своим

интересам деятельность своих «клиентов» как внутри системы, так и за ее пределами.

В целом, наблюдаемые в истории типы международного порядка колеблются в пределах двух классических моделей: модели «состояния войны» и модели «ненадежного мира» или «нарушаемого порядка» (см.: 4, р. 673—675). Согласно первой из них, сущностью международных отношений является война или подготовка к ней. Так называемые общие нормы — хрупки, временны, они пропорциональны поддерживающей их силе, подчинены преходящему совпадению интересов. Сторонники этой модели (Фу-кидид, Макиавелли, Гоббс, Руссо, Кант, Гегель) сходятся во мнении, согласно которому в международных отношениях не существует общего разума, который умеривал бы амбиции каждого актора, а есть лишь институциональная рациональность: поиски наилучших средств для особых целей, расчет сил, приводящие не к гегемонии, а к конфликтам. Вместе с тем они расходятся в своих оценках подобного типа международного порядка, а следовательно, и путей его преодоления и замены новым, более совершенным.

Гоббс, например, считал состояние войны вполне терпимым, хотя и различал индивидуальную войну «всех против всех», вытекающую из самой человеческой природы, и войну между государствами, которая не обязательно угрожает выживанию каждого человека, особенно если речь идет о сильных государствах. Отсюда его призыв к отказу от индивидуальной свободы людей в пользу государства—Левиафана. Гегель видел в войне необходимое и благоприятное, хотя и суровое средство против упадка гражданского общества и считал, что в конечном итоге конфликты между цивилизованными обществами трансформируются в некий ритуал, не угрожающий их безопасности. В противоположность такому подходу Кант рассматривал войны как нетерпимое явление. Идеальным состоянием общества он считал мир между отдельными лицами в естественном состоянии и мир между государствами. Но вечный мир, с его точки зрения, может наступить лишь в очень отдаленном будущем.

Что касается второй модели, то она является реакцией на возникновение государств-наций с их принципом суверенности, утрату абсолютного авторитета христианской церкви и римского папы. Международные отношения рассматриваются в ней как среда, в которой имеются силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, которые приводят их к созданию общих правовых норм. Так, с точки зрения Локка, мировая политика не есть состояние войны. В противоположность Гоббсу он считал, что естественное состояние человека означает

не «войну всех против всех», а личную свободу и равенство людей и, кроме того, отсутствие единого союза и общего суверена. Последнее обстоятельство создает возможность злоупотребления, поэтому государство призвано соблюдать и защищать принципы естественного права и ограждать от злоупотребления ими. Для государств является «естественным» признание взаимных обязательств, уважения друг друга и взаимопомощи, война же является продуктом злоупотребления суверенитетом и наносит всеобщий вред. Тем не менее войны практически неизбежны, поэтому международный порядок всегда является ненадежным.

Каждая из приведенных моделей отражала часть действительности своего времени. В определенной мере это остается верным и для наших дней, хотя следует подчеркнуть, что последние десятилетия привнесли в международный порядок существенные изменения. Сегодня достаточно четко просматриваются два качественно разных этапа послевоенного международного устройства:

период «холодной войны» и современный период, начало которому положили перемены в нашей стране и в странах Восточной Европы и который следует характеризовать как переходный. Рассмотрим каждый из них.

3. Послевоенный международный порядок

После второй мировой войны сложился международный порядок, отличавшийся двумя существенными особенностями.

Во-первых, это уже упоминавшееся достаточно четкое разделение мира на две социально-политические системы, которые находились в состоянии перманентной «холодной войны» друг с другом, взаимных угроз и гонки вооружений. Раскол мира нашел свое отражение в постоянном усилении военной мощи двух сверхдержав — США и СССР, он институализировался в противостоящих друг другу двух военно-политических (НАТО и ОВД) и политико-экономических (БЭС и СЭВ) союзах и прошел не только по «центру», но по «периферии» международной системы.

Во-вторых, это образование Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений и все более настойчивые попытки регулирования международных отношений и совершенствования международного права. Образование ООН отвечало объективной потребности создания управляемого международного порядка и стало началом формирования международного сообщества как субъекта управления им. Вместе с тем, вследствие ограниченности своих полномочий, ООН не могла выполнить возлагаемой на нее роли инструмента по поддержанию мира и безопасности, международной стабильности и сотрудничества между народами. В результате сложившийся международный по-

радок проявлялся в своих основных измерениях как противоречивый и неустойчивый, вызывая все более обоснованную озабоченность мирового общественного мнения.

Опираясь на анализ С. Хоффманна, рассмотрим основные измерения послевоенного международного порядка.

Так, горизонтальное измерение послевоенного международного порядка характеризуют следующие особенности.

1. Децентрализация (но не уменьшение) насилия. Стабильность на центральном и глобальном уровнях, поддерживаемая взаимным устрашением сверхдержав, не исключала нестабильности на региональных и субрегиональных уровнях (региональные конфликты, локальные войны между «третьими странами», войны с открытым участием одной из сверхдержав при более или менее опосредованной поддержке другой из них противоположной стороны и т.п.).

2. Фрагментация глобальной международной системы и региональных подсистем, на уровне которых выход из конфликтов зависит каждый раз гораздо больше от равновесия сил в регионе и чисто внутренних факторов, касающихся участников конфликтов, чем от стратегического ядерного равновесия.

3. Невозможность прямых военных столкновений между сверхдержавами. Однако их место заняли «кризисы», причиной которых становятся либо действия одной из них в регионе, рассматриваемой как зона ее жизненных интересов (Карибский кризис 1962 г.), либо региональные войны между «третьими странами» в регионах, рассматриваемых как стратегически важные обеими сверхдержавами (Ближневосточный кризис 1973 г.).

4. Возможность переговоров между сверхдержавами и возглавляемыми ими военными блоками с целью преодоления создавшегося положения, появившаяся в результате стабильности на стратегическом уровне, общей заинтересованности международного сообщества в ликвидации угрозы разрушительного ядерного конфликта и разорительной гонки вооружений. В то же время эти переговоры в условиях существующего международного порядка могли привести лишь к ограниченным результатам.

5. Стремление каждой из сверхдержав к односторонним преимуществам на периферии глобального равновесия при одновременном взаимном согласии на сохранение раздела мира на «сферы влияния» каждой из них.

Что касается вертикального измерения международного порядка, то, несмотря на огромный разрыв, существовавший между мощностью сверхдержав и всего остального мира, их давление на «третьи страны» имело пределы, и глобальная иерархия не становилась большей, чем прежде. Во-первых, всегда сохранялась существовавшая в любой биполярной системе возможность контр-

давления на сверхдержаву со стороны ее более слабого в военном отношении «клиента». Во-вторых, произошел крах колониальных империй и возникли новые государства, суверенитет и права которых защищаются ООН и региональными организациями типа ЛАГ, ОАЕ, АСЕАН и др. В-третьих, в международном сообществе формируются и получают быстрое распространение новые моральные ценности либерально-демократического содержания, в основе которых — осуждение насилия, особенно по отношению к слаборазвитым государствам, чувство постимперской вины (знаменитый «вьетнамский синдром» в США) и т.п. В-четвертых, «чрезмерное» давление одной из сверхдержав на «третьи страны», вмешательство в их дела создавали угрозу усиления противодействия со стороны другой сверхдержавы и негативных последствий в результате противостояния между обоими блоками. Наконец, в-пятых, указанная выше фрагментация международной системы оставляла возможность претензий определенных государств (их режимов) на роль региональных квазисверхдержав с относительно широкой свободой маневра (например, режим Индонезии в период правления Сукарно, режимы Сирии и Израиля на Ближнем Востоке, ЮАР — в южной Африке и т.п.).

Для функционального измерения послевоенного международного порядка характерно прежде всего выдвижение на передний план деятельности государств и правительств на международной арене экономических мероприятий. Основой этого явились глубокие экономические и социальные изменения в мире и повсеместное стремление людей к росту материального благосостояния, к достойным XX века условиям человеческого существования. Научно-техническая революция сделала отличительной чертой описываемого периода деятельность на мировой арене в качестве равноправных международных акторов неправительственных транснациональных организаций и объединений. Наконец, в силу ряда объективных причин (не последнее место среди них занимают стремления людей к повышению своего уровня жизни и выдвижение на передний план в международных стратегическо-дипломатических усилиях государств экономических целей, достижение которых не может быть обеспечено автаркией), заметно возрастает взаимозависимость различных частей мира.

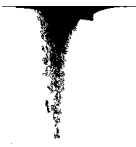
Однако на уровне идеологического измерения международного порядка периода холодной войны эта взаимозависимость не получает адекватного отражения. Противопоставление «социалистических ценностей и идеалов» «капиталистическим», с одной стороны, устоев и образа жизни «свободного мира» «империи зла», — с другой, достигли к середине 80-х годов состояния психологической войны между двумя общественно-политическими системами, между СССР и США.

И хотя путем использования силы на региональных и субрегиональных уровнях, ограничения возможностей «средних» и «малых*» государств сверхдержавам удавалось сохранять глобальную безопасность и тем самым контролировать сложившийся после второй мировой войны международный порядок, изменения, происходящие в сфере международных отношений, делали все более очевидным тот факт, что уже к 80-м годам он превратился в тормоз общественного развития, опасное препятствие на его пути.

Тяжелым бременем для человечества стала вызванная противоборством двух систем гонка вооружений. Так, в середине 80-х годов на вооружение ушло около 6% мирового валового продукта. Военные программы повлекли за собой огромный расход топлива, энергии, редкого сырья. Реализация этих программ приостановила либо замедлила использование для невоенных нужд множества научных открытий и новейших технологий (7). По данным Стокгольмского международного института мира (SIPRI) в середине 80-х годов более половины ученых и технической интеллигенции планеты работали над созданием средств и методов разрушения, а не созидания материальных ценностей. Военные расходы оценивались в 1000 млрд. долларов в год или свыше 2 млн. в минуту (8). В то же время около 80 млн. человек в мире жили в абсолютной нищете, а из 500 млн. голодающих 50 млн. (половина которых — дети) ежегодно умирали от истощения (см.: там же, р. 79—80).

Если для мировой экономики непомерное бремя военных расходов стало причиной стагнации и экономического дисбаланса, то еще более тяжелыми были его последствия для «третьего мира». Так, каждое вызванное гонкой вооружений повышение США своего ссудного процента на единицу добавляло 2 млрд. долларов к долгу развивающихся стран. Одним из самых опасных последствий и аспектов проблемы стал рост военных расходов стран «третьего мира», испытывающих острый недостаток средств для медицинского обслуживания и продовольственного обеспечения населения. Достигнув ежегодной суммы в 140 млрд. долларов к 1980 г., эти расходы утроились в реальных ценах между 1962-* 1971 и 1972— 1981 годами. Во многих развивающихся странах на военные цели выделялось до 45% национального бюджета (см.: там же). Возрастающее бремя военных расходов стало непосильным и для СССР, сыграв едва ли не решающую роль в крушении его экономики.

В целом же, в истории человечества создалась принципиально новая ситуация, когда накопленного им прежде опыта нахождения оптимальных путей общественного развития уже недостаточно, когда возникла острая необходимость в нетривиальных подходах, порывающих с привычными, но более не отвечающими-

ми действительности стереотипами. Беспрецедентные вызовы, с которыми столкнулось человечество, потребовали соответствующих их масштабам изменений в области международных отношений. Первостепенную важность для судеб цивилизации получило широкое осознание уже отмечавшегося ранее некоторыми учеными того факта, что современный мир представляет собой неделимую целостность, единую взаимозависимую систему. Новое значение приобрел вопрос о войне и мире — пришло понимание всеми, причастными к принятию политических решений того, что в ядерной войне не может быть победителей и побежденных и что войну уже нельзя рассматривать как продолжение политики, ибо возможность применения ядерного оружия делает вполне вероятной гибель человеческой цивилизации.

В этих условиях все более настойчиво пробивает себе дорогу идея нового международного порядка. Однако между ней и ее практическим воплощением лежат политические и социологические реальности наших дней, которые могут быть охарактеризованы как переходный период, отличающийся глубокой противоречивостью. Рассмотрим их подробнее.

4. Особенности современного этапа международного порядка

Идея нового международного порядка принимает самые различные концептуальные формы, в многообразии которых можно выделить два основных подхода — политологический (с акцентом на правовые аспекты) и социологический. Такое разделение, конечно, носит достаточно условный характер и его значение не должно преувеличиваться.

Сторонники первого подхода исходят из объективной потребности повышения управляемости мира и использования в этих целях существующих интеграционных процессов. Настаивая на необходимости создания международной системы, базирующейся на законности, они указывают на ускоряющееся на наших глазах расширение роли и сфер применения международного права и на повышение значения международных институтов. При этом одни из них, как, например, Г. Х. Шахназаров, считают, что ведущую роль в формировании международного порядка призваны сыграть многочисленные международные организации во главе с Организацией Объединенных Наций, которая может рассматриваться как зачаток будущего мирового правительства (9).

Другие, рассматривая создание мировых институтов, управляющих международными экономическими и политическими отношениями, как путь к формированию в отдаленном будущем планетарного правительства, указывают на роль

региональных

281

процессов как катализаторов, способных ускорить создание таких институтов. Так, например, почетный генеральный директор Комиссии европейского сообщества К. Лейтон выдвинул модель регионального сотрудничества по образу ЕЭС. Поддержка и институализация интеграционных процессов не только в Европе, но и в АТР, Африке, Латинской Америке в итоге позволит, по его мнению, создать эффективно функционирующую мировую федерацию под эгидой ООН (см.: 8, p. 54—55).

Некоторые из сторонников регионального подхода, усматривая зачатки будущей конфедерации государств в интеграционных союзах, которые в свою очередь, имеют тенденцию к взаимному сближению, считают, что ООН не способна возглавить данный процесс. Этому мешает прежде всего слабость международного права, которое, по сути дела, основывается на договорах, содержащих в самом акте их заключения возможность своего нарушения. Поэтому, по их мнению, вместо ООН нужна принципиально новая система государств, способная обеспечить действенность общих принципов их поведения на мировой арене (10).

К рассматриваемому направлению можно отнести и модель «гостиницы на полпути»: по мнению ее сторонников, для создания эффективного нового международного порядка необходимо не глобальное правительство, к которому не готовы народы и государства, а полицентрическое управление из центральной руководящей группы государств (США, Японии, стран ЕЭС, а также СССР — при условии преодоления им своих проблем, и Китая — при условии политических перемен в этой стране), которые сформировали бы своего рода Всемирный Генеральный Комитет. С другой стороны, аналогичную роль могли бы играть и региональные державы в соответствующих регионах мира (11).

Не менее разнообразны взгляды и сторонников социологического подхода к проблеме мирового порядка. Так, например, некоторые из них считают, что становление мирового порядка будет идти через конвергенцию социальных структур, размывание общественно-политических различий двух типов общества и затухание классовых антагонизмов (12). Настаивая на том, что именно такой путь может привести, в конечном счете, к формированию единой цивилизации (подчеркнем при этом, что некоторые из положений данной концепции отчасти подтверждаются дальнейшим развитием событий на международной арене), они вместе с тем достаточно скептически относятся к возможности создания единого управляющего центра для всего человечества. Так, по мнению А.Е. Бовина, отсутствие устойчивого постоянного баланса интересов не позволяет говорить — по крайней мере в среднесрочной перспективе, — о возможности делегирования по-

добному центру членами мирового сообщества части своих прав, своего суверенитета (13).

Социологический подход отличает и анализ проблемы мирового порядка, проведенный представителями Фонда Дата Хам-маршельда, которые подчеркивают, что уже сегодня существуют не только объективные потребности, но и предпосылки перехода от нынешней политики принятия сиюминутных решений и часто пассивного реагирования на события к более последовательной и надежной системе поддержания мира (14). Глобальный характер крупнейших мировых проблем требует, по их мнению, создания руководства нового типа для их урегулирования. Отстаивая идею мирового правительства и считая ООН его основой и прообразом, они подчеркивают, что уже сегодня ее деятельность должна отвечать не только требованиям правительств, но и возрастающим ожиданиям народов. В наши дни, в силу необычайного повышения роли частных и негосударственных акторов международных отношений, резко возрастает потребность в развитии сотрудничества на неправительственной основе. ООН и другие существующие международные организации уже сейчас выполняют не только политические функции, но и практически связаны со всеми отраслями человеческой деятельности. В дальнейшем эта роль будет еще больше возрастать, а решение многих международных программ во все большей степени будет обеспечиваться неправительственными источниками. Важными факторами существенных изменений в мире станут обеспечение их народной поддержкой и соответственно восприимчивость международных организаций к воле народов (см.: 14, № 10, с. 119—120).

Подчеркнем еще раз, что выделение двух указанных подходов носит условный характер. Разницу между ними нельзя абсолютизировать, она относительна: сторонники политологического подхода не отвергают роль социальных факторов в становлении нового международного порядка, так же как и сторонники социологического подхода не игнорируют влияния политических факторов. Речь идет лишь о том, что одни исходят из преимущественно межгосударственных, политических отношений и на этой основе осмысливают социальные и иные процессы, а другие строят анализ политических процессов и структур международных отношений на исследовании социальных тенденций. В то же время представляется, что социологический подход более плодотворен:

он содержит больше возможностей избежать идеологизации анализа, он более широк, что дает возможность интегрировать и политологический анализ, а главное — он позволяет полнее учитывать интересы не только государств и политических институтов, но и интересы социальных групп и конкретных людей.

Именно с позиций социологического подхода можно увидеть пути решения неразрешимого в рамках «чисто» политологического рассмотрения центрального для проблемы мирового порядка вопроса — о соотношении между национально-государственным суверенитетом и всеобщей мировой ответственностью. «Священный» принцип суверенитета выглядит с этих позиций совершенно иначе, что позволяет заметить, что «безудержное исполнение национальных суверенитетов слишком часто сводится к насильственному шоку борющихся эгоизмов, означает неразумную эксплуатацию природы без заботы о будущих поколениях и экономическую систему, которая не способна реализовать «естественную справедливость» в отношениях между богачами «развитого мира» и миллионами голодающих в «третьем мире» (см.: 8, р. 26).

Недостаток ООН в том и состоит, что она остается организацией, в рамках которой осуществляется «дипломатия суверенитетов». В то же время именно существование ООН и ее специализированных учреждений свидетельствуют о попытках передачи государствами части своего суверенитета в «общий котел» для решения задач, отвечающих общим интересам. В дальнейшем объем этой части будет неизбежно возрастать (15). С этой точки зрения можно сказать, что переживаемый ныне исторический период — это период перехода к новому международному порядку, регулируемому институтами, законные права которых будут складываться из добровольно отчуждаемой и постоянно возрастающей доли суверенитетов всех участников международных отношений.

Социологический подход, интегрирующий политологический анализ, как уже отмечалось выше, дает возможность широкого и целостного представления проблемы международного порядка, которое позволяет представить его основы в виде определенной системы факторов, и важное место в которой принадлежит факторам социокультурного характера. Элементами такой системы выступают *отношения господства, интереса и согласия* международных акторов, а также наличие соответствующих *механизмов*, обеспечивающих функционирование международного порядка и регулирование возникающих в его рамках напряжений и кризисов (16). При этом роль первого элемента, который выражается в военно-силовых отношениях государств на мировой арене и построенной на них международной иерархии, сегодня существенно изменяется, отчасти снижается, хотя и не исчезает. В этом смысле нынешний этап международного порядка не перестает быть системой отношений между ограниченным количеством государств, занимающих в мире господствующие, с военно-стратегической точки зрения, позиции, и остальными странами. С дру-

гой стороны, возрастание роли новых технологий и связанного с ними уровня экономического развития повышают их роль в «рейтинге» того или иного государства и увеличивают его возможности влиять на международные дела в своих национальных интересах. Тем самым, наряду с относительно снижающейся, но в то же время сохраняющей значительное воздействие на состояние международных отношений иерархией, основанной на военно-силовых критериях, возникают и усиливают свое влияние иерархии, вытекающие из возрастающего экономического неравенства. Сосуществование обоих видов иерархий и связанных с ними мотиваций различных международных акторов — существенная черта нынешнего международного порядка.

Заметные изменения претерпевает и второй элемент международного порядка, связанный с интересами акторов. Во-первых, происходят преобразования в структуре национальных интересов государственных акторов международных отношений: на передний план выдвигаются интересы, связанные с обеспечением экономического процветания и материального благополучия. При этом экономический компонент национального интереса становится уже не только фактором, который призван служить увеличению государственной мощи, а приобретает и все более очевидное самостоятельное значение — как необходимый ответ государства на возросшие требования населения к уровню и качеству жизни, с одной стороны, и, — с другой стороны, — как ответ на новые внешние вызовы, связанные с авторитетом и престижем государства на мировой арене, его местом в международной иерархии, складывающейся сегодня на иных принципах. Во-вторых, укрепление роли негосударственных акторов сопровождается снижением контроля со стороны правительств над мировой экономической жизнью и распределением ресурсов, большая часть которого осуществляется транснациональными корпорациями. Интересы же последних зачастую не связаны с интересами государств или преобладают над ними. К соперничеству национальных интересов добавляется соперничество несопадающих с ними полностью интересов транснациональных предприятий, банков, ассоциаций и других негосударственных акторов.

Так, в 1991 г. западные частные компании, руководствующиеся собственными интересами, снабжают Ирак военными материалами, вопреки объявленному ООН экономическому эмбарго; российские политические объединения, группирующиеся вокруг газеты «День» организуют отправку добровольцев на войну в Югославию, невзирая на государственную политику РФ в данном вопросе; латиноамериканские наркомафии превращаются не только в силу, вступающую в конфликты (которые могут принимать экономические, политические и вооруженные формы) со «свои-

ми» государствами, но и способствуют интернационализации подобных конфликтов, в которых хорошо вооруженные армии «иар-кобаронов» сталкиваются либо между собой, либо с вооруженными силами других государств. При этом у рядового человека складывается впечатление, что государство либо вовсе не владеет ситуацией в сфере международных отношений и поэтому лишь пассивно следует ей, либо — в лучшем случае — предпринимает усилия по смягчению ее неблагоприятных последствий. О «мировом беспорядке» пишут и профессиональные аналитики.

Что касается третьего элемента международного порядка — отношений согласия, то речь идет прежде всего о том, что любой порядок может иметь место лишь при условии добровольного присоединения акторов к лежащим в его основе нормам и принципам. В свою очередь, это возможно только при определенном совпадении их с теми общими ценностями, которые и вынуждают акторов действовать в определенных границах. По аналогии с внутриобщественными отношениями можно сказать, что соблюдение международных акторами определенных «правил игры» объясняется не только боязнью наказания, или непосредственными материальными интересами, но и консенсусом по поводу совместной социальной практики и признания легитимности этих правил.

Легитимность — факт культуры. Процесс легитимизации всегда связан с адаптацией «официальных» норм и правил действия к историческим традициям, верованиям, обычаям и образцам поведения, присущим той или иной социальной общности, и их влиянием на производство норм, определяющих границы дозволенного и недозволенного. С другой стороны, он связан с присоединением к основным положениям идеологии, претендующей на научность «системы представлений о мире, функционирующей как вера (политическая) и принуждение (символическое)» (17). Как подчеркивает французский политолог Ф. Бро, термин «символическое принуждение» достаточно корректно выражает способ распространения вырабатываемых идеологией политических верований. В основе процесса символического принуждения лежит тот факт, что социальные и политические идеалы, принятые как господствующие всем обществом, в действительности вырабатываются в особых секторах этого общества его отдельными представителями. Находясь в привилегированном положении, они способны через систему контролируемых ими институтов социализации — таких, как школа, религиозные или политические организации, средства массовой информации и т.п. — навязать обществу систему своих представлений и идеалов. Эффективность этого процесса зависит от двух факторов. Во-первых, от того, насколько удачной будет попытка рационально представить час-

тные потребности и идеалы в качестве общих. И во-вторых, от того, насколько успешным окажется стремление исключить (дискредитировать и обесценить) противоположные требования и идеалы. В конечном итоге все зависит от соотношения интеллектуальных, а также культурных сил общества (см: там же, р. 160— 161).

С этой точки зрения, распространение в мире демократических ценностей и идеалов не должно создавать иллюзий относительно их общечеловеческого характера. В действительности, как уже отмечалось, речь идет о ценностях западной либерально-демократической идеологии. Присущее ей, как и всякой идеологии, стремление исключить иные системы взглядов на общество и мир, на правила и нормы международного взаимодействия, а также попытки представить идеалы рыночной экономики, парламентской демократии, индивидуальных свобод и прав человека в качестве рациональных потребностей, связанных с самой человеческой природой, сталкивается с серьезными проблемами. Запад выступает для остального человечества в качестве референтной группы прежде всего в том, что касается развитых технологий, более эффективно функционирующей экономики, высокого уровня и качества жизни своих обитателей. Именно в этом пункте потерпела поражение коммунистическая идеология и основанный на ней социализм, не сумевший обеспечить сравнимых с Западом условий материального существования людей. Однако человечество не сможет повторить путь Запада к материальному процветанию, ибо он связан с обострением и глобализацией экологических и иных проблем, исчерпаемостью источников энергии и природных ресурсов планеты. Уже сегодня 6 процентов населения планеты, живущих в развитых странах, потребляет 35 процентов ее основных продуктов, что делает маловероятным присоединение к этим странам всего остального человечества. Экономическое неравенство, дистанция, разделяющая уровень жизни в богатых и бедных странах, отнюдь не уменьшается. Но если на протяжении прежних веков оно воспринималось как нормальное явление, то сегодня все в большей мере ощущается как несправедливость, порождая протесты и конфликты.

С другой стороны, как мы уже видели, не уменьшается и культурно-цивилизационное многообразие мира. Поэтому каждое общество, осуществляющее модернизацию, сталкивается с дилеммой — как осуществить необходимые для повышения эффективности экономики и подъема уровня жизни населения технико-экономические преобразования и одновременно сохранить собственную социокультурную идентичность? По мнению некоторых исследователей, указанная дилемма может вызвать к жизни новые идеологии, не совпадающие ни с коммунистической, ни с

либерально-демократической и связанные либо с модернистским авторитаризмом, либо с традиционализмом и ностальгическим постмодернизмом (см: 17, р. 99—100).

Наконец, что касается четвертого элемента международного порядка — механизмов, обеспечивающих его функционирование, позволяющих урегулировать возникающих в его рамках напряжений и кризисов, то, помимо уже рассмотренных выше моральных и правовых регуляторов, следует отметить возрастание роли международных обменов и коммуникаций. Международные коммуникации представляют собой широкую сеть каналов общения акторов, которая постоянно развивается и приобретает все более сложный характер. Сегодня она представлена, во-первых, общениями по традиционным официальным, институциональным и неинституциональным каналам: дипломатические отношения, МПЮ, двусторонние и многосторонние встречи, визиты официальных лиц и т.п. Во-вторых, взаимодействием между официальными инстанциями и общественным мнением, которое оказывает возрастающее влияние на правящие режимы, дипломатические ведомства и т.п. Наконец, в-третьих, самостоятельной и непосредственной ролью средств массовой информации, как каналов международного общения, оказывающих усиливающееся воздействие на существующий мировой порядок. При этом каждый из указанных каналов, призванных способствовать сохранению стабильности и совершенствованию международного порядка, способен вызвать обратный эффект: спровоцировать его кризис, усиливая неудовлетворенность тех или иных влиятельных акторов международных отношений (см: 17, р. 89).

Как свидетельствует история, крушение одного типа международного порядка и замена его другим происходит в результате масштабных войн или революций. Своеобразие современного периода состоит в том, что крах международного порядка, сложившегося после 1945 г., произошел в условиях мирного времени. Вместе с тем мирный характер уходящего международного порядка, как мы видели, был достаточно относительным: во-первых, он не исключал многочисленных региональных вооруженных конфликтов и войн, а во-вторых, постоянной напряженности в отношениях между двумя противостоящими блоками, выступающей как состояние «холодной войны». Последствия ее окончания во многом сходны с последствиями прошлых мировых войн, знаменовавших переход к новому международному порядку: крупномасштабные геополитические сдвиги; временная дезориентация в результате потери главного противника как победителей, так и побежденных; перегруппировка сил, коалиций и союзов; вытеснение ряда прежних идеологических стереотипов; смена политических режимов; возникновение новых государств и т.п.

Происходит конвульсивная трансформация всей системы сложившихся международных отношений, сопровождающаяся высвобождением политического экстремизма и агрессивного национализма, религиозной нетерпимости, ростом конфликтов на национально-этнической и конфессиональной основе, возрастанием миграционных потоков.

Дестабилизация международной системы свидетельствует о том, что человечество находится на переломном этапе своего развития. Объективные императивы выживания, безопасности и развития влекут за собой потребность в более надежном международном порядке, отвечающем новым тенденциям, связанным с «раздвоением» привычного государственно-центричного мира и сосуществованием его с миром нетрадиционных акторов. Время покажет, будет ли новый порядок регулироваться планетарным правительством, располагающим для этого соответствующими средствами наднационального характера — правительством, армией, действенными правовыми механизмами и т. п., — или его основой станут несколько взаимодействующих между собой интегрированных региональных центров, охватывающих в своей совокупности весь мир, или же это будет какой-то иной вариант управления миром. Но в любом случае создание и функционирование надежного мирового порядка может быть достигнуто лишь на основе создания условий для реализации интересов и сохранения ценностей не только государств и межправительственных организаций, но и самых разнообразных социальных общностей, конкретных людей. С другой стороны, это требует преодоления той степени аномии, которая присуща сегодня международному обществу.

Сегодняшний мир еще далек от такого состояния. Прежний международный порядок, построенный на силе и устрашении, хотя и подорван в глобальном масштабе, но в то же время его правила и нормы еще продолжают действовать (особенно на региональных уровнях), что не дает оснований для выводов о необратимости тех или иных тенденций. Упадок же послевоенного международного порядка открывает перед человечеством переходный период, полный опасностей и угроз для социальных и политических устоев общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Курс международного права. Т. 1. — М., 1989, с. 10.
2. *Franck T.* The Power of Legitimacy among Nations. — Oxford, 1990.
3. *Яценко К.* Истоки истории и ее цель. — М., 1991. Вып.2, с. 89, 91, 94.
4. *Hoffmann S.* L'ordre international //Traite de science politique. Volume 1. - Paris, 1985, p. 675-680.

5. См. об этом: *Мурадян А.А.* Буржуазные теории международной политики. — М., 1988, с. 42—43.
6. *Haas E.* The Balance of Power: Prescription Concept or Propaganda// World Politics. 1953.
7. Мир и разоружение. — М., 1986.
8. *Leyton C.* Une seule Europe. — Paris, 1988, p. 77. 9 *Шахназаров Г.Х.* Мировое сообщество управляемо // Известия, 15.01.1988.
10. *Поздняков Э.А., Шадрин И.П.* О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 4.
11. Foreign Affairs. 1990, № 4.
12. *Бовин А.Е.* История и политика // Известия, 01.01.1991.
13. См.: *Бовин А.Е.* Мировое сообщество и мировое правительство // Известия, 01.02.1988.
14. *Эрхарт Б., Чайлдс Э.* Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН // Мировая экономика и международные отношения. 1990, № 10; 11.
15. *Обминский Э.Е.* Мировое хозяйство. Подходы к регулированию // Международная жизнь. 1990, № 4.
16. *Senarckns P. de.* La politique internationale. — Paris, 1992, p. 107; *Moreau Defarges Ph.* Relations internationales. 2. Questions mondiales. — Paris, 1992, p. 76.
17. *Braud Ph.* Manuel de sociologie politique. — Paris, 1992, p. 159.

ПРИЛОЖЕНИЕ (ТЕСТЫ)

1. Теории международных отношений

I. Основные парадигмы в подходах к изучению МО (отметить верное):

- а) Глобализм. Конфликтология. Политический реализм.
- б) Политический реализм. Политический идеализм. Политический материализм.
- в) Анархизм. Транснационализм. Модернизм.
- г) Нормативизм. Морализм. Либерализм.

II. К какой из парадигм относятся нижеприведенные положения:

- а) МО — это универсальное сообщество людей, объединенных индивидуальными и транснациональными связями и взаимодействиями. _____
- б) МО — это система господства сильных и богатых над слабыми и бедными, борьба вторых против первых. _____
- в) МО — это взаимодействие суверенных государств, основанное на национальных интересах и использовании силы. _____
- г) МО — это политическая система, основанная на соотношении интересов государств, действующих сообща во имя сохранения общего порядка. _____

III. Вопросы «истина — ложь»

- а) Политический реализм не признает моральных норм в МО.
- б) Согласно Моргентау, власть есть «способность человека контролировать сознание и поведение других людей».
- в) Макиавелли доказывал, что правителям никогда не следует сдерживать своих обещаний, ибо это — признак слабости.
- г) Политические реалисты склоняются в пользу расширения военной мощи.

IV. Назовите основные положения транснационализма:

- а) _____
- б) _____
- в) _____

V. Назовите основные положения неомарксизма:

^
—
б) —
в) —

VI. Назовите основные положения модернизма:

а) —
6L

2. Международные отношения как особый род общественных отношений

I. Вопросы «Истина—ложь» (указать верные и неверные положения):

- 1) Согласно Р. Арону, МО - это «предгражданское» или «естественное состояние» общества (в гоббсовском понимании — как «война всех против всех»).
- 2) Дж. Розенау считает, что символическими субъектами МУ выступают дипломат и солдат.
- 3) МО детерминируют внутреннюю политику их участников.
- 4) Г. Моргентау сравнивал МО со спортом.
- 5) Уровни МО выделяют на основе классовых и цивилизационных критериев.
- 6) Внешняя политика государства является продолжением его внутренней политики.
- 7) В соответствии с критерием локализации, МО определяются как совокупность соглашений или потоков, пересекающих границы государств (или имеющих возможность такого пересечения).
- 8) Л. Гумплович утверждал, что внутреннее развитие государства и его история целиком определяются внешними силами и имеют служебную роль по отношению к ним.
- 9) Не существует какого-либо аспекта внутриобщественных отношений, который не был бы так или иначе связан с МО.
- 10) С точки зрения Дж. Розенау, результатом изменения в МО является образование международного континуума, символически олицетворяемого такими фигурами, как турист и террорист.

II. Многовариантный выбор

- 1) МО — это (*верное подчеркнуть*):
 - а) Совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и др. связей и отношений между государствами и их союзами, между основными классами, социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на международной арене, — т.е. между народами в самом широком смысле слова;

- б) Особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных границ;
 - в) Отношения между государствами и межгосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами различных государств;
 - г) Совокупность интеграционных связей, формирующих мировое сообщество.
- 2) Основные критерии МО базируются на *(верное подчеркнуть)*:
- а) Специфике участников МО;
 - б) Особой природе МО;
 - в) Социализации МО;
 - г) Взаимодействии между государствами;
 - д) «Естественном состоянии»;
 - е) Плюрализме суверенитетов;
 - ж) «Локализации»;
 - з) Отсутствии центральной власти.
- 3) Три основных трактовки взаимовлияния МО и внутриобщественных отношений:
- а) Приоритет МО над внутриобщественными; внешняя политика — продолжение внутренней; вторичный характер МО.
 - б) Взаимопроникновение внутриобщественных и МО; факторный подход; приоритет внутриобщественных отношений.
 - в) Приоритет МО над внутриобщественными; взаимозависимость; тьер-мондизм.
 - г) Приоритет МО над внутриобщественными; вторичный характер МО; взаимопроникновение МО и внутриобщественных отношений.

3. Методы и законы Международных отношений

I. Вопросы «Истина—ложь» (указать верные и неверные положения)

- 1) Наука о международных отношениях имеет свой собственный, присущий только ей метод исследования.
- 2) Правильные представления о характере и методах деятельности участников международных отношений (МО) гарантируют желаемые результаты во внешней политике.
- 3) Универсальным методом изучения МО является системный подход.
- 4) Одна из главных тенденций (закономерностей) МО — их глобализация (рост взаимозависимости).
- 5) Системный подход есть способ теоретического упрощения объекта науки.
- 6) Прогнозирование МО невозможно, ибо в этой сфере общественных отношений нет каких-либо устойчивых законов.
- 7) Одной из главных тенденций эволюции МО является их фрагментация, рост своеобразия, специфики национально-государственных образований.
- 8) Особенность системного подхода в том, что он дает возможность выявить общность исследуемых явлений и законов их развития.
- 9) Контент-анализ — неотъемлемая часть системного подхода к изучению МО.
- 10) Ведущей тенденцией МО является их гуманизация.
- 11) Ведущей тенденцией МО является их формализация.
- 12) Ведущей тенденцией МО является их институализация.
- 13) Полное знание о характере МО может быть гарантировано только знанием законов их развития.

II. Многовариантный выбор

- 1) Основные методы анализа (А) и объяснения (О) в МО (расставить):
 - а) Наблюдение;
 - б) Эксперимент;
 - в) Контент-анализ;
 - г) Моделирование;
 - д) Сравнение;

- е) Прогнозирование;
- ж) Другое (что именно):

(А-

0-

- 2) В рамках *прогностических методов* изучения *МО*:
 - а) Используются общенаучные методы и конкретные методики;
 - б) Используются факторный и сравнительный анализ;
 - в) Существуют динамический и статический аспекты;
 - г) Исследуются потенциал, государств и их моральные факторы;
 - д) Составляются сценарии возможного развития ситуации;
 - е) Используется дельфийский метод.

III. Назовите основные подходы к изучению ППР:

4. Международная система

(Отметить верное в следующих утверждениях)

1. Основными элементами международных систем являются:

- а) государства;
- б) международные акторы;
- в) географические регионы;
- г) сферы общественных отношений.

2. Структура международной системы определяется:

- а) характером межгосударственных взаимодействий;
- б) международной иерархией;
- в) совокупностью международных акторов;
- г) уровнем международного сотрудничества;
- д) конфигурацией соотношения сил;
- е) распределением власти в международных отношениях;
- ж) уровнем однородности политических режимов государств;
- з) другим (указать, чем именно) _____

3. С позиций политического реализма выделяют следующие типы международных систем:

- а) биполярная;
- б) гомогенная;
- в) мультиполярная;
- г) равновесная;
- д) иерархическая;
- е) стабильная (или нестабильная);
- ж) имперская;
- з) универсальная (и региональные).

4. Современная система международных отношений характеризуется:

1) В структурном отношении:

- а) биполярностью;
- б) многополярностью;
- в) однополюсностью;
- г) универсальностью;
- д) равновесностью.

2) *С точки зрения эволюции:*

- а) увеличением числа акторов;
- б) ростом количества подсистем;
- в) большей степенью организованности;
- г) возросшим числом обменов и контактов между акторами.

3) *С точки зрения среды:*

- а) отсутствием внешней среды для глобальной международной системы;
- б) существованием глобальной международной системы лишь в качестве внешней среды для международных подсистем;
- в) многообразием природного окружения в качестве внешней среды глобальной международной системы.

5. Среда системы международных отношений

I. Вопросы «истина—ложь»:

- 1) Среда международной системы — это то, что ее окружает.
- 2) Среда — это совокупность внешних воздействий на международную систему.
- 3) Среда — это совокупность факторов, определяющих изменения в международной системе.
- 4) Международная среда — это совокупность воздействий, происхождение которых связано с существованием человека и общественных отношений.
- 5) Международная среда — это многообразие природного окружения, географических особенностей, распределения естественных ресурсов, существующих естественных границ и т.п.
- 6) Международная среда — это совокупность социальных и внесоциальных факторов, воздействующих на международную систему и навязывающих ей определенные принуждения и ограничения.

II. Многовариантный выбор

1. *Три основных подхода к анализу влияния цивилизации на МО рассматривают ее как явление или процесс, связанный:*
 - а) с теми изменениями в жизни общества, которые вытекают из взаимодействия международных акторов;
 - б) с движением общества к универсальным культурным ценностям;
 - в) с заимствованием со стороны одних культур ценностей и норм других, более рациональных;
 - г) с переходом общества к высшей стадии его развития;
 - д) с дихотомией единства и многообразия культур, составляющих социальную ("интрасоциетальную") среду МО.
2. *Геополитика представляет собой:*
 - а) "экстрасоциетальную" среду МО;
 - б) взаимосвязь между державной политикой государства и той географической средой, в рамках которой она осуществляется;

- в) псевдонаучный неологизм, служащий для попыток оправдания стремлений к изменению европейского порядка, как орудие в борьбе за власть, пропагандистский инструмент;
- г) аргумент в спорах между государствами по поводу территории, в которых каждая из сторон апеллирует к истории;
- д) совокупность материальных и духовных ресурсов государства, его потенциал, позволяющий ему добиваться своих целей на международной арене.

6. Участники международных отношений

1. Основными признаками международных акторов являются
(отметить верное):

- важное и длительное влияние на МО;
- участие в международных организациях;
- самостоятельность в принятии политических решений;
- наличие внешнеполитического ведомства;
- признание со стороны других международных акторов.

2. В современных условиях роль государства как международного актора

- возрастает;
- снижается;
- остается неизменной.

3. Это (т.е. то, что Вы отметили в п.2) происходит в силу того, что:

- растет взаимозависимость мира;
- увеличивается число негосударственных международных акторов;
- в мире возрастает конфликтность;
- существуют соответствующие гарантии международного права;
- государство контролирует все виды ресурсов на своей территории.

4. Назовите пять типов участников международных отношений:

5. Перечислите:

а) государства—постоянные члены СБ ООН:

б) европейские государства, не являющиеся членами ЕС:

6. Подчеркните, какие из указанных постсоветских республик не являются членами СНГ:

Украина, Армения, Латвия, Россия, Азербайджан, Туркменистан, Карелия, Кыргызстан, Грузия, Молдова, Татарстан, Таджикистан, Чечня, Беларусь, Приднестровская республика.

7. Международные экономические отношения детерминируют содержание политического взаимодействия их участников? Укажите верный ответ (*да; нет; ни то, ни другое; и то, и другое*):

8. Основные признаки МПО:

9. Основные признаки НПО:

10. Основные признаки государства:

7. Цели и средства в МО

I. Вопросы «Истина—ложь» (указать верные и неверные положения):

1. Согласно Моргентау, всякое рассуждение о национальном интересе таит в себе опасность субъективизма.
2. Решающая роль в достижении внешнеполитических целей государства принадлежит переговорам.
3. Баланс сил и баланс интересов взаимно исключают друг друга.
4. Внешнеполитическая стратегия есть нахождение соответствия между целями и средствами в деятельности актора на международной арене.
5. Внешнеполитическая стратегия есть долговременная политическая линия, соединяющая науку и искусство в выборе и использовании средств для достижения поставленной цели.
6. Ключевую роль в понимании международной деятельности государства играет его национальная идентичность.
7. Экспансионистскую стратегию всегда определяют насильственные методы.
8. Успеху переговоров всегда мешает несовпадение интересов их участников.
9. В современных условиях возрастает роль участия в международных переговорах лиц, не имеющих дипломатического опыта.
10. Успех переговоров связан с соотношением сил их участников.
11. «Национальный интерес» — категория объективная.
12. Основой успеха переговоров является наличие общего интереса их участников.

II. Многовариантный выбор:

- 1) Теория, согласно которой государства почти во всех обстоятельствах стремятся к достижению своих национальных интересов, известна как *(подчеркнуть верный ответ)*:
Приспособление. Умиротворение. Политический реализм.
Альтруизм. Политический идеализм.
- 2) Основные внешнеполитической стратегии, из которых исходят государства, это... *(отметить верный пункт)*:
а) сдерживание, приспособление, экспансионизм, статус-кво;
б) экспансионизм, приспособление, альтруизм, статус-кво;

- в) умиротворение, статус-кво, экспансионизм, сдерживание;
- г) политический реализм, сдерживание, приспособление, статус-кво.

3) Основные элементы национального интереса (*подчеркнуть*):

- экономическое благополучие;
- национальная безопасность;
- сдерживание;
- моральный тонус общества;
- баланс сил;
- внутренняя стабильность;
- международная стабильность;
- военная сила;
- благоприятная внешняя среда;
- международный престиж.

4) Кто из ниженазванных ученых и политических деятелей может быть отнесен к политическим реалистам (*подчеркнуть*):

- К. Райт; М. Каплан; Р. Арон; В. Вильсон; Дж. Буш; Р. Ни-бур;
Г. Киссинджер; З. Бжезинский; М. Горбачев; Ф. Миттеран; Р.
Рейган.

8. Сила как цель и средство в международных отношениях

I. Вопросы «истина—ложь» (указать верные и неверные положения):

- 1) Г. Моргантау разделял понятия «сила» и «власть».
- 2) Моргантау придерживался поведенческого понимания силы.
- 3) Сила уже не является эффективным средством международной политики.
- 4) МО — это совокупность силовых отношений между государствами.
- 5) Арон не проводил различий между силой, властью и мощностью государства.
- 6) С точки зрения Арона, сила, власть и мощь зависят от ресурсов и связаны с насилием.
- 7) Баланс сил — объективная основа международной безопасности.
- 8) Баланс сил — рациональное средство предотвращения войны.
- 9) Баланс сил и баланс интересов взаимозаменяемы.
- 10) Политические идеалисты считают обладание силой несущественным для достижения международных целей государств или их союзов.
- 11) Традиционная система баланса сил привела к Первой мировой войне.

II. Многовариантный выбор:

- 1) Принципиальный механизм поддержания стабильности в МО известен, как... (отметить верный/в пункт/ы):
 - а) баланс сил;
 - б) биполярная система;
 - в) структурное равновесие МГО;
 - г) баланс интересов;
 - д) геостратегическая ситуация.
- 2) 3 основных значения понятия «баланс сил»... (отметить верный пункт):
 - а) Полярность мира; иерархия мировой системы; объединение нескольких государств с целью ослабить другое (другие) государство.

б) Функциональный закон системы МО; любое распределение силы в МО; теоретическое отражение определенных международных реалий.

в) Функциональный закон системы МО; внешняя политика государства или группы государств, направленная на ослабление другого государства (группы государств); теоретическое отражение международных реалий.

3) Основные трактовки силы... *(отметить верный пункт):*

а) атрибутивная, геостратегическая, поведенческая;

б) атрибутивная, военно-инструментальная, поведенческая;

в) атрибутивная, военно-ресурсная, военно-инструментальная;

г) атрибутивная, социальная, поведенческая;

д) атрибутивная, оборонительная, геостратегическая.

9. Мораль и право в МО

1. Отметить:

А) Общие признаки морали и права:

- 1) социальное происхождение;
- 2) регулятивное назначение;
- 3) нормативно-ценностная природа;
- 4) принадлежность к формам общественного сознания;
- 5) общечеловеческий характер.

Б) Основные различия:

- 1) фиксированный и институциональный характер права;
- 2) вечность моральных и преходящий характер правовых норм;
- 3) разные сферы действия;
- 4) разные формы, методы, средства и возможности воздействия на МО (на их регулирование);
- 5) мораль неприменима к политике.

2. Основные принципы МО (отметить верные пункты):

- 1) равенство;
- 2) иммунитет;
- 3) взаимность;
- 4) недискриминация;
- 5) независимость;
- 6) самоопределение;
- 7) суверенитет над природными ресурсами.

3. Выберите верное из следующих утверждений:

- 1) Политика и мораль несовместимы.
- 2) Политика может быть нравственной или не нравственной в зависимости от обстоятельств.
- 3) Политика нравственна всегда.

4. В чем состоит дилемма социальной морали (по Веберу)?

5. Критерии нравственности в политике (отметить):

- 1) общечеловеческие моральные нормы («не убий»; «не укради»...);

- 2) справедливость;
- 3) равенство;
- 4) свобода;
- 5) ни один из названных.

6. Отметить верное суждение:

- 1) Нравственность определяется через свободу. (В основе нравственности — свобода человека.)
- 2) В основе свободы — нравственные нормы.

7. Человек следует моральным нормам (указать верный ответ):

- 1) в силу врожденных нравственных чувств;
- 2) по принуждению (т.е. из боязни наказания);
- 3) вследствие социализации;
- 4) в результате идентификации (усвоения и подчинения традициям);
- 5) ни один из названных.

8. «Fiat justitia, pereat mundus» (Прокомментируйте применительно к МО).

10. Стабильность, конфликты, сотрудничество в международных отношениях

1. Международная стабильность — это... — *(отметить наиболее важные признаки)*:

- 1) равновесие сил в МГО (межгосударственных отношениях);
- 2) баланс интересов в МГО;
- 3) статус-кво в МГО;
- 4) отсутствие конфликтов;
- 5) способность международной системы к самосохранению;
- 6) предсказуемость в МО;
- 7) умеренность в МО.

2. Стабильность, конфликты, сотрудничество *(подчеркнуть «диалектическую пар»)*.

3. Международный конфликт — это... *(отметить наиболее важные признаки)*:

- 1) отсутствие стабильности в МО;
- 2) отсутствие сотрудничества;
- 3) столкновение интересов;
- 4) кризис в межгосударственных отношениях;
- 5) насилие в межгосударственных отношениях.

4. Наиболее эффективные пути разрешения конфликтов... *(отметить)*:

- 1) институализация;
- 2) переговоры;
- 3) заключение союзов;
- 4) подавление агрессивной стороны;
- 5) вмешательство/посредничество внешней силы;
- 6) создание системы коллективной безопасности.

5. Назовите 4" типа международных конфликтов:

6. Назовите основные направления (теоретические школы) в исследовании конфликтов:

7. Наиболее распространенные причины межгосударственных конфликтов (отметить):

- 1) разбалансированность международной системы;
- 2) изменение положения и статуса государств;
- 3) «структурное угнетение»;
- 4) агрессивность;
- 5) гонка вооружений;
- 6) слабость одной из сторон.

8. Сотрудничество — это взаимодействие сторон, при котором наблюдается... (отметить):

- 1) отсутствие конфликта;
- 2) совпадение интересов;
- 3) дипломатические контакты;
- 4) стремление к реализации общего интереса;
- 5) союзнические отношения.

9. Назовите основные формы международного сотрудничества:

10. Назовите основные направления (школы) в исследовании интеграционных процессов:

11. Международный порядок

1. Международный порядок (МП) — это... *(отметить)*:
 - 1) отсутствие конфликтов;
 - 2) стабильность в МО;
 - 3) господство международного права;
 - 4) совпадение ценностей участников МО;
 - 5) регулируемость МО;
 - 6) наличное состояние МО.
2. Измерения МП *(дать краткую характеристику)*:
 - 1) Вертикальное;
 - 2) Горизонтальное;^
 - 3) Функциональное;
 - 4) Идеологическое;
3. Признаки «нормативного МП» *(отметить верный пункт)*:
 - 1) господство моральных ценностей;
 - 2) регулируемость МО на основе международного права;
 - 3) политика утрашения;
 - 4) полигика равновесия (баланса сил);
 - 5) коллективная безопасность;
 - 6) действенность основных принципов и процедур регулирования МО;
 - 7) ни один.
4. Признаки «реалистического МП» *(отметить верный пункт)*:
 - 1) баланс сил;
 - 2) институализация МО;
 - 3) доминирование интеграционных процессов в МО;
 - 4) «структурное равновесие»;
 - 5) полигика утрашения;
 - 6) господство принципов и процедур регулирования МО;
 - 7) **ни один.**
5. Признаки «транснационального МП» *(отметить верный пункт)*:
 - 1) международные режимы;
 - 2) международных институты;
 - 3) «утрашение»;

- 4) баланс сил;
- 5) оптимальное соотношение международных структур;
- 6) принципы и процедуры;
- 7) ни один.

6. Назовите 3 основные черты современного МП: _

7. Элементы (виды) МП (*продолжить перечисление, подчеркнуть главный*):

- 1) экономический;
- 2) правовой;
- 3) ...

8. Основные аспекты МП (*дать краткую характеристику*):

- 1) Дипломатический:
- 2) Стратегический:
- 3) Символический:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	<-
<hr/>	
Глава I. Теоретические истоки и концептуальные основания международных отношений	11
1. Международные отношения в истории социально-политической мысли.....	п
2. Современные теории международных отношений	17
3. Французская социологическая школа.....	32
Примечания.....	49
<hr/>	
Глава II. Объект и предмет Международных отношений	44
1. Понятие и критерии международных отношений.....	46
2. Мировая политика.....	<л
3. Взаимосвязь внутренней и внешней политики.....	55
4. Предмет Международных отношений	63
Примечания.....	71
<hr/>	
Глава III. Проблема метода в Международных отношениях	74
1. Значение проблемы метода	75
2. Методы анализа ситуации	7Q
3. Экспликативные методы.....	09
4. Прогностические методы.....	07
5. Анализ процесса принятия решений.....	00
Примечания.....	-••-.....
<hr/>	
Глава IV. Закономерности Международных отношений.....	107
1. О характере законов в сфере международных отношений.....	
2. Содержание закономерностей международных отношений.....	
3. Универсальные закономерности Международных отношений.....	Ј р д л
Примечания ••.....	—.....

Глава V. Международная система	126
1. Особенности и основные направления системного подхода к анализу международных отношений.....	.129
2. Типы и структуры международных систем.....	.135
3. Законы функционирования и трансформации международных систем139
Примечания.....	.146
	.147
Глава VI. Среда системы международных отношений148
1. Особенности среды международных отношений	
2. Социальная среда. Особенности современного этапа мировой цивилизации.....	.150
3. Внесоциальная среда. Роль геополитики в науке о международных отношениях.....	.157
Примечания.....	.166
	.168
Глава VII. Участники международных отношений	
1. Сущность и роль государства как участника международных отношений.....	.171
2. Негосударственные участники международных отношений178
Примечания.....	.189
Глава VIII. Цели и средства участников международных отношений191
1. Цели и интересы в международных отношениях192
2. Средства и стратегии участников международных отношений.....	.197
3. Особенности силы как средства международных акторов.....	.200
Примечания.....	.207
Глава IX. Проблема правового регулирования международных отношений209
1. Исторические формы и особенности регулятивной роли международного права.....	.210
2. Основные принципы международного права.....	.215
3. Взаимодействие права и морали в международных отношениях220
Примечания.....	.224

Глава X. Этическое измерение международных отношений.....

1. Многообразие трактовок международной морали.....
2. Основные императивы международной морали
3. О действенности моральных норм в международных отношениях

Примечания.....

Глава XI. Конфликты и сотрудничество в международных отношениях

1. Основные подходы к исследованию международных конфликтов.....
2. Содержание и формы международного сотрудничества.....

Примечания.....

Глава XII. Международный порядок.....

1. Понятие международного порядка.....
2. Исторические типы международного порядка.....
3. Послевоенный международный порядок.....
4. Особенности современного этапа международного порядка.....

Примечания.....

Приложение (тесты).....

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Учебное пособие

Редактор В. И. Михалевская Корректор Н.В.
Козлова Компьютерная верстка А.М. Быковской

Лицензия ЛР № 061967 от 28.12.92. Подписано к печати
21.10.96. Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура
Тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 10000 экз.
Заказ 1733.

Издательство «Новая школа» 123308, Москва, Проспект
Маршала Жукова, 2

Отпечатано с готового оригинал-макета в АООТ
«Ярославский полиграфкомбинат». 150049, г.
Ярославль, ул. Свободы, 97.